УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ АФРИКИ РАН

Л.Я. Прокопенко

НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В ГОСУДАРСТВАХ ЮГА АФРИКИ

Москва

2011

Ответственный редактор
к.и.н. А.А. Токарев

Рецензенты

д.и.н., проф. Н.Д. Косухин
д.полит.н., проф. Л.В. Гевелинг

Прокопенко Л.Я.
Новые политические элиты в государствах Юга Африки. – М.: Институт Африки РАН, 2011. – 252 с.

В монографии анализируются проблема становления новых политических элит в государствах Юга Африки и степень реализации правящими и оппозиционными элитами своих функций в обществе. Элиты показаны как сложные социальные организмы, в которых функционируют представители различных слоев и групп общества, движимые определенными этническими, региональными, корпоративными и иными интересами. Исследуется деструктивное воздействие коррупции на элиты и политический процесс, определена специфика и результаты антикоррупционной борьбы. Рассматривается также тема возрастания роли СМИ и ИКТ (информационно-компьютерных технологий) в формировании имиджа как отдельных политиков и партий, так и власти в целом.

ISBN 978-5-91298-092-3

© Институт Африки РАН, 2011.
© Прокопенко Л.Я., 2011.
© Абишева Г.М., оформление, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение……. 5

Глава I. Политические элиты в странах Юга Африки: особенности формирования, структура, функции ……..... 11

Понятие «политическая элита». Ее структура и функции ….. 11

Партии и выборы как инструменты формирования политических элит……... 23

Глава II. Правящие политические элиты в системе властных отношений …….. 32

Законодательная и исполнительная власть. Главы государств и феномен преемников……. 32

Роль правящих элит в формировании национальной политики…… 71

Проблемы взаимодействия властей и оппозиции……. 91

Правящие политические элиты и социальные низы……. 100

Роль СМИ и информационно-компьютерных технологий (ИКТ) в политическом процессе и в формировании имиджа политиков…… 105

Связи политических элит стран Юга Африки с Россией и их значение для перспектив сотрудничества……. 119

Глава III. Роль оппозиционных элит в политическом процессе ……. 134

Методы и формы борьбы за власть…… 134

Связь оппозиционных элит с массами……... 156

Интеграция оппозиционных элит и эффективность их борьбы в 2000-е годы…….. 161

Глава IV. Политические элиты региона и коррупция 172

Коррупция в политических элитах и ее влияние на политический процесс…… 172

Специфика и перспективы антикоррупционной борьбы……... 193

Глава V. Роль этнического фактора в функционировании политических элит 202

Глава VI. Гендерная ситуация и политический процесс в государствах Юга Африки……..…….... 221

Заключение……... 238

Библиография …….. 243

Summary ……..... 250

ВВЕДЕНИЕ

В условиях формирования мирового правопорядка и демократизации политических процессов модернизация переходных обществ, в том числе в государствах на Юге Африки, нередко сводится к «освоению» институтов и норм западной либеральной демократии. Результаты этого процесса противоречивы и неоднозначны, поскольку нормы политической жизни африканских обществ во многом определяются исторически сложившимися стереотипами традиционной политической культуры (клановость, этнический корпоративизм, высокая степень персонификации отношений в политической сфере).

Политические процессы, происходившие в государствах южноафриканского региона (ЮАР, Ангола, Ботсвана, Замбия, Зимбабве, Лесото, Мозамбик, Намибия и Свазиленд), особенно деколонизация Намибии, национальное примирение в Анголе и Мозамбике, демократические выборы в ЮАР, оказали значительное влияние на общественное развитие Африканского континента в целом. В центре этих процессов находятся политические элиты стран данного региона. События общественно-политической жизни последних десятилетий наглядно демонстрируют сложность и противоречивость формирования этих элит.

Выбор автором для исследования темы политических элит государств Юга Африки вызван следующими причинами. В течение двух последних десятилетий политические элиты государств региона добились определенных успехов в процессе политической модернизации, а в случае ЮАР – дан пример становления нерасового государства и гражданского общества. Элитам этих стран удается эффективно взаимодействовать в деле укрепления политической стабильности в южноафриканском регионе, есть также определенные успехи в защите его экономических интересов. На Юге Африки на сегодняшний день отсутствуют кровопролитные этнические конфликты. Именно бывшие президенты стран южноафриканского региона – Ж. Чиссано (Мозамбик) и Ф. Могае (Ботсвана) – первыми получили премию Фонда Мо Ибрагима «Лучшему президенту Африки» (самая большая в мире индивидуальная премия – 5 млн долл. США, учрежденная суданским миллиардером Мо Ибрагимом в 2007 г.). Правящей элите Ботсваны удается сохранять и

укреплять демократический строй, и эту страну часто называют «витриной» африканской демократии.

Лидеры государств Юга Африки стали инициаторами программ, имеющих всеафриканский масштаб, и прилагают активные усилия по их практической реализации. Президент Южно-Африканской Республики Т. Мбеки вместе с лидерами Нигерии, Сенегала и Алжира стал автором программы «Новое партнерство для развития Африки» (НЕПАД), в которой определяется место континента в современном мире, содержится конкретный комплекс мер в сфере экономики, а также выражается надежда на партнерство глобального уровня при ее реализации. Она объединила в себе две программы – совместно подготовленную и выдвинутую на саммите ОАЕ в 1999 г. Т. Мбеки и президентом Алжира А. Бутефликой, а также президентом Нигерии О. Обасанджо «Программу Тысячелетия по партнерству ради африканского возрождения» и «План Омега» президента Сенегала А. Вада. Также Т. Мбеки задолго до начала процесса реформирования ООН (в мае 1996 г.) заявил о необходимости демократизации и расширения этой организации и ее Совета Безопасности[1]. Это положение было одним из ключевых элементов выдвинутой Мбеки концепции «африканского ренессанса». Концепция разрабатывалась практически одновременно с идеей африканского единства, реализовавшейся в 2002 г. в форме создания Африканского союза (АС). Некоторые лидеры (Т. Мбеки, Ж. Чиссано) играли значительную роль в урегулировании конфликтов на континенте.

Южноафриканский регион весьма разнороден как по типу государственного устройства (президентские и парламентские республики, а также монархии), так и по форме и условиям перехода к демократическим преобразованиям. Кроме того, на Юге Африки политические элиты действуют в странах, находящихся на различных этапах процесса демократизации: если в ЮАР и Ботсване речь идет о расширении демократии (в ЮАР демократические выборы проводились 4 раза, а в Ботсване – 10 раз), в Замбии, Намибии, Лесото – о сохранении демократии, то в Свазиленде – еще только об ее установлении. В этом главное различие целей, которые стоят перед национальными политическими элитами в странах региона.

Государства Юга Африки резко различаются и по уровню экономического развития. ЮАР, Ботсвана, Намибия и Свазиленд являются развивающимися государствами со стабильным ростом экономики. Ботсвана к тому же, согласно классификации Всемирного банка (ВБ), относится к разряду стран с доходами выше среднего. А Замбия и Мозамбик получают финансовую помощь МВФ по программе HIPC (Heavily Indebted Poor Countries), предоставляемую беднейшим странам с высокой

внешней задолженностью. В рейтинге экономической свободы стран мира (эффективность государственного аппарата, защита прав собственности, доступность денежных средств, участие в международной торговле и степень регулирования бизнеса), составленного в 2008 г. американским Институтом Катона (Cato Institute), большинство стран южноафриканского региона занимают последние позиции: самая низкая у Зимбабве (141-е место), за ней следуют Ангола (139-е) и Мозамбик (121-е); несколько лучше положение у Замбии (48-е), Ботсваны (54-е), Намибии (71-е), ЮАР (82-е) и Лесото (96-е)[2].

К новой африканской политической элите политологи обычно причисляют политиков так называемой «новой (или третьей) волны», пришедших к власти в условиях демократизации в 1990-х годах. Данная трактовка принята согласно теории волн демократизации, разработанной американским политологом С. Хантингтоном[3]. В государствах Юга Африки с начала 1990-х годов проявляются как позитивные, так и деструктивные тенденции развития переходного общества, в том числе в зависимости от уровня компетентности или коррумпированности правящих элит, а также харизматичности политических лидеров.

Среди элит не только Юга Африки, но и всего континента выделяется политическая элита ЮАР. Во многом благодаря ее усилиям достигнуто мирное толерантное сосуществование различных политических сил в постапартеидной Южной Африке, а также начата реализация внешнеполитических идей и инициатив последних лет, которые имеют всеафриканский масштаб. Активные усилия бывшего президента ЮАР Табо Мбеки в конце XX – начале XXI в. способствовали укреплению международного авторитета государств Африки.

Проблемы демократизации и некоторые аспекты становления национальных политических элит в государствах Юга Африки рассматриваются в работах ряда зарубежных авторов: Ханны Эвелин Бриттон[4], Патрика Бонда[5], Р. Вейса[6], Анны-Мари Гётц[7], Кеннета Гуда[8], Кортни Джанг[10], Питера ван Деппа[11], Гевина Кавтры[12], Нгуболы Камвамбе[13], Ричарда Кэллэнда[14], Амоса Малупенги[15], Оуэна Сичоне и Борнуэлла Чикуло[16], Иды Сассер[17], Элизабет Сидиропулос[18], Сары Хадлестон[19] и других.

В отечественной историографии тема формирования и развития новых политических элит в государствах Юга Африки разработана мало; прежде всего, отсутствуют монографии как по отдельным странам, так и по региону в целом. Большинство работ отечественных исследователей посвящены в основном проблемам социально-политического развития Южно-Африканской Республики. В монографии В.Г. Шубина «Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы» (М.: Институт Африки РАН, 1999) детально освещается исто-

рия АНК и содержится анализ многих фактов и событий, связанных с судьбами некоторых современных политических деятелей ЮАР. Тема политической борьбы, национальной политики и национальных отношений в ЮАР после 1994 г. подробно исследована во многих работах А.Б. Давидсона. Проблеме национальных отношений в современной ЮАР посвящен также ряд работ И.И. Филатовой. Политический процесс в этой стране с точки зрения взаимодействия политической власти и оппозиции проанализирован в работе А.Н. Касимовой «Политическая власть и оппозиция в современной ЮАР» (М.: Институт Африки РАН, 2009). Социально-политические и экономические проблемы развития региона, в частности ЮАР, рассмотрены в монографиях А.В. Притворова «Южная Африка и другие страны южноафриканского региона в эпоху перемен» (М.: Институт Африки РАН, 2002) и «Опыт осуществления проектов развития на Юге Африки (технико-экономические аспекты, 1970–2006 гг.)» (М.: Институт Африки РАН, 2007), Л.А. Демкиной «Некоторые аспекты социально-политического развития южноафриканского общества после 1994 г.» (М.: Институт Африки РАН, 2006) и Г.В. Шубина «Проблемы развития демократической Южной Африки» (М.: Институт Африки РАН, 2006). Материал по гендерному аспекту развития ЮАР содержится в работе Н.В. Гришиной «Гендерные аспекты урбанизации (на примере африканского населения ЮАР)» (М.: Институт Африки РАН, 2007).

Обширный анализ политического процесса в переходных обществах и роли в нем лидера представлен в монографии Н.Д. Косухина «Африка: поиски обновления. Динамика политических изменений в конце XX – начале XXI в.» (М.: Институт Африки РАН, 2007). Роль деструктивных форм власти и коррупции в африканском обществе исследована в ряде работ Л.В. Гевелинга, прежде всего в его монографии «Клептократия: социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти» (М.: Издательство «Гуманитарий», 2001). Тема парламентаризма как одной из форм осуществления политической модернизации рассматривается в работе Л.М. Садовской «Проблема разделения властей в Африке» (М.: Институт Африки РАН, 2009).

Ряд аспектов политической модернизации африканского общества, политического лидерства, а также роли этнического и культурного факторов в политике исследовались или были затронуты в трудах российских исследователей – А.М. Васильева, И.О. Абрамовой, А.А. Архангельской, Д.М. Бондаренко, В.Б. Бурениной, Ю.Н. Винокурова, М.Л. Вишневского, Н.И. Высоцкой, И.В. Герасимчук, В.В. Грибановой, А.А. Громыко, Т.Л. Дейч, Ю.В. Ирхина, Р.Н. Исмагиловой, И.Т. Катагощиной, В.И. Комар, Н.В. Корендясова, Н.Л. Крыловой, Н.А. Ксенофон-

товой, Э.Е. Лебедевой, А.Н. Мосейко, В.С. Мирзеханова, А.П. Позднякковой, Д.В. Поликанова, Ю.В. Потемкина, Л.Н. Рытова, И.В. Следзевского, В.Н. Тетекина, А.А. Ткаченко, А.А. Токарева, Л.Л. Фитуни и А.М. Хазанова.

Представления исследователей о политических элитах стран Юга Африки, как и других стран континента, на сегодняшний день отличаются нечеткостью и даже аморфностью. Во многом это объясняется своеобразием политического процесса, лавинообразные события которого в некоторых странах (например, в ЮАР и Зимбабве) мешают пониманию его сути. По этим причинам выбрать какой-либо один ракурс наблюдения, который давал бы исчерпывающий и обобщенный образ политических элит, довольно сложно.

В данной монографии автор стремился учесть различные фундаментальные методологические подходы к проблемам элит, власти и политического процесса. Однако в исследовании политических элит региона главным был выбран функциональный подход, дающий возможность рассмотреть социальный состав современных элит, степень их самоидентификации, механизм воспроизводства, а также их структурно-политические связи и отношения. На основе анализа фактического материала по странам региона автор попытался показать степень реализации правящими и оппозиционными элитами своих функций – стратегической, организаторской, интегрирующей и коммуникативной.

По аналогии с некоторыми работами отечественных[20] и зарубежных авторов[21], в монографии сделана попытка показать место новых политических элит государств Юга Африки в «анатомии» африканского общества. Одна из главных задач работы – исследование жизнеспособности правящих и оппозиционных политических элит, а также рассмотрение их взаимодействия с электоратом.

Для изучения политических элит региона потребовалось рассмотреть их функционирование в системе властных отношений, определить роль и взаимодействие правящих и оппозиционных элит, их влияние на политический процесс и развитие страны и общества. При таком многоплановом рассмотрении политических элит необходим анализ одних и тех же процессов и событий с позиций как правящей, так и оппозиционной элит. В связи с этим одно и то же явление или эпизод политической жизни страны может рассматриваться в разных главах, являясь примером, скажем, и политической борьбы, и коррупции.

Исследование стратегии и тактики политических элит в странах южноафриканского региона, определение их поведенческих стереотипов дает возможность понять происходящие в обществах переходного типа процессы, прежде всего, объяснить нынешние политические кризисы и найти пути предупреждения вероятных будущих конфликтов. Анализ

проблем становления политических элит остается крайне актуальным, так как именно качество правящей элиты в значительной степени определяет историческое будущее государств.

---

[1] См.: *Прокопенко Л.Я., Шубин В.Г.* Африканский ренессанс // Африка: поиск идентичности. М.: Институт Африки РАН, 2001. С. 55.

[2] http://www.cato.org/pubs/efw/efw2010/EFW2010-chapter2.pdf

[3] *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991.

[4] *Britton H. E.* Women in the South African Parliament: From Resistance to Governance. University of Illinois Press, 2005.

[5] *Bond P.* Elite Transition: From Apartheid to Neoliberalism in South Africa. L.: Pluto Press, 2000.

[6] *Weiss R.* Zimbabwe and the New Elite. L.: British Academic Press, 1994.

[7] *Goetz A.-M.* Governing Women: Women's Political Effectiveness in Contexts of Democratization and Governance Reform. Routledge, 1st edition, 2008.

[8] *Good K.* Realizing Democracy in Botswana, Namibia and South Africa. Africa Institute of South Africa, 1997.

[9] *Gumede W.M.* Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC. L.: Zed Books, 2007.

[10] *Jung C.* Then I Was Black. South African Political Identities in Transition. Yale University Press. New Haven and L., 2000.

[11] *Von Doepp P.* The Survival of Malawi's Enfeebled Democracy, Current History, Blantyre: CLAIM, 2001.

[12] *Cawthra G. & Luckham R. (eds).* Governing Insecurity: Democratic Control of Military and Security Establishments in Transitional Democracies. L.: Zed Books, 2003.

[13] *Kamwambe N.* Frederick Chiluba, is he Riding a Tide of Fortune? Lusaka, 1991.

[14] *Calland R.* Anatomy of South Africa. Who Holds the Power? South Africa: Zebra Press, 2006.

[15] *Malupenga A.* Levy Patric Mwanawasa. An Incentive For Posterity. South Africa: NISC, 2009.

[16] *Sichone O., Chikulo B.* Democracy in Zambia: Challenges for the Third Republic / Ed. Owen Sichone and Bornwell Chikulo. Harare, 1996.

[17] *Susser I.* AIDS, Sex and Culture: Global Politics and Survival in Southern Africa. Wiley-Blackwell, 2009.

[18] Aparteid Past, Renaissanse Future. Ed. by Elizabeth Sidiropoulos. Johannesburg, 2004.

[19] *Hudleston S.* Face of Courage. A Biography of Morgan Tsvangirai. Cape Town: Double Storey, 2005.

[20] *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

[21] *Calland R.* Anatomy of South Africa. Who Holds the Power? South Africa: Zebra Press, 2006.

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В СТРАНАХ ЮГА АФРИКИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ

Понятие «политическая элита». Ее структура и функции

Термин «элита» в социологию и политологию ввел итальянский экономист и социолог Вильфредо Парето в 1897 г.[1] До появления этого термина его соотечественник Гаэтано Моска в 1881 г. сформулировал так называемую «теорию правящего класса»[2] и ввел в научный оборот понятие «политический класс», который рассматривается как синоним термина «элиты». В современной политологии термин «элита» закрепился благодаря работам американского политолога Гарольда Дуайта Лассуэлла[3].

Внимание к политической элите как к одной из групп элиты, выполняющей некую «критически важную для существования общества функцию»[4], впервые было привлечено немецким социологом Карлом Мангеймом в 1941 г. Согласно Г. Лассуэллу, политическая элита – это верхушка правящего класса[5]. При рассмотрении политической элиты в теоретическом плане в исследовательской литературе сложились три основных подхода: позиционный, определяющий степень политического влияния индивидуума исходя из занимаемой им позиции в системе власти (то есть элита – это, прежде всего, члены правительства, парламента и т. п.), репутационный (базируется на определении рейтинга политика посредством экспертных оценок) и подход, основанный преимущественно на выделении лиц, которые принимают стратегические решения. В современной политологической литературе наиболее распространен третий из вышеперечисленных подходов. Российский элитолог О.В. Гаман-Голутвина считает его «наиболее соответствующим задачам политологической науки»[6]. По мнению автора данной монографии, применительно к элитам государств Юга Африки помимо этого подхода необходимо использовать также первый подход, позиционный.

Разработке теории элит применительно к постколониальной истории африканских стран посвящены работы западных исследователей Дж. Гаглера и У. Фланагана[7], Л. Мейра[8], а также южноафриканского исследователя элит Лео Купера[9] и нигерийского – А. Нванкво[10]. Л. Мейр называл политической элитой «ограниченную часть населения, члены

которой конкурируют в деле установления политического контроля»[11]. Он также считал, что политическая элита может существовать только в условиях суверенного государства.

Знания о политических элитах континента значительно расширили работы английских антропологов П. Ллойда[12] и Р. Моргентау[13], американского политолога Г. Бреттона[14], а также португальского ученого М. Лахэро[15], которые при определении состава элиты настаивали, в частности, на необходимости учета роли богатства. Например, М. Лахеро, исследуя в 1970-е годы родезийскую элиту, утверждал, что «элита» от «неэлиты» отличается материально-финансовым положением[16]. Этой позиции также придерживался известный американский антрополог Мелвилл Херсковиц, относящий к членам африканской элиты людей, которые контролируют политику, обладают состоянием и большим общественным влиянием[17]. Российский исследователь В.Б. Буренина, определяя критерии политических элит Кении и Танзании, наряду с их участием в подготовке, принятии, реализации и контроле за исполнением политических решений, также подчеркивала место политической элиты в экономике, уровень и форму получения доходов и обусловленный ими способ потребления[18]. Необходимо отметить, что на Юге Африки в 2000-е годы многие представители правящей элиты и лидеры оппозиции занимают значимое место в бизнесе.

В зависимости от области исследования в XX и начале XXI века содержание категории «элита» получило множество интерпретаций. Значительные разночтения по этому вопросу в современной политологии наложили свой отпечаток и на трактовку категории «политическая элита», относительно которой продолжается серьезная теоретическая дискуссия. Появилась отдельная наука – элитология. В историографии по данной теме важное место занимают аналитические работы зарубежных (П. Бурдье[19], М. Вебер[20], М. Дюверже[21], Н. Луман[22], Ч.Р. Миллс[23], М. Нарта[24] и др.) и отечественных авторов (Г.К. Ашин[25], М.А. Чешков[26], О.В. Гаман-Голутвина[27], О.В. Крыштановская[28], В.В. Бочаров[29], П.Л. Карабущенко, Н.Б. Карабущенко[30] и др.).

Существование на сегодняшний день множества подходов к теории элит, особенно при исследовании элит в переходных обществах, объясняется не только объективными причинами развития элитологии, но также фактором субъективного свойства. Для политических партий и группировок во всем мире важен их имидж как силы общества, выражающей национально-государственные интересы. Поэтому они иногда выступают заказчиками новых элитологических исследований, в которых реальный мир «моделируется» с учетом их политических установок.

В странах Юга Африки также накоплен некоторый опыт в данной области политологии. Например, доклады Дэвида Себудубуду (Ботсва-

на) о сравнительных исследованиях в Африке и Иоланды Сади (ЮАР) о сравнительной политологии в ЮАР вызвали оживленную дискуссию на конференции Международной ассоциации политической науки (МАПН) «Международная политическая наука: теоретические и региональные перспективы», проходившей 30 апреля – 2 мая 2008 г. в Монреале (Канада). В государствах данного региона, как и во многих странах мира (в том числе развитых), политологи не входят в политические элиты, и лидеры государств далеко не всегда прибегают к использованию их рекомендаций. Констатации этого факта было посвящено выступление на конференции Джона Трента (Канада) – главы исследовательского комитета МАПН. Следует, однако, заметить, что некоторым политологам все же удается примкнуть к политической элите, как это было в случае с известным политологом Вейнандом Маланом*, который был членом парламента ЮАР[31].

В условиях существования множества классификаций и типологий элит, появившихся за последние десятилетия, определение четкой структуры политической элиты в государствах южноафриканского региона довольно проблематично. Вариант, выбранный автором, базируется на теоретических исследованиях в сфере элитологии и политологии с учетом специфики политического процесса в африканском обществе.

Страны южноафриканского региона (за исключением Свазиленда) встали на путь демократического развития. Но в этих странах в большей или меньшей степени наблюдаются такие явления, как доминирование (кроме ЮАР) исполнительной власти (президента и/или правительства) над законодательной (парламентом), существование сильной власти политического лидера, соединяющего в одном лице функции и партийного, и государственного руководителя, а также невозможность реализовать в полной мере формально провозглашенные права и свободы, которые иногда безнаказанно нарушаются властью. По этой причине форму правления в некоторых из этих стран, официально провозгласивших политический плюрализм, иногда называют квазидемократией.

Понятие «политическая элита», как и понятие «элита», достаточно условно, так как существуют различные критерии их исследования. Появившееся в результате большое число определений постоянно растет в процессе исторического развития самих политических элит. Известный российский элитолог Г.К. Ашин определяет политическую элиту как внутренне сплоченную, составляющую меньшинство социальную общность, выступающую субъектом подготовки и принятия важнейших стратегических решений в сфере политики и обладающую

* Белый южноафриканец.

необходимым для этого ресурсным потенциалом[32]. О.В. Гаман-Голутвина в целом разделяет точку зрения Г.К. Ашина, уточняя, что элитой следует называть особую, хотя и гетерогенную, социальную общность, объединенную сходством ценностных установок, стереотипов и норм поведения[33]. А О.В. Крыштановская относит к политической элите России людей, принимающих общегосударственные решения: высшее руководство страны, правительство, парламент и региональную элиту[34].

В целом такая характеристика справедлива для определения состава африканских элит. Однако, исследуя российскую элиту, О. Крыштановская исключает из ее числа лидеров партий, которые не имеют парламентского статуса[35]. Признавая правомерность такого подхода к элитам России, автор считает его спорным применительно к африканским реалиям. Г. Лассуэлл определял элиту довольно широко и включал в нее также «членов оппозиции, обладающих большим политическим весом, с которыми вынуждена считаться власть…»[36]. Согласно теории элит Г. Моска и В. Парето, элита формируется как политический класс посредством таких социальных процедур, как наследование, кооптация, выбор/выборы. Они утверждали, что именно правящая элита представляет собой подлинную элиту, и при определенном стечении обстоятельств она может быть заменена контрэлитой (то есть оппозицией). В. Парето писал, что «в главном классе есть два подкласса: правящая и не правящая элиты»[37]. Согласно плюралистическому подходу к теории элит (В. Парето, П. Бахрах), в демократических обществах существует не менее двух элит – правящая и не правящая (оппозиционная элита), между которыми происходит постоянная конкурентная борьба, и ее результаты определяются путем выборов. Российский исследователь М.А. Чешков, рассматривая элиту развивающихся стран, также одним из ее признаков считал отношение к системе власти в целом и таким образом делил элиту на господствующую и так называемую «контрэлиту»[38].

В странах Юга Африки лидеры партий, не вошедших по результатам выборов в парламент, часто представляют, тем не менее, активную часть оппозиционной политической элиты. Активность некоторых лидеров объясняется стремлением вернуть власть, как, например, бывшая правящая партия ЮНИП (Объединенная партия национальной независимости) в Замбии. Другие (Национальная партия /НП/ в Замбии и Демократический конгресс Замбии /ДКЗ/, Народная партия Ботсваны /НПБ/), проиграв на выборах или не имея возможности соблюсти все формальности для участия в них, продолжали выступать с критикой властей и искать пути политической интеграции для участия в следующих выборах. В Мозамбике, где на протяжении длительного периода времени из 40 существующих партий только Мозамбикское национальное сопротивление (МНС) во главе с А. Длакамой оставалось единст-

венной партией оппозиции, представленной в парламенте, многие партии также выступали с критикой властей и вели агитацию среди масс. Более того, некоторые видные политики региона, ранее находившиеся на вершине власти (то есть принимали общегосударственные решения, а значит, были представителями политической элиты), уйдя в отставку, остаются влиятельными политическими фигурами, имеющими вес не только в национальной политике, но и в международных отношениях. Личности бывших президентов ЮАР (Н. Мандела), Мозамбика (Ж. Чиссано), Замбии (К. Каунда) – яркие тому примеры. Кроме того, в политические элиты стран Юга Африки входят традиционные вожди и религиозные лидеры. Они часто являются лидерами стран и политических партий, членами специальных палат вождей в парламентах (например, в Ботсване и Замбии) и активно влияют на принятие политических решений.

Исходя из вышеперечисленных доводов, автор считает целесообразным рассматривать политические элиты государств Юга Африки как правящие (иногда употребляется название «властные») элиты и элиты оппозиционные. Правящая политическая элита, в свою очередь, делится в основном на высшую правящую элиту, принимающую значимые для всего государства решения (глава государства, правительство и парламент) и административную элиту (государственные служащие-управленцы).

Элита в прямом понимании этого слова – лучшие, избранные, но, как показывает практика, она часто является лишь группой управленцев (не всегда в достаточной степени профессиональных), конгломератом лиц, некоторые из которых обладают харизмой. По мнению О.В. Крыштановской, политическая элита – это «высшая страта политического класса»[39]. Напомним, что политическим классом являются группы, имеющие политическую власть и влияние, непосредственно участвующие в борьбе за политическое лидерство. При становлении рыночных отношений в африканских реалиях собственников, независимых от государства, еще мало. Политический класс здесь нельзя разделить на правящий и управляющий классы, как это происходит в экономически развитых обществах. По этой причине в странах Юга Африки политический класс в основном и является правящим. Исходя из этого, политические элиты в этих странах можно (или следует) разделить на правящие и оппозиционные.

В странах Юга Африки, как и континента в целом, группы в структуре политической элиты определяются помимо формальных критериев (например, занимаемая должность) некоторыми неформальными. Это связано с тем, что в этих странах в сфере властных отношений сохраняются элементы патримониализма – системы установления личного господства и контроля над государственными службами и использование их возможностей в личных целях. Неразвитость системы разделения властей в африканских странах способствует укреплению влияния различных кланов, прежде всего этнических. По мнению Н.Д. Косухина, в Африке из системы патронажно-клиентельных связей «наибольшее распространение имеют связи этнического типа, которые влияют на успешную карьеру служащих гораздо больше, чем уровень образования, компетентность или опыт работы»[40].

Для политика крайне важными качествами являются компетентность и профессионализм, умение правильно и вовремя реагировать на критику, навыки работы с конкретными людьми, а не с обезличенным электоратом, а также способность принимать решения. Все эти требования в условиях африканского общества, даже в случае Ботсваны – «витрины» африканской демократии, – где широко распространен непотизм, часто становятся необязательными, а иногда просто лишними.

Необходимо отметить, что существование неформальной структуры политической элиты не является только африканской спецификой. Клиентела широко распространена в современной мировой политической практике. Английский политолог Дж. Виллертон отмечал, что избежать патронажа при рекрутировании новых членов и продвижении в элитах не удается даже в развитых государствах[41]. А российский политолог О.В. Крыштановская определяет клиентелу как систему неформальных политических связей[42]. Современные события становятся яркой иллюстрацией этого. Например, в октябре 2009 г. широко обсуждалось СМИ и западной общественностью избрание 23-летнего студента Жана Саркози (младшего сына президента Франции Н. Саркози) членом административного совета парижского делового района Дефанс. За его назначение проголосовал Генеральный совет департамента Верхняя Сена, в котором он работал[43]. Примеры непотизма в среде политической элиты предоставляет и наша российская действительность.

На формировании новых политических элит государств Юга Африки в условиях перехода к политическому плюрализму сказывались особенности их исторического развития. Политическая элита ЮАР сформировалась в ходе длительной, продолжавшейся несколько десятилетий борьбы против апартеида. Это во многом определило ее значительную независимость и решительность в проведении в стране необходимых социально-экономических преобразований. После снятия в феврале 1990 г. запрета на деятельность Африканского национального конгресса (АНК), Панафриканистского конгресса Южной Африки (ПАК) и Южноафриканской коммунистической партии (ЮАКП) были выпущены на свободу Н. Мандела и другие политзаключенные. Новую политическую элиту ЮАР составляют:

– вышедшие из тюрем политзаключенные (включая Н. Манделу);

– политическое руководство, находившееся в эмиграции (включая Т. Мбеки);

– военное крыло АНК, представители которого в большинстве своем также находились в эмиграции;

– участники массового демократического движения.

Во многом благодаря усилиям этих людей в ЮАР стали возможны ликвидация режима апартеида и создание демократического государства. Политическая история современной Южно-Африканской Республики богата выдающимися личностями, Н. Мандела и Т. Мбеки – яркие тому примеры. Успехи ЮАР за последнее десятилетие во многом стали возможны благодаря личным качествам и политической прозорливости этих лидеров. Они оба хорошо понимали, что современное государство немыслимо без высокого профессионального уровня представителей высших эшелонов власти, поэтому пытались привлекать именно такие кадры. Эта проблема стала также предметом изучения: например, бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол ЮАР в РФ (1995–2001 гг.) магистр экономики Сипо Сидней Макана занимался научными исследованиями в области организации государственной службы в Витватерсрандском университете.

Для понимания сущности политических элит необходимо представление о ее членах с точки зрения принадлежности к конкретным социальным и этническим группам, уровня образования, продолжительности и степени участия в общественно-политической жизни страны.

Немалую часть нынешней правящей и оппозиционной политической элиты региона, прежде всего ЮАР, Анголы, Мозамбика, Зимбабве и Намибии, составляют бывшие революционеры, партизаны и подпольщики. Они превратились в государственных деятелей, политических топ-менеджеров, в некоторых случаях довольно успешных. Многих политиков ЮАР (в том числе Джекоба Зуму, Кгалему Мотланте, Джеффри /иногда в литературе его называют сокращенным именем Джефф/ Радебе) объединяет общее прошлое национально-освободительной борьбы, ряд из них, так же как Н. Мандела, содержались в тюрьме на острове Роббен. Некоторые из политиков изменили идеологические взгляды: бывший президент ЮАР Табо Мбеки вышел из компартии, а лидер оппозиционной партии ДДП (Движение за демократические перемены) Морган Тсвангираи (Зимбабве) стал поборником идей либеральной демократии. Изменил взгляды Жорже Алисерсеш Валентин, занявший в 2002 г. пост министра туризма и гостиничного хозяйства в правительстве Ж.-Э. душ Сантуша. В прошлом он был членом ФНЛА (Национальный фронт освобождения Анголы), но, разочарованный политикой Х. Роберто, которая сопровождалась кровавыми расправами на

севере Анголы, перешел на сторону УНИТА (Национальный союз за полное освобождение Анголы)[44].

Некоторые лидеры стран региона являются кадровыми военными. Нынешний президент ЮАР Джекоб Зума в прошлом – начальник разведки вооруженных формирований АНК, лидер Анголы Ж.-Э. душ Сантуш носит звание генерала армии с 1986 г., а президент Ботсваны Серетсе Кхама Ян Кхама (избран 1 апреля 2008 г.) – профессиональный летчик и до 1998 г. был командующим армией, имеет звание генерал-лейтенанта[45].

Многие высшие правительственные посты также занимали или занимают люди с военным прошлым: в ЮАР министром государственной безопасности в правительстве Т. Мбеки был Ронни Касрилс – один из руководителей вооруженных формирований АНК под названием «Копье нации» (Umkhonto we Sizwe); в Анголе министром обороны является генерал Кунди Пайама (в правительстве с 2002 г.), а пост министра внутренних дел занимает генерал Роберту Леал Рамуш Монтейру. Оба вице-президента Зимбабве – Джозеф Мсика (скончался в августе 2009 г.) и Джойс Муджуру – деятели с партизанским прошлым. В новом коалиционном правительстве Зимбабве одним из двух министров внутренних дел* в феврале 2009 г. стал отставной майор армии Джайлз Мутсеква. В Замбии с 1994 по 2001 г. вице-президентами также были бывшие военные: сначала бригадный генерал Годфри Миянда, а потом генерал-лейтенант Кристон Тембо.

Военные являются также лидерами некоторых политических партий. Прежде всего, это президент Анголы и председатель правящей партии Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА) Ж.-Э. душ Сантуш, президент Ботсваны и лидер правящей Демократической партии Ботсваны (ДБП) Я. Кхама. Лидером созданного в ЮАР в 1997 г. Объединенного демократического движения (ОДД) является генерал Банту Холомиса, а президентом Объединенной партии национальной независимости (ЮНИП) в Замбии в начале 2000-х годов стал генерал Малимба Машеке.

Об уважении к заслугам борцов за независимость свидетельствует учреждение в правительствах стран региона специальных должностных постов: в 2009 г. в ЮАР министром обороны и по делам ветеранов назначена Линдиве Сисулу (дочь покойного лидера АНК Уолтера Сисулу), в Намибии пост министра по делам ветеранов занимает Нгарикутуке Чирианге, в Анголе министром по делам ветеранов является Педру

* По договоренности этот важный пост делят два представителя: один от ЗАНУ-ПФ, второй – от ДДП.

Жозе Ван-Дунем. В Мозамбике и Зимбабве такая специальная должность в правительстве не предусмотрена.

В Анголе у многих политиков с военным прошлым сохранились военные прозвища и псевдонимы (на португальском языке – nome de guerra), которыми их называют даже в официальных документах и в местных СМИ. Например, председатель Национальной ассамблеи (парламента) Анголы Фернанду да Пьедади Диаш душ Сантуш (избран в сентябре 2008 г.) известен как «Нанду», а министр внутренних дел Роберту Леал Рамуш Монтейру – как «Нгонго».

Лидер национально-освободительного движения и бессменный президент Зимбабве Р. Мугабе использовал влияние и силу военных, на первых порах удовлетворяя их политические запросы. При этом он расставался с теми союзниками, которые ему были уже не нужны или угрожали его власти. Противники Р. Мугабе до сих пор утверждают, что он якобы причастен к гибели в 1980 г. в автокатастрофе знаменитого командира партизанского соединения повстанцев Джосайя Магама Тонгогары, которого рассматривали как конкурента Р. Мугабе, стремившегося к единоличной власти[46]. В 2004 г. лидерство военных было ослаблено после того, как на выборах в ЗАНУ-ПФ многие посты, в том числе пост вице-президента, заняли женщины. Своеобразной компенсацией отстраненным от власти военным стало то, что многие из них в 2005 г. получили землю в рамках операции «Мурамбатсвина» (в переводе «уборка мусора», программа сноса домов в городах и массовых насильственных выселений в сельскую местность)[47]. По утверждениям оппозиции, некоторые бывшие участники освободительной войны сумели заработать на войне и ее последствиях в ДРК, а также на обменном курсе стремительно «падавшего» в 2007–2009 гг. зимбабвийского доллара.

Многие видные представители политической элиты региона, в том числе некоторые нынешние и бывшие президенты стран, начинали свою карьеру в качестве лидеров национальных профсоюзов. В их числе президент ЮАР с сентября 2008 г. по апрель 2009 г. Кхалема Мотланте (после выборов 2009 г. он стал заместителем президента Дж. Зумы) и президент Замбии в 1991–2001 гг. Фредерик Чилуба. Последний, придя к власти, назначил членами правительства своих соратников по работе в Конгрессе профсоюзов Замбии Ньюстеда Зимбу и Читалу Сампу[48]. В Зимбабве лидер оппозиционной партии Движение за демократические перемены (ДДП) Морган Тсвангираи в 1988–2000 гг. был генеральным секретарем Конгресса профсоюзов страны. Генеральным секретарем правящей партии АНК в ЮАР является бывший лидер профсоюзов горняков Гведе Манташе. Пути профсоюзных работников, ставших позже видными представителями политической элиты, пересекались порой самым неожиданным образом. Например, в 1989 г. молодой

активист профсоюза Замбии Ф. Чилуба был послан в Зимбабве Международным объединением свободных профсоюзов для спасения арестованного профсоюзного лидера М. Тсвангираи. Но помочь коллеге Ф. Чилубе не удалось, так как его самого власти Зимбабве тоже арестовали и выслали из страны[49].

В политической жизни стран региона все больше прослеживается связь политики и бизнеса. Подробнее об этом будет сказано во второй главе.

Многие представители политической элиты в странах региона, прежде всего президенты и лидеры партий, принадлежат к числу традиционных вождей: в ЮАР Н. Мандела принадлежит к роду вождей этнической группы мвезо, относящейся к народу коса, Я. Кхама (Ботсвана) – вождь народа бамангвато, лидер оппозиционной Инката фридом парти Г.М. Бутелези (ЮАР) – выходец из рода вождей зулусов. В Замбии в 1990-е годы активными деятелями в правящей партии Движение за многопартийную демократию (ДМД) были традиционные правители лози А. Вина и Инонге, а лидером оппозиционной партии Повестка дня Замбии был член королевской семьи народа лози Акашамбатва Мбикусита-Леваника.

В среде политиков есть и религиозные лидеры. В Зимбабве лидером оппозиционной партии ЗАНУ-Ндонга был епископ Н. Ситоле. Мировой общественности хорошо известно имя зимбабвийского архиепископа Римской католической церкви из г.Булавайо Пиуса Нкубе, который на протяжении многих лет находится в активной оппозиции к режиму Р. Мугабе. В ЮАР широко известен лидер Африканской христианско-демократической партии отец Кеннет Мешое, в 2006 г. боровшийся против принятия закона, разрешающего однополые браки.

Некоторые государственные деятели имеют профессиональный опыт в области международных отношений. Начало политической карьеры нынешнего президента Замбии Рупиа Бвезани Банды связано с дипломатической деятельностью: в 1960–1970-е годы он работал послом Замбии в Египте, США, был постоянным представителем страны в ООН, а в 1975 г. возглавил МИД Замбии[50]. Спикер парламента Намибии Тео-Бен Гурираб тоже профессиональный дипломат, на протяжении 14 лет был главным представителем СВАПО (Народная организация Юго-Западной Африки) в Организации Объединенных Наций[51]. А министр внутренних дел Анголы генерал Роберту Леал Рамуш Монтейру («Нгонго») в начале 2000-х годов был послом Анголы в Российской Федерации.

Видным политиком является бывший мэр г.Кейптаун, лидер главной оппозиционной партии ЮАР Демократический альянс (ДА) Хелен Зилле. В прошлом она известный журналист и активная участница антира-

систского движения. Зилле была первой, кто во времена апартеида сообщил в прессе о нашумевшем убийстве полицейскими чернокожего активиста Стива Бико[52]. Член правительства Дж. Зумы Мосима Сехвале[*] в 1994 г. возглавлял провинцию Хаутенг[53]. А мэром г.Бейра (второй по величине город в Мозамбике) является молодой лидер (род. в 1964 г.) созданной им в марте 2009 г. партии Демократическое движение Мозамбика (ДДМ) Давиш Симангу, участвовавший в президентских выборах в октябре того же года.

В политических элитах государств Юга Африки появились уже своеобразные династии. По стопам отца пошли два сына президента Замбии в 1964–1991 гг. Кеннета Каунды. Один из них, Уези, считался главным претендентом на пост лидера Объединенной партии национальной независимости (ЮНИП), которую его отец возглавлял в 1960–1992 и 1995–2000 гг., но был убит незадолго до выборов 1996 г. Второй из сыновей – Тильенджи Каунда – в настоящее время является президентом этой партии. Стал политиком также один из сыновей (Эндрю) нынешнего президента Р. Банды.

У многих «наследных» политиков большие амбиции, и они смело вступают в борьбу на выборах главы государства, которая иногда завершается их успехом. Президент Ботсваны Ян Кхама, избранный 1 апреля 2008 г., является сыном первого президента независимой Ботсваны Серетсе Кхамы. Оппозиция даже усматривает в этом угрозу образования так называемой «демократической династии» лидеров правящей в стране Демократической партии Ботсваны (ДПБ). Один из трех кандидатов в президенты на состоявшихся 28 октября 2009 г. президентских выборах в Мозамбике, вышеназванный молодой лидер партии ДДМ Давиш Симангу, является сыном У.Т. Симангу – одного из основателей и лидеров правящей партии ФРЕЛИМО (Фронт освобождения Мозамбика). Продолжил семейную традицию и начал свою политическую карьеру бизнесмен из ЮАР Мандла Мандела – внук Нельсона Манделы. Он баллотировался на всеобщих выборах 2009 г. от правящей АНК[54]. Необходимо отметить, что хорошо известны его тесные связи с новым президентом страны Дж. Зумой.

Эффективность правящей элиты напрямую зависит от уровня образования ее представителей. Компетентность лидера страны и его команды способствует разработке взвешенной внутренней политики, а современная внешнеполитическая деятельность государства требует, по выражению И.Т. Катагощиной, «интеллектуализации» высших эшелонов власти[55].

[*] В литературе он часто упоминается под прозвищем «Токио», которое он получил из-за своих занятий каратэ в юности.

Некоторые лидеры стран Юга Африки имеют хорошее образование. В их числе два последних президента Замбии – Леви Мванаваса и Рупиа Банда. Скончавшийся в 2008 г. Л. Мванаваса получил юридическое образование в госуниверситете Замбии и занимался частной юридической практикой, а нынешний президент Р. Банда окончил Лундский университет в Швеции, а также учился в Кембридже (Великобритания). Высшее образование в Европе получили также бывшие президенты ЮАР (Т. Мбеки получил степень магистра экономики в Сассекском университете в Великобритании), Мозамбика (Ж. Чиссано), Ботсваны (Фестус Могае – экономист, выпускник Оксфорда). Президент Зимбабве Р. Мугабе, педагог по образованию, учился в Лондонском университете и получил звание магистра права и экономических наук. Президент Анголы Ж.-Э. душ Сантуш окончил Институт нефти и газа в г. Баку, а также учился заочно на юридическом факультете университета в Лиссабоне. Не имеют высшего образования президенты ЮАР (Дж. Зума) и Намибии (Х. Похамба). Дж. Зума, выходец из бедной семьи, уделяет большое внимание проблеме образования, прежде всего детей малоимущих. В 1998 г. он стал основателем образовательного фонда Educational Trust Fund, в котором обучили грамоте уже 20 тыс. детей из бедных семей[56].

В ЮАР высшее образование имеют многие политики. Заместитель бывшего президента ЮАР Т. Мбеки Пумзиле Мламбо-Нгкука по образованию педагог. Бывший спикер Национальной ассамблеи ЮАР Френе Джинвала изучала юриспруденцию и получила диплом юриста в Лондонском университете. Высшее юридическое образование у недавно ушедшего в отставку председателя Конституционного суда ЮАР Пиуса Ланги. В правительстве Дж. Зумы министр внутренних дел ЮАР Нкосазана Дламини-Зума имеет высшее медицинское образование (окончила вуз в Великобритании), министр юстиции и конституционного развития Джеффри Радебе – юрист, учился в ЮАР и ГДР[57]. А министр по делам жилых поселений Мосима Сехвале («Токио») является автором ряда статей по политике и экономике[58]. Лидер оппозиции ЮАР Хелен Зилле по образованию журналист, владеет несколькими местными африканскими языками, что значительно помогало ей в работе на посту мэра Кейптауна.

Некоторые политики региона имеют высшее гуманитарное образование, в том числе в области политологии. Например, спикер парламента Намибии Тео-Бен Гурираб имеет степени бакалавра политических наук и магистра гуманитарных наук по международным отношениям, а лидер партии Демократическое движение Мозамбика Давиш Симангу изучал политологию в одном из университетов Португалии.

Премьер-министр Зимбабве и председатель партии Движение за демократические перемены (ДДП) М. Тсвангираи не имеет среднего обра-

зования, в 2001 г. он непродолжительное время изучал основы экономического и политического менеджмента в Школе государственного управления имени Джона Кеннеди при Гарвардском университете. А молодой лидер фракции ДДП-АМ Артур Мутамбара (род. в 1966 г.) окончил в 1995 г. Оксфорд и имеет степень доктора философии[59].

Хорошее образование, полученное высшим руководством, тем не менее не всегда является гарантией профессионализма, о чем можно судить по результативности их работы на занимаемых постах. Иногда обвинения в непрофессионализме в свой адрес провоцирует сам политик. Так, премьер-министр Намибии Нахас Ангула, выступая в парламенте весной 2009 г., сказал, что мировой финансовый кризис «…как ни странно… богом хранимую Намибию никак не затронул, потому что он не касается поголовья крупного рогатого скота, которое у нас, наоборот, увеличивается»[60]. Возможно, это высказывание премьер-министра было шуткой, но оно привело к обвинениям политика в прессе в непрофессионализме хотя бы потому, что Намибия является зоной международного туризма, а доходы от него в условиях кризиса могут резко сократиться.

Некоторых видных политических деятелей государств Юга Африки сближает и происхождение. С Малави связано прошлое президентов Замбии и Зимбабве: отец экс-президента Замбии Кеннета Каунды был выходцем из Малави, отец президента Зимбабве Р. Мугабе, Масузьо Матибили, был малавийским рабочим-иммигрантом[61]. Фамилию сменил также нынешний президент Малави Бингу ва Мутарика. Его настоящее имя – Том Брайстон Уэбстер Райсон. Но он это сделал в 1960-е годы, чтоб избежать слежки сотрудников госбезопасности в период режима Х.К. Банды. Некоторых политиков региона связывают также близкие родственные узы, например, одна из дочерей Н.Манделы – Зенани – была замужем за членом королевской семьи Свазиленда.

Партии и выборы как инструменты формирования политических элит

Ротация элит, то есть смена их персонального состава (прежде всего правящей элиты) способствует развитию демократии. В демократическом обществе политическая элита представляет собой открытую систему в отличие от профессиональных элитарных сообществ (научного, в сфере искусства и пр.). В политику человек может прийти практически в любом возрасте и с любым запасом профессиональных и политических знаний. Как отмечает О.В. Гаман-Голутвина, «вопрос об особенностях рекрутирования элиты – один из самых важных в элитологии»[62].

Формирование (рекрутирование) новой политической элиты, способной эффективно управлять, учитывая интересы всех групп общества, – одна из основных задач социально-политической модернизации и становления гражданского общества. Рассматривая основные типы рекрутирования политической элиты, Г.К. Ашин отмечает: «Большинство современных исследователей этого процесса справедливо считают, что основным критерием типологии элитообразования является уровень его открытости. Качество элиты зависит от того, насколько она “прозрачна”, открыта для наиболее активных, образованных, талантливых, способных к инновациям людей»[63].

Формы рекрутирования элит условно можно разделить на политические или электоральные (выборы и лидерство в массовых организациях) и кооптационные (приход «со стороны», в частности «из интеллигенции»). В странах Юга Африки присутствуют обе формы.

По утверждению американского политолога Б. Рокмэна, в сфере политики важнейшей формой формирования элит является так называемая «антрепренерская система»[64]. Она заключается в формировании органов власти, органов самоуправления и различных общественных организаций по системе выборов. В этом случае круг претендентов на выборную должность очень широк, пути попадания в него могут быть самыми разнообразными, а главной характеристикой претендента на выборную должность становится его личное умение (или способности его команды) предстать в соответствующем образе. Существование в африканских странах патронажно-клиентельных отношений, как говорилось выше, вносит свои коррективы в данную систему рекрутирования политических элит.

С точки зрения теории элитогенеза базисным источником формирования политической элиты является партийная система, а сами партии выступают в качестве инструмента ее формирования. На примерах многих западных стран развитой демократии (США, Великобритания, Франция, Германия и др.) видна закономерность, ставшая в сфере политики почти традицией. Суть ее состоит в том, что кандидатом на пост главы государства, как правило, становится политик известный (в крайнем случае, достаточно известный), обязательно выдвинутый кандидатом от партии, где его хорошо знают и ценят, и добившийся такого ее высокого доверия в результате активной и результативной деятельности. То есть в партии в результате конкуренции (идей, ораторских и коммуникативных способностей и пр.) появляются и проходят становление политические фигуры, способные не только сплотить и увлечь за собой соратников по организации, но и взять на себя ответственность в более широких масштабах. Значение роли политических партий в формировании высших эшелонов власти не только в парламентских режи-

мах большинства стран Запада, но и в странах третьего мира отмечал американский политолог Р. Патнэм.

В странах Юга Африки, как и на континенте в целом, состояние многопартийной системы еще далеко от идеала. С начала возвращения политического плюрализма в 1990-е годы партийная система эволюционировала значительно быстрее в количественном отношении, чем в качественном. Многопартийная система здесь характеризуется раздробленностью политических сил, проявляющейся в наличии большого количества партий и организаций. К середине 2000-х годов больше всего политических партий было в Анголе (120), ЮАР (117), Мозамбике (40), Замбии (30) и Зимбабве (20). В Ботсване их насчитывалось 14, Намибии – 12, в Лесото – 8, а в Свазиленде, где на деятельность политических партий наложен официальный запрет, были наиболее влиятельны 4 партии. Лишь в некоторых странах начался процесс укрупнения политических партий путем их слияния, как это происходит, например, с 2002 г. в Замбии. Часто партии создаются практически накануне выборов специально под интересы определенного лидера. Более того, многие партии создаются на этнической основе, что в конечном счете ограничивает свободную конкуренцию. Избранное от таких партий большинство депутатов парламентов назвать политической элитой можно только с определенной долей условности, они являются элитой лишь по должностному положению. В африканских странах управленцы принадлежат к привилегированному слою. Но в системе рекрутирования в сферу управления во многих странах региона большую роль продолжают играть клановость и этнический фактор. Ввиду перечисленных причин партии в большинстве стран данного региона по сути не являются пока полноценным инструментом формирования политической элиты.

На мобильность политических элит в значительной степени оказывают влияние расколы в рядах правящих и оппозиционных партий в результате затяжного противостояния между группами политических элит. Следствием расколов в партиях являются не только кризисные ситуации, но и серьезные конфликты, которые заканчиваются переходом их членов в другие организации или создание новых партий. И речь идет не только о партиях, в которых изначально существовало несколько лидеров, борющихся за свои позиции в ней. Подобный период переживала, например, в Замбии правящая партия Движение за многопартийную демократию (ДМД). Раскол в рядах ДМД и создание в 1993 г. одинадцатью ее членами (А. Мбикусита-Леваникой, А. Виной, Э. Касонде, Б. Нкумбулой и др.) Национальной партии (НП) стал важным политическим событием в жизни страны. В результате нового серьезного политического кризиса в 2001 г. из ДМД снова вышла часть видных политических фигур, и были созданы партии Патриотический фронт (ПФ)

во главе с Майклом Сатой и Форум за демократию и развитие (ФДР) под руководством Кристона Тембо. А в октябре 2009 г. в ДМД возник очередной кризис из-за того, что противники президента Р. Банды не поддержали призыв его сторонников определить кандидата на будущих выборах 2011 г. не на партийном съезде, а путем его назначения[65]. Это было вызвано тем, что Банда, избранный осенью 2008 г. главой государства после внезапной кончины президента Л. Мванавасы, вопреки своим прежним заявлениям, что будет находиться на этом посту лишь до истечения срока президентства Л. Мванавасы, в июне 2009 г. заявил о своем намерении участвовать в президентских выборах 2011 г.[66]

В Ботсване в конце 1990 – начале 2000-х годов расколы происходили как в правящей Демократической партии Ботсваны (ДПБ), так и в рядах оппозиции. В 1998 г. начавшийся конфликт в главной оппозиционной партии Национальный фронт Ботсваны (НФБ) завершился созданием новой партии под названием «Партия конгресса Ботсваны» (ПКБ). В 2003 г. на базе вышедших из НФБ членов во главе с ее председателем Кеннетом Комой была основана партия Новый демократический фронт (НДФ). А в правящей ДПБ в 2000 г. разгорелся скандал из-за резкой критики вице-президентом Яном Кхамой некоторых членов правительства бывшего тогда у власти Фестуса Могайе.

В Намибии в 1999 г. ряд вышедших из правящей партии СВАПО (Народная организация Юго-Западной Африки) членов создал партию Конгресс демократов (КД). Иногда видные политики демонстративно покидают ряды правящей партии и присоединяются к вновь созданным оппозиционным партиям. В 2007 г. бывший министр иностранных дел Намибии Хидипо Хамутенья, выйдя из СВАПО и став членом этой партии, заявил, что такое решение им было принято из-за того, что «партия СВАПО стала застойной и бескрылой»[67].

Причины раскола в партиях в каждом отдельном случае свои, но чаще всего они связаны с личностным фактором. Недовольство стилем руководства лидера партии, его нерешительностью, отсутствием политической дальновидности или наоборот – его чрезмерным авторитаризмом в конечном счете приводят к уходу из партии недовольных членов. По последней из схем развивались события в Зимбабве в оппозиционной партии ДДП (Демократическое движение за перемены), возглавляемой Морганом Тсвангираи. Как сообщалось в некоторых СМИ, ближайшие сторонники лидера партии даже пытались физически воздействовать на своих политических противников, в том числе на несогласных с официальной линией коллег по борьбе[68]. В результате 12 октября 2005 г., накануне выборов в Сенат, часть активистов ДДП обвинила Тсвангираи в стремлении к личной диктатуре и сформировала собственную фракцию ДДП-АМ. Главным результатом раскола в партии,

безусловно, является дробление сил оппозиции в целом, а также уменьшение ее влияния на электорат, потеря голосов на выборах и мест в парламенте в частности. Например, итогом упомянутого раскола в ДДП стало ее поражение на выборах в 2005 г.: она набрала всего 20,3% голосов и не смогла составить конкуренцию в парламенте правящей ЗАНУ-ПФ. Внутриполитическая обстановка накануне всеобщих выборов 2008 г. снова осложнилась из-за раскола оппозиции в результате серьезной конкуренции между лидером оппозиционного ДДП, бывшим профсоюзным деятелем Морганом Тсвангираи и лидером фракции ДДП-АМ, специалистом по высоким технологиям Артуром Мутамбарой, который пользуется поддержкой интеллигенции и молодежи. И Тсвангираи, и Мутамбара призывали жителей страны к массовым протестам с целью заставить президента Мугабе уйти в отставку. Необходимо отметить, что фракция ДДП-АМ на выборах весной 2008 г. смогла получить 10 мест[69].

В ЮАР борьба за влияние в партии между председателем оппозиционного Конгресса народа (КН)* М. Лекотой и его заместителем М. Шиловой стала причиной раскола в декабре 2010 г.[70]

Расколам подвергаются также крупные партии, долгое время оставшиеся относительно монолитными и стабильными структурами. В правящей партии ЮАР АНК произошел серьезный раскол на съезде в Полокване в декабре 2007 г., когда президентом партии был избран Дж. Зума. Продолжением раскола в рядах партии стало заявление об уходе в отставку сразу 11-ти министров (среди них министр финансов Тревор Мануэль**) и трех их заместителей, решивших таким образом продемонстрировать солидарность с вынужденным уйти в отставку Т. Мбеки. Поэтому именно восстановление внутрипартийного единства стало главной задачей следующего президента К. Мотланте.

Одним из главных механизмов рекрутирования в политическую элиту являются выборы (президентские, парламентские и местные). Ведь именно свободные выборы, как один из путей инкорпорации в элиту, дают различным политикам возможность заявить о себе, создавая, таким образом, «элитное разнообразие». По мнению исследователей элитизма (кстати, подкрепленного опытом развития многих стран), политическая элита в полном смысле этого слова существует только при наличии политической конкуренции. Американский политолог П. Бахрах называл выборы важнейшим признаком демократии, когда электорат выбирает между конкурирующими элитами[71].

* Создан в декабре 2008 г. в результате раскола в правящем АНК.

** Кстати, известие о его уходе моментально повлияло на состояние южноафриканского финансового рынка.

Выборная система, которую считают ядром демократии, в государствах региона пронизана противоречиями. В действительности институт, предназначенный для выявления и регистрации воли большинства общества, чаще фиксирует волю его меньшинства. Как показывает практика, в выборах президентов и парламентов принимают участие далеко не все избиратели. Хотя официальная национальная статистика некоторых стран приводит весьма высокие показатели электорального участия граждан (например, 77,3% в ЮАР на выборах 2009 г.[72], 70% в 2002 г. и более 70% в 2008 г. в Анголе), общее число голосующих зачастую не превышает 50%. Многие граждане, обладающие избирательным правом, даже не регистрируются для участия в голосовании. Например, согласно официальному заявлению председателя Независимой избирательной комиссии (НИК) ЮАР Бригалии Бам, на выборах 2004 г. около 7 млн молодых граждан страны, достигших возраста, позволявшего им голосовать на выборах, не зарегистрировались как избиратели, что дало возможность оппозиции подвергнуть сомнению результаты выборов[73]. Более того, часть зарегистрировавшихся избирателей по разным причинам на избирательные участки или вообще не приходит, или не попадает. Так случилось с частью избирателей в Анголе на парламентских выборах осенью 2008 г., когда были указаны несуществующие адреса избирательных участков, а также по причине длинных очередей на большинстве участков[74].

(Тема выборов рассмотрена во второй и третьей главах).

В целом роль партий и выборов в механизме формирования политических элит в странах региона в условиях сохранения элементов авторитарных форм правления и слабости оппозиции явно недостаточна. В демократическом обществе критериями элиты являются эффективность, социальная и организационная представительность, организованность и интегрированность (сплоченность не только внутри самой элиты, но и элиты с гражданским обществом для решения стоящих перед ними задач), а также горизонтальная (между элитами и внутри элиты) и вертикальная (пополнение элиты) мобильность. Исходя из этих критериев, большинство политических элит в государствах Юга Африки находятся только на начальной стадии своего развития.

[1] *Pareto V.* Mind and Society. N.Y., 1935. V. 4. P. 2027–2031.

[2] *Моска Г.* Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187.

[3] *Lasswell H.D., Lerner D., Rothwell C.E.* The Comparative Studies of Elites (An Introduction & Bibliography). Stanford Univ. Press, 1952.

[4] *Mannheim K.* Man and Society in an Age of Reconstruction. Studies in Modern Social Structure. L.: Paul, Trench, Trubner & Co, 1941.

[5] *Lasswell H.D., Lerner D., Rothwell C.E.* Op. cit. P. 13.

[6] http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81518

[7] *Gugler J. & Flanagan W.G.* Urbanisation and Social Change in West Africa. London – New York – Melbourne – Cambridge, 1978.

[8] *Mair L.* African Societies. L., 1974.

[9] *Kuper L.* Race, Class and Power. Chicago, Ill.: Aldine-Atherton, 1975.

[10] *Nwankwo A.* African Dictators. The Logic of Tyranny and Lessons from History. Enugu, 1990.

[11] *Mair L.* New Elites in East and West Africa // Colonialism in Africa 1870–1960. Vol. 3 / Ed. by V. Turner. Cambridge, 1971. P. 181.

[12] *Lloyd P.C.* Introduction // The New Elites of Tropical Africa. Oxford, 1977.

[13] *Mortenthay R.S.* Political Parties in French-Speaking West Africa. Oxford, 1964.

[14] *Bretton H.L.* Power and Politics in Africa. Chicago, 1973.

[15] *Lukhero M.B.* The Social Characteristics of an Emergent Elite in Harare // The New Elites of Tropical Africa. L., 1966.

[16] Ibid. P. 132.

[17] *Herskovitz M.J.* The Human Factor in Changing Africa. N.Y., 1962. P. 289–291.

[18] *Буренина В.Б.* Политические элиты Кении и Танзании: структура и механизмы власти. М.: Институт Африки РАН, 1993. С. 5.

[19] *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993.

[20] *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.

[21] *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический проект, 2002.

[22] *Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Праксис, 2001.

[23] *Mills C. W.* The Power Elite. N. Y.: Oxford University Press, 1959.

[24] *Нарта М.* Теория элит и политика. К критике элитаризма / Пер. с чешского В.Н. Орел. М.: Прогресс, 1978.

[25] *Ашин Г.К.* Современные теории элиты: критический очерк. М.: Международные отношения, 1985; *Он же.* Правящая элита и общество // Свободная мысль, 1993. № 7; *Он же.* Элитология. Учебное пособие. М.: Изд-во МГИМО, 2005.

[26] *Чешков М.А.* Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М.: Наука, 1979.

[27] *Гаман-Голутвина О.В.* Определение основных понятий элитологии //Полис. 2000. № 3; *Она же.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: Интеллект, 1998.

[28] *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

[29] Антропология власти. (Хрестоматия по политической антропологии). Ред.-сост. В.В. Бочаров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

[30] *Карабущенко П.Л., Карабущенко Н.Б.* Психологические теории элит. М.: Памятники исторической мысли, 2006.

[31] http://www.rapn.ru/?grup=581&doc=2547

[32] См.: *Ашин Г.К.* Правящая элита и общество. С. 323. См. также: *Ашин Г.К.* Современные теории элиты: критический очерк. С. 75.

[33] См.: *Гаман-Голутвина О.В.* Определение основных понятий элитологии. С. 99.

[34] См.: *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. С. 17.

[35] Там же.

[36] Цит. по: *Lasswell H.D.* Power and Personality. Norton: The Norton Library, 1976. P. 39.

[37] *Pareto V.* The Rise and Fall of the Elites. An Application of Theoretical Sociology. The Bedminster Press, 1968. P. 248.

[38] *Чешков М.А.* Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. С. 205.

[39] *Крыштановская О.* Указ. соч. С. 73.

[40] Цит по: *Косухин Н.Д.* Африка: поиски обновления. Динамика политических изменений в конце XX – начале XXI в. М.: Институт Африки РАН, 2007. С. 40.

[41] *Willerton J.P.* Patronage and Politics in the USSR. Cambridge, New York, Sydney: Cambridge University Press, 1992. P. 5.

[42] *Крыштановская О.* Указ. соч. С. 81.

[43] http://ru.euronews.net/2009/10/23/french-welcome-young-sarkozy-s-change-of-heart

[44] *Токарев А.А.* ФНЛА в антиколониальной борьбе и гражданской войне в Анголе. М.: Институт Африки РАН, 2006. С. 68.

[45] http://www.peoples.ru/state/king/botsvana/ian_khama

[46] *Olden M.*. This Man has been Called Zimbabwe's Che Guevara. Did Mugabe have him Murdered? // New Statesman. 2004. April 12.

[47] www. amnesty.org.ru/node/344

[48] См.: *Прокопенко Л.Я.* Замбия: особенности становления многопартийной системы (90-е годы). Ученые записки. Вып. 17. М.: Институт Африки РАН, 2000. С. 35.

[49] *Hudleston S.* Face of Courage. A Biography of Morgan Tsvangirai. Cape Town: Double Storey, 2005. P. 44.

[50] http://www.banda4zambia.com/profile.html#Rupiah_Bwezani_Banda

[51] http://www.un.org/russian/basic/mainorg/gapres/bio54.htm

[52] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 20 апреля.

[53] См.: *Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999. С. 190.

[54] http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/7925578.stm

[55] См.: *Катагощина И.Т.* Интеллектуальная элита в странах Тропической Африки: университеты, власть, общество. М.: Наука, 1991. С. 119.

[56] www.allafrica.com/stories/201003310975html

[57] http://www.whoswhosa.co.za/user/897

[58] http://www.sahistory.org.za/pages/people/bios/sexwale-mg.html

[59] http://www.whoswhosa.co.za/user/5240

[60] http://geopolitica.ru/Articles/655

[61] www.zimdaily.com, 07.06.2007
[62] http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81518
[63] http://www.i-u.ru/biblio/archive/ashin_formirovanie/
[64] Там же.
[65] http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/country
[66] Zambia Daily Mail. Lusaka. 2009. May 20.
[67] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2007. 28 ноября.
[68] The Times. L., 2008. April 2.
[69] Africa South of the Sahara 2009. L.: Routledge, 2008. P. 1303.
[70] http://www.polity.org.za/article/shilowa-removed-as-cope-chief-whip-2010-10-18
[71] *Bachrach P.* The Theory of Democratic Elitism; A Critique. Boston: Little, Brown and Company, 1967. P. 7.
[72] http://www.electionresources.org/za/provinces.php?election=2009
[73] *Calland R.* Anatomy of South Africa. Who Holds the Power? South Africa: Zebra Press, 2006. P. 266.
[74] http://www.euronews.net/ru/article/05/09/2008/claims-of-chaos-in-angola-s-election

Глава II

ПРАВЯЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В СИСТЕМЕ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Законодательная и исполнительная власть. Главы государств и феномен преемников

Современные африканские правящие элиты (в том числе в государствах южноафриканского региона) представляют собой сложный организм, в котором объединены представители различных социальных слоев и групп общества, движимые определенными социальными, этническими, региональными и корпоративными интересами. Именно политические ориентации и ценности правящей элиты в значительной степени влияют на выбор модели развития страны. Выбор стратегии развития часто сопряжен с борьбой мнений и установок в среде самой правящей элиты, в результате которой «недовольные» могут выйти из нее (экскорпорация элиты) и влиться в ряды оппозиции.

Главной сферой функционирования политической элиты и одновременно ее главной задачей остается борьба за власть. Автор разделяет точку зрения ряда исследователей (Р. Патнэм, Г.К. Ашин, О.В. Гаман-Голутвина, О.В. Крыштановская, В.Г. Хорос, М.А. Чешков и др.), утверждающих, что политические элиты необходимо рассматривать в тесной увязке с темой власти. В руках правящей политической элиты концентрируется полнота государственной власти, ее представители, занимая властные посты, управляют данным обществом. Они – профессиональные политики высокого ранга, наделенные властными функциями и полномочиями. К правящей элите также относятся высшие государственные служащие, которые профессионально подготовлены к участию в разработке и реализации политических программ и определении стратегии общественного развития.

В государствах Юга Африки система общественных отношений многомерна и сложна. В результате экономической отсталости, модернизации зависимых и отсталых экономических и социальных структур, отсутствия в некоторых странах региона демократических традиций, наличия в системе политических отношений этнических, религиозных, клановых и иных связей механизмы власти здесь представляют собой некий симбиоз старых и новых форм. Поэтому власть, как отмечает

Н.Д. Косухин, отличается гибридностью, эклектичностью, что приводит к ее неустойчивости и противоречивости[1]. По мнению российских исследователей В.Г. Хороса и М.А. Чешкова, роль политической элиты, ее состав, уровень гомогенности, ее непосредственная социальная опора, а также тип отношений элиты и масс (вертикальная мобильность, элементы саморегулирования), определяющие возможность мобилизации и вовлечения в процесс различных групп населения, являются «необходимыми характеристиками функционирования политической власти и ее взаимодействия с обществом в развивающихся странах»[2].

Определяя статус новой политической элиты в странах Юга Африки, необходимо рассмотреть ее легитимность, являющуюся «фактором политической стабильности в обществе»[3]. С точки зрения формального подхода легитимность политической элиты создается в результате избирательных процедур на многопартийной основе: президенты (за исключением ЮАР, Ботсваны и Анголы после принятия в феврале 2010 г. новой конституции) и парламенты избираются электоратом, а правительство – парламентом (за исключением монархий Лесото и Свазиленда). В ЮАР, Намибии, Замбии, Мозамбике и Малави правительство назначается президентом. В Свазиленде все министры должны быть членами парламента. Существуют различия в сроках пребывания на посту главы государства. Если в Ботсване, ЮАР, Малави, Намибии, Замбии и Мозамбике президент может избираться не более двух раз, то в Зимбабве и в Анголе – неограниченное число раз. К тому же в конституции Замбии и Намибии включено требование: президент обязательно должен быть коренным жителем страны. Важным является также наличие противовесов и сдержек, сужающих рамки президентской власти. В некоторых странах, например в ЮАР, такая система налажена, и, как отмечает В.А. Караченцев, «для импичмента президента достаточно простого большинства в нижней палате парламента. Есть и другие противовесы и сдержки власти президента, который даже может быть заменен при определенных обстоятельствах своим заместителем»[4].

О легитимности власти свидетельствует усиление роли парламента в ЮАР, Ботсване и Намибии. Легитимность власти в ЮАР может послужить примером для других африканских государств. Конституция ЮАР была создана в результате интенсивного диалога в обществе. Деятельность Комиссии по истине и примирению, обнародовавшей данные о многих преступлениях, совершенных всеми сторонами при апартеиде, также способствовала созданию легитимности нового режима, представив правительство АНК в качестве силы, способной обеспечить справедливость в обществе.

Определенная закономерность в назначении главой государства действующих или бывших вице-президентов прослеживается на протяжении последних десятилетий в Ботсване. Вице-президент Кветт Кетумиле Масире занял пост президента Ботсваны в 1980 г. после кончины Серетсе Кхамы, а после его ухода в отставку в 1998 г. страну вновь возглавил вице-президент – Фестус Могае. Тот, в свою очередь, в 2008 г. досрочно передал власть также вице-президенту Яну Кхаме.

Лидеру демократического стиля крайне необходимо хорошо разбираться в людях, уметь подбирать таких помощников, которые могут спорить и дискутировать, а также аргументированно отстаивать свою точку зрения. Помощники с такими качествами способны дополнять личность лидера. Но это в идеале. По мнению южноафриканского исследователя Уильяма Мервина Гумеде, многие африканские лидеры стараются назначать «слабых» заместителей в надежде на то, что те не будут претендовать на их место. Действительно, такая тенденция существует. В качестве примера можно привести Малави. Однако часто именно эти «слабые» заместители приходят к власти вопреки воле своих предшественников. Нельсон Мандела отлично понимал и сознавал порочность такой тактики, его заместителем был способный и уверенный в себе Т. Мбеки. Он советовал и Мбеки поступить тем же образом, предлагая ему в заместители тогдашнего генерального секретаря АНК Сирила Рамапосу. По утверждению У.М. Гумеде, Мандела также отговаривал Мбеки от назначения своим заместителем Джекоба Зуму именно из-за дружеских отношений между ними[5]. Как показало дальнейшее развитие событий, Н. Мандела оказался прав: руководство АНК во главе с Дж. Зумой в 2008 г. вынудило Мбеки уйти в отставку, а Зума в 2009 г. стал президентом страны.

О легитимности власти свидетельствует также то, *как* глава государства покидает свой пост. Политические элиты многих государств Африки часто рассматривают власть в качестве источника широких прав и привилегий. Все чаще с целью удержания власти правящая элита прибегает к изменению действующего законодательства. Иногда элиты, перейдя из разряда оппозиционных в разряд правящих, сохраняют сложившуюся практику. Присуще это и правящим элитам многих стран южноафриканского региона. В Намибии в ноябре 1998 г. была принята поправка к конституции, согласно которой первый президент республики Сэм Нуйома получил право переизбираться (и позже был избран) на очередной президентский срок. В Зимбабве под нажимом президента Р. Мугабе в конституцию была внесена поправка, позволяющая ему переизбираться неограниченное число раз. В результате после выборов 2008 г. Роберт Мугабе был приведен к присяге на пятилетний президентский срок уже в шестой раз подряд. Если в 2000 г. президент Замбии Ф. Чилуба отрицал возможность переизбрания лидера страны на третий срок, то уже в следующем году в

нарушение конституции и устава правящей партии Движение за многопартийную демократию (ДМД) все же принял решение снова баллотироваться на пост главы государства. Для изменения конституции необходима была поддержка двух третей законодателей, но против выступили 65 членов парламента, включая вице-президента страны и 8 министров. Поэтому сторонники Чилубы развернули в СМИ широкомасштабную агитационную кампанию за проведение национального референдума в поддержку его переизбрания. А парламент Мозамбика в ноябре 2007 г. внес изменения в конституцию для того, чтобы отложить первые в истории страны выборы в провинциальные ассамблеи, назначенные на декабрь того же года[6]. В Анголе президенту Ж.-Э. душ Сантушу также удалось неоднократно по разным причинам переносить очередные парламентские и президентские выборы. Например, в правительственном докладе, обнародованном в июле 2004 г., было заявлено, что для одновременной организации президентских и парламентских выборов необходима сумма в 430 млн долл. США, а сроки подготовки к ним оценивались в 9–18 месяцев. В августе 2004 г. правительство правящей МПЛА назвало предварительную дату всеобщих выборов – сентябрь 2006 г. Но парламентские выборы состоялись только в сентябре 2008 г., а проведение президентских выборов перенесено на 2012 г.[7]

Попытки привести конституцию в соответствие с требованиями правящей элиты в некоторых странах наталкиваются на серьезное сопротивление оппозиционных партий и общественных организаций. Так, в Малави после неудачных попыток правящей ОДФ (Объединенный демократический фронт) добиться внесения парламентом поправок к конституции, ограничивающей срок пребывания президента на посту, президент Б. Мулузи в июле 2003 г. был вынужден заявить о решении уйти в отставку[8]. Через месяц на съезде ОДФ кандидатом от партии на выборах 2004 г. по его предложению был утвержден 70-летний Бинга ва Мутарика, который и был избран президентом. Председателем правящей партии ОДФ стал Б. Мулузи.

Необходимо отметить, что кризис, возникший из-за дебатов о возможности введения третьего президентского срока для Б. Мулузи в начале 2000-х, не привел к крушению хрупкого политического устройства Малави. Американский исследователь Питер ван Деп (профессор Северо-Техасского университета) отмечал, что демократия в Малави выжила потому, что «элиты отвернулись от стратегий, которые могли бы полностью дестабилизировать систему»[9]. Специалисты в области юриспруденции оказались способными сопротивляться и упорно защищали конституцию. По мнению автора, тот факт, что открытые споры о третьем президентском сроке не дошли до серьезного конфликта в об-

ществе, свидетельствует о том, что малавийская политическая элита предпочла, образно выражаясь, продолжить плавание корабля государственности (пусть даже с течью), чем потопить его своими собственными руками.

В Зимбабве Р. Мугабе также не удалось в сентябре 2007 г. утвердить в парламенте проект конституционных поправок, согласно которым глава государства получил бы право выбрать своего преемника. Оппозиционное Движение за демократические перемены (ДДП) расценило эти поправки как попытку президента Мугабе перед всеобщими выборами 2008 г. сохранить власть.

В регионе есть также примеры, когда лидера страны, обладающего большим политическим весом и международным авторитетом, вынуждают уйти в отставку досрочно. Как уже упоминалось, в ЮАР в сентябре 2008 г. под давлением сторонников нового лидера АНК Джекоба Зумы вынужден был досрочно уйти в отставку президент страны Т. Мбеки, находившийся на этом посту с 1999 г. В последние годы в обществе назрело недовольство режимом Мбеки, отличающегося бескомпромиссностью и жесткостью правления. На съезде правящей партии АНК, проходившем в декабре 2007 г. в Полокване, 61% из 4075 делегатов выступил за смену руководства[10]. Потеря власти Т. Мбеки стала результатом 3-летнего противостояния с его политическим соперником – Дж. Зумой. Мбеки потерпел сокрушительное поражение на съезде АНК – он не был переизбран на пост президента правящей партии. Слушания судебных дел по обвинению Зумы в коррупции и сексуальном насилии на протяжении всех лет проходили в крайне напряженной обстановке. Для сохранения порядка властям приходилось в течение всего дня закрывать для движения соседние со зданием суда улицы, а в 2006 г. в Йоханнесбурге во избежание инцидентов пришлось даже доставить Зуму в зал судебного заседания через отдельный вход. После того как очередной суд по делу о коррупции в отношении Дж. Зумы пришел к выводу, что обвинения в его адрес, возможно, были выдвинуты под давлением президента Мбеки, партия потребовала от него уйти в отставку «из-за утраты доверия к нему»[11]. Т. Мбеки заявил, что оставит пост «после того, как будут соблюдены все конституционные требования»[12]. Некоторые исследователи считают, что подобный исход политической карьеры Мбеки был предопределен задолго до начала его «противостояния» с Зумой. По мнению У. Гумеде, «АНК уже в начале второго срока пребывания Т. Мбеки у власти стал склоняться к тому, что следующие президентские выборы должны проводиться на более конкурентной основе»[13]. Гумеде справедливо считает, что дело заключается не в недостатках самого Мбеки, а в том, что отсутствие выбора противоречит демократии.

В современной истории государств Юга Африки есть и другие примеры мирной демократической передачи власти. Несмотря на желание остаться у власти, о своем добровольном уходе объявил президент Мозамбика Ж. Чиссано. Выступая в 2003 г. на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, он сказал: «Обладая привилегией вести вперед мою страну, преодолевая многочисленные трудности на пути от войны к миру, от уничтожения к восстановлению, от экономического спада к экономическому росту и развитию, я счел необходимым предоставить другим избранным сыновьям и дочерям Мозамбика возможность выполнять благородную миссию руководить страной и добиваться дальнейших успехов»[14]. Добровольным был досрочный уход главы государства в Ботсване: в 2008 г. 69-летний президент Фестус Могае уступил свой пост вице-президенту страны Я. Кхаме.

Легитимность власти определяется также мнением о ней граждан страны. Как отмечает Л.М. Садовская, «положительная оценка власти населением, признание им права управлять и согласие подчиняться означает ее легитимность»[15]. В свою очередь, степень доверия и уважения к политическим лидерам напрямую зависит от уровня демократического развития государств. Во многих странах мира общественность критично относится к своей правящей политической элите. Подвергается сомнению честность политических лидеров; считается, что в их руках сконцентрировано слишком много власти, в то время как представители элиты иногда демонстрируют свою некомпетентность во многих вопросах политики и управления. Согласно опубликованным в 2004 г. результатам опроса общественного мнения, проведенного по заказу Всемирного экономического форума организацией «Гэллап интернешнл» (базируется в Цюрихе), население многих африканских государств крайне критично относится к своей политической элите и лидерам: например, 82–87% африканцев считает своих политических лидеров нечестными (для сравнения: среди европейцев таких насчитывается 46%)[16].

В сфере властных отношений в государствах региона в той или иной степени сохраняются элементы патримониализма, то есть установления личного господства и контроля над государственными службами и использование их возможностей в личных целях. Такая форма политического порядка позволяет вопреки конституции, праву и этике существовать не только патронажно-клиентельным отношениям, но и коррупции, криминальности. Центральное место в системе патронажно-клиентельных связей занимают связи этнического типа. За исключением ЮАР и Намибии, в странах региона главным для продвижения по карьерной лестнице часто становится принадлежность к этнической группе, представители которой находятся у власти.

Рассматривая проблему легитимности власти в развивающихся странах, известный американский политический социолог Сеймур Мартин Липсет писал: «Поскольку харизматическая легитимность – это непрочная основа для демократии, а традиционную легитимность трудно создать в государствах, не имеющих объединяющей “традиции”, нет ничего удивительного в том, что этнолингвистическая раздробленность, характерная для большинства стран в Африке южнее Сахары, помешала развитию политической легитимности»[17]. Это мнение в определенной мере отражало ситуацию в некоторых странах Юга Африки в течение последних десятилетий.

Многопартийная система в странах Юга Африки, кроме Ботсваны и ЮАР, начала складываться в 1990-е годы, что способствовало формированию плюралистического общества и созданию здоровой конкуренции, в том числе в борьбе за пост президента. Однако в большинстве стран при установившейся многопартийной системе политическое господство практически принадлежит одной партии (ЮАР, Ботсвана, Намибия, Мозамбик, Ангола). По мнению немецкого исследователя Г. Эрдмана, именно это является основной тенденцией в современной политической жизни Африки[18]. В Мозамбике политическое доминирование правящей партии ФРЕЛИМО существует вопреки конституционному закреплению «ликвидации контроля партии над государством»[19]. Правящие партии довольно многочисленны. В Анголе, например, из 12,8 млн чел. населения страны (данные за 2009 г.)[20] членами правящей партии МПЛА являются 2,8 млн чел.[21]

Таким образом, правящая элита в большинстве стран региона в основном состоит из представителей одной партии. Учитывая существующую систему неформальных отношений в политике (родственные, этнические и клановые связи), такой тип правящей элиты представляет собой довольно слаженный организм с четкой иерархической (прежде всего традиционной и возрастной) структурой. Некоторые президенты (Н. Мандела в ЮАР, Я. Кхама в Ботсване) и лидеры политических партий (например, лидер Инката фридом парти Г.М. Бутелези в ЮАР) стран региона принадлежат к числу традиционных вождей. А так как в самих партиях часто большинство членов принадлежат к той же этнической группе, что и ее лидер (за исключением ЮАР, Мозамбика), его влияние носит двойной характер – и политический и традиционный.

Правящие партии в государствах южноафриканского региона за последние полтора десятка лет постоянно одерживают убедительную победу как на президентских, так и на парламентских выборах. Лидируют в этом отношении ЮАР, Мозамбик, Намибия, Зимбабве, Замбия, Ботсвана и Ангола. В ЮАР победа партии АНК на выборах 1994 г. (62,6% голосов избирателей)[22] открыла совершенно новый этап в истории стра-

ны – после трех с половиной веков правления белого меньшинства власть получило правительство, представляющее интересы черного и цветного населения. Прочность своих позиций партия АНК доказала и на последующих парламентских выборах: 1999 г. – 66,4%[23], 2004 г. – 69,7%[24], 2009 г. – 65,9%[25] голосов избирателей. В Мозамбике также, начиная со всеобщих выборов 1994 г., правящая партия ФРЕЛИМО не только постоянно одерживает победу, но и, как показали выборы 2009 г., ее позиции значительно укрепляются (1994 г. – 129 из 250 мест в парламенте, 1999 г. – 133, 2004 г. – 160, 2009 г. – 193[26]). В Намибии правящая партия СВАПО (Народная организация Юго-Западной Африки) на трех последних парламентских выборах (1999, 2004 и 2009 гг.) победила с одинаково высокими результатами – 54–55 из 72 мест[27]. В Замбии правящая партия Движение за многопартийную демократию (ДМД) удерживает власть с самого начала демократических реформ, при этом ее представители составляют около половины состава парламента: если в 2001 г. из 150 депутатских мест 69 занимали члены ДМД, то в 2008 г. их было 74 чел.[28] Заметим также, что во всех перечисленных странах за редким исключением на президентских выборах побеждали лидеры или кандидаты именно от правящих партий.

Борьба за власть происходит не только между правящей и оппозиционной элитами, но и в результате усугубления различного рода противоречий внутри самих правящих кругов. Развитие государств Юга Африки в конце XX – начале XXI в., как и других стран континента, проходило в условиях политической борьбы, в которую было вовлечено большинство общественных институтов. Она происходила в разных формах: от конкурентной политической борьбы до таких острых конфликтов, как длительная гражданская война в Анголе. В большинстве стран южноафриканского региона именно конкуренция внутри правящих элит становится все чаще основой взаимоотношений ветвей власти, партий и различных общественных организаций. Разница заключается в степени остроты такой конкуренции. Если в Анголе, ЮАР и Зимбабве в последние десятилетия она зачастую сопровождалась физическим уничтожением политических соперников, а в Зимбабве части поддерживавшего их населения (преследования в 1983–1988 гг. выходцев из народа ндебеле /так называемая операция «Гукурахунди»/, традиционно поддерживавших партию ЗАПУ), то в Ботсване, Замбии, Малави и Мозамбике пока все ограничивалось мирной сменой лидеров.

Яркой иллюстрацией борьбы внутри властных элит является развитие политической ситуации в ЮАР на протяжении последних лет. Политическая напряженность внутри АНК, а также между ним и партнерами по правящему альянсу (Конгресс профсоюзов КОСАТУ и компартия ЮАР) отмечалась во время судебного процесса по обвинению Джекоба

Зумы (тогда заместителя президента Т. Мбеки) в коррупции и изнасиловании. Его сторонники обвиняли Национальное управление государственной прокуратуры (НУГП) в политической предвзятости. Это судебное разбирательство, длившееся на протяжении нескольких лет, Зума рассматривал как политический заказ со стороны своих противников с целью помешать его победе на президентских выборах весной 2009 г. Сторонники и адвокаты политика пытались доказать, что лидера АНК обвиняли незаконно, а чрезмерная растянутость судебного процесса направлена на то, чтобы сделать справедливое решение дела невозможным. Сторонники опального политика считали, что за преследованиями стоит президент Табо Мбеки. Однако Генеральный прокурор ЮАР Мокетеди Мпше отрицал причастность к этому президента.

В ходе борьбы внутри правящей элиты возрастает политическое самосознание некоторых ее членов. В начале декабря 2007 г. член АНК Вотани Майола подал в суд иск против проведения съезда этой партии от себя лично и от имени нескольких оппозиционных партий. Истец считал, что нарастающее серьезное противоборство внутри АНК угрожает не только целостности партии, но и обострит социально-политическую обстановку в стране в целом. Необычный поступок рядового партийца стал выражением позиции группы членов АНК, которые считали перенос даты проведения съезда на полгода крайне необходимой мерой в накалившейся политической обстановке.

В правящую элиту ЮАР входят представители трех мощных политических сил (тройственный союз) – партия АНК, профсоюзное объединение КОСАТУ и Южно-Африканская коммунистическая партия (ЮАКП), между которыми также возникают определенные трения. О политической прозорливости президента Табо Мбеки, в частности, говорит тот факт, что он не встал на путь антикоммунизма, когда международное коммунистическое движение потерпело тяжелое поражение в СССР и в странах Восточной Европы. Был сделан прагматичный выбор (вполне в духе Т. Мбеки) – сотрудничество с ЮАКП в интересах решения проблем, стоящих перед Южной Африкой. В центральном и провинциальных правительствах ЮАР члены компартии занимали и продолжают занимать ряд ключевых позиций. Например, в новом правительстве Дж. Зумы генеральный секретарь ЮАКП Блейд Нзиманде получил пост министра высшего образования. Интересно то, что в АНК и в компартии ЮАР действуют некоторые схожие принципы, в том числе «каждый член партии должен быть не балластом, а активистом». Из членов ЮАКП, бывших министрами в правительстве Т. Мбеки (министр общественной безопасности Чарльз Нкакула, министр разведывательных служб Ронни Касрилс и министр государственного имущества Джеффри Радебе), в правительстве Дж. Зу-

мы остался только последний из них, занявший пост министра юстиции и конституционного развития.

С середины 1990-х годов претерпела изменения и компартия ЮАР. Прежде всего, значительно «помолодело» ее руководство. После гибели в 1993 г. ее признанного вождя Криса Хани ЮАКП возглавил Чарльз Нкакула, позже на этом посту его сменил молодой и энергичный политик Блейд Нзиманде. Он и его соратники во время нахождения у власти Т. Мбеки были инициаторами довольно жарких споров с ним по вопросам экономической стратегии.

Влияние хорошо организованных, «боевых» профсоюзов на политическую ситуацию не подлежит сомнению, так как КОСАТУ (крупнейшее профсоюзное движение страны) официально входит в союз с правящей партией страны АНК. Высокий (не только по отношению к странам Африки) уровень активности основных социальных слоев ЮАР создает благоприятные условия для эффективного взаимодействия политических элит с электоратом, а также укрепления политической демократии. Профсоюзы (в том числе входящие в КОСАТУ) критикуют правительство за то, что оно, по их мнению, несмотря на успехи в экономике, направляет в социальную сферу недостаточно средств. Например, в июне 2007 г. была организована месячная забастовка служащих государственного сектора, в которой приняло участие 700 тыс. чел. В результате активного давления на правительство профсоюзов вместе с местными общественными движениями президент Т. Мбеки в 2006 г. был вынужден утвердить межминистерскую комиссию для надзора за реализацией комплексной программы по ВИЧ/СПИДу. Выступая на специальной конференции ООН по СПИДу, состоявшейся в сентябре того же года в Йоханнесбурге, генеральный секретарь конгресса профсоюзов Звелинзима Вави сказал, что правительство перешло в решении этой серьезной проблемы от деклараций к действиям[29].

Сокрушительная победа Дж. Зумы и его сторонников на партийном съезде АНК в Полокване (16–20 декабря 2007 г.) привела к появлению в стране двух центров власти. Первые шесть ключевых постов в АНК называют в стране «первой шестеркой». После съезда в Полокване она состояла из сторонников Зумы. Заместителем президента АНК был избран Кхалема Мотланте (до этого он был на посту генерального секретаря АНК. Победил на этих выборах министра иностранных дел и бывшую жену Зумы Нкосазану Дламини-Зуму). Председателем АНК стала спикер парламента Балека Мбете, генеральным секретарем – бывший лидер профсоюзов Гведе Манташе, его заместителем избрали Танди Модисе, а казначеем – Мэтьюса Поса. Зума и его сторонники опираются на «низы», в то время как Мбеки часто упрекали в том, что он оторвался от чаяний масс. Мбеки за внешний лоск часто называют черным

(или африканским) англичанином. Зума – политик относительно левых взглядов, замечательный оратор, пользующийся поддержкой широких масс, – заставил местных аналитиков прогнозировать такое развитие дальнейших событий в ЮАР, от которых во многом будет зависеть ситуация не только в стране, но и в регионе, и на континенте в целом.

На съезде в состав Национального исполнительного комитета (НИК) АНК не были избраны сторонники Мбеки, видные и влиятельные политические деятели – заместитель президента П. Мламбо-Нгкука, министр при канцелярии президента Эссоп Пахад (он давний личный друг президента Мбеки), министр общественной безопасности Сидни Муфамади и министр разведывательных служб Ронни Касрилс. Это выглядело, по меньшей мере, странным, так как на съезде состав НИК был расширен до 80 человек. Членами НИК были избраны только Джеффри Радебе (министр транспорта), Манто Тшабалала-Мсиманг (министр здравоохранения) и Тревор Мануэл (министр финансов)[30].

Твердое намерение Мбеки оставаться у власти до истечения своего президентского срока (в 2009 г.) почти сразу же после съезда столкнулось с требованием сторонников Зумы сложить полномочия досрочно. Требования носили вполне конкретное содержание (фактический ультиматум!) – передать власть своему заместителю К. Мотланте (сторонник Зумы), выполнять решения Национального исполнительного комитета и регулярно представлять ему отчеты о своей работе. Тем не менее Мбеки проигнорировал угрозы и заявил, что он отвечает перед всем 48-миллионным народом ЮАР, а не только перед АНК[31].

Необходимо добавить, что в январе 2010 г. президент Дж. Зума и генеральный секретарь ЮАКП Блейд Нзиманде, выступая в Кимберли на праздновании 98-годовщины АНК, заявили о необходимости дальнейшего улучшения отношений между АНК, компартией и КОСАТУ[32].

Пример борьбы внутри правящей политической партии ЮАР не исключение. Межпартийная и фракционная борьба во многих партиях государств Юга Африки отражает стремление политических элит стать во главе властных структур, при этом реальные вопросы социально-экономической политики отодвигаются на второй план.

Взаимодействие законодательной и исполнительной власти. Достижение национального примирения и единства в значительной мере зависит от эффективного сотрудничества между правящей и оппозиционной элитами в сфере функционирования законодательной власти (речь идет о представительстве оппозиции в парламенте) и исполнительной власти (вхождение оппозиционных политиков в правительство). Первое направление такого сотрудничества для верхушки правящей элиты (президентов и приближенных к нему членов правительства) наиболее «болезненно», так как именно созданные оппозицией парла-

ментские фракции становятся тормозом для принятия властью важных политических решений. Ввод представителей оппозиции в правительство происходит в результате доброй воли главы государства или длительной борьбы оппозиции, иногда под нажимом международного сообщества. Покойный президент Замбии Л. Мванаваса, придя к власти в 2001 г., предпринял для этого практические шаги: впервые за десять лет политических реформ в состав правительства были включены представители оппозиционных партий. Видные члены Национальной партии (НП) Людвиг Сондаши (ее ген. секретарь) и Эммануэль Касонде получили в правительстве Л. Мванавасы посты министра общественных работ и снабжения и министра финансов и экономического развития[33]. Сделано это было, по заявлению Мванавасы, с целью содействовать национальному единству и примирению. Новый президент страны Рупиа Банда продолжил эту традицию, назначив в мае 2010 г. депутата парламента от партии ЮНИП Мкхондо Лунгу министром внутренних дел[34], но большинство министерских постов по-прежнему занимают члены правящей партии ДМД. А в Зимбабве согласие М. Тсвангираи на создание коалиционного правительства в 2009 г. стало результатом длительной борьбы и поисков оптимального разрешения создавшегося политического кризиса в стране. Ведь не только на выборах 2008 г., но и в период предыдущих выборов в 2002 г. он выступал за полный уход Р. Мугабе из власти, заявляя, что «коалиция – не идеальный вариант для свободных выборов, а для создания условий и возвращения доверия необходимо время»[35]. Сам Мугабе был против такой постановки вопроса и отвечал: «…уйти сразу после таких неоднозначных выборов – это контрреволюция»[36]. Не изменил своей позиции лидер ДДП и позже. После настойчивых попыток Т. Мбеки и О. Обасанджо уговорить его пойти на компромисс с Мугабе он ответил, что «национальное единство годится только на переходный период, как шаг к демократии»[37].

Для полиэтнических (и многорасовых в случае ЮАР, Зимбабве и Намибии) стран Юга Африки со всей очевидностью встает необходимость формирования властных структур с учетом интересов всех значимых групп общества. Это создает условия для обретения политической стабильности и, в конечном счете, развития демократии в стране. Система нормального функционирования оппозиции (существование многопартийности де-факто, а не де-юре) объективно заставляет правящую элиту пытаться взаимодействовать с оппозицией на основе поиска компромиссов, в результате которого появляются необходимые предпосылки для эффективного политического консенсуса. Согласование различающихся мнений властей и оппозиции и урегулирование возникших из-за этого разногласий задолго до того момента, когда они достигают критической отметки, позволяют сохранять стабильность политической

системы. Понимание этой закономерности политического процесса некоторыми правящими элитами региона побуждает их на определенных этапах пытаться вести конструктивный диалог с оппозиционными силами. При смене лидера продолжить эту политику удается не всегда. Например, в ЮАР конституцией 1993 г. было закреплено участие в правительстве всех политических партий, набравших на парламентских выборах 5% голосов избирателей. Президент Т. Мбеки следовал этой тактике, и в его правительстве были представители других партий. В правительстве Дж. Зумы, сформированном в мае 2009 г., министерские посты заняли в основном представители АНК и его союзников – КОСАТУ и компартии ЮАР.

Одним из важнейших признаков демократии является наличие представительного и дееспособного парламента. Однако в большинстве государств на Юге Африки (Анголе, Ботсване, Замбии, Зимбабве, Мозамбике, Малави) в массовом сознании власть персонифицируется с главой государства, то есть с президентом. Его власть значительно усиливает также то, что он, как правило, одновременно является и лидером правящей партии. На сегодняшний день такая ситуация сложилась во всех этих странах, кроме Замбии. Как отмечает Л.М. Садовская, африканские страны «…больше тяготеют к смешанной президентско-парламентской форме»[38]. Конституционное устройство вышеперечисленных государств и определенные успехи парламентаризма в последние годы – тому подтверждение.

В Африке прослеживается тенденция замены двухпалатной системы парламента однопалатной[39]. Присуще это и государствам Юга Африки: по состоянию на 2010 г. двухпалатные парламенты сохранилась только в Зимбабве, Лесото, Намибии, Свазиленде и ЮАР. Из одной палаты состоят парламенты Анголы, Ботсваны, Замбии, Малави и Мозамбика. Причины этой ситуации различны. Например, в Малави в 2001 г. верхняя палата парламента Сенат была отменена по причине недостатка средств. Комментируя это, министр юстиции Питер Фачи заявил, что «страна пока еще слишком бедна для того, чтобы позволить себе вторую палату»[40].

В странах развитой демократии к власти приходят в результате изменений в расстановке сил поочередно (или в коалиции) две или несколько основных партий. Этот политический процесс проходит в условиях конкурентной борьбы, сопровождаемой пышной риторикой и ПР-акциями. Для африканских стран на сегодняшний день более типичным является вовлеченность в политический процесс большого количества партий и движений, часть которых создана на этнической основе. По этой причине здесь на первый план выходит проблема пропорционального представительства в национальных парламентах.

На Юге Африки используются как мажоритарные, так и пропорциональные избирательные системы, например в Анголе, Лесото, Мозамбике, Намибии и ЮАР. Практика показывает, что отход от принципа пропорционального представительства в парламенте при наличии партий, созданных на этнической основе (а таких в данном регионе довольно много), приводит к доминированию одной этнической группы над остальными, что часто обостряет социально-политическую ситуацию (например, в Замбии, Зимбабве и Малави). При проведении всеобщих выборов в Намибии (1989 г.), Южной Африке (1994 г.) и в Мозамбике (1994 г.) использовалась именно система пропорционального представительства. Этот фактор во многом способствовал успешному переходу к демократическому правлению, стабилизации политической ситуации и развитию этих стран. А вот использование мажоритарной избирательной системы типа FPTR («победитель забирает все») в Лесото (1993 г.) и Малави (1994 г.) привело к тому, что в первом случае все места в парламенте получила правящая партия, а во втором – распределение мест в парламенте между правящей партией и оппозицией не отразило реального соотношения политических сил на выборах.

Даже при наличии представительства оппозиции в парламенте роль законодательного органа в странах региона в основном остается второстепенной, а в случае монархий Лесото и Свазиленда просто декоративной. Несколько лучше обстоят дела в Лесото, конституционной монархии. В Свазиленде законодательную власть частично осуществляет двухпалатный парламент, который состоит из Палаты собрания (65 депутатов) и Сената (30 депутатов). Тем не менее он не обладает реальной законодательной властью. Фактически парламент выполняет функцию совещательного органа при короле, так как он не принимает, а только обсуждает вносимые правительством законопроекты. Более того, король имеет право налагать вето на все решения парламента. Выборы в парламент, состоявшиеся 19 сентября 2008 г., прошли в условиях запрета деятельности политических партий, и их результаты вызвали серьезные сомнения у международных наблюдателей. Ничего не изменили многочисленные демонстрации протеста, организованные профсоюзами, а также протесты коалиции гражданских организаций, подавших иски в суд по поводу отстранения их от работы с избирателями. Король Мсвати III назначил новое правительство во главе с премьер-министром Барнабасом Сибусисо Дламини. Таким образом, часть правящей элиты в Свазиленде снова была сформирована монархом.

В большинстве стран региона парламенты стали реальной политической силой и опорой президентов. Но взаимодействие законодательной и исполнительной властей часто сопровождается конфликтами. В некоторых случаях верхушке правящей элиты в лице президента и правительства приходится вступать в открытый конфликт с парламентом. В сентябре 2007 г. в Малави серьезные трения возникли между правительством президента Бингу ва Мутарики и парламентом после отказа последнего рассматривать бюджет страны на 2007–2008 гг., который был ориентирован на политику развития. После утверждения бюджета парламент был распущен до мая 2008 года[41].

Институционным противовесом исполнительной власти иногда выступает судебная власть. Так, в Замбии в 2002 г. Верховный суд во главе с Мэтью М.С. Нгулубе признал правомочность протестов проигравших кандидатов от оппозиции в шести избирательных округах, утверждавших, что выборы проходили с нарушениями конституции[42]. Президент Л. Мванаваса был вынужден пойти на проведение дополнительных выборов в данных округах. В ЮАР независимость судебной системы закреплена Конституцией 1996 г.[43] Конституционный суд является влиятельной силой. Как писал профессор Кейптаунского университета (ЮАР) Ричард Кэллэнд в 2006 г., репутация тогдашнего вице-председателя КС Дикганги Мосенеке и многих судей не была запятнана обвинениями в подкупе, они оставались независимыми в своих действиях, несмотря на давление со стороны некоторых членов обоих правительств президента Т. Мбеки[44]. Хотя, как отмечал Кэллэнд, при рассмотрении ряда конфликтов Конституционный суд проявлял медлительность.

Парламент в последние годы правления Т. Мбеки не обладал большим влиянием из-за слабости ряда его комитетов и оппозиционных партий. Гораздо более властным был АНК. Правда, постоянные трения между ним и его партнерами – КОСАТУ и компартией – означали, что настоящая борьба разворачивалась за закрытыми дверями альянса. В ЮАР при принятии политических решений правительство также использует давление на парламент. Принятие в 2006 г. закона о гражданских союзах («за» проголосовали 230 депутатов парламента, «против» – 41) сопровождалось активной пропагандистской кампанией. Так как АНК обладал в парламенте большинством голосов, принятие данного закона зависело от его парламентариев. Руководство АНК проявило в этом вопросе жесткость по отношению к своим парламентариям, распорядившись, чтобы в голосовании приняли участие все депутаты от партии. Перед голосованием министр внутренних дел Носививе Маписа-Нкакула сказала депутатам, что, порывая с прошлым, «мы должны бороться против дискриминации и предрассудков во всех проявлениях, включая гомофобию»[45]. Но некоторые депутаты других партий прислушались к лидеру Христианско-демократической партии отцу Кеннету Мешое, заявлявшему, что те, кто проголосует за принятие закона, навлекут на себя божий гнев, и проголосовали «против». В результате принятия этого закона ЮАР стала первой африканской страной, разре-

шившей однополые браки, и первой страной в мире, включившей в 1996 г. в свою конституцию запрет дискриминации по признаку сексуальной ориентации. Необходимо отметить, что иная ситуация сложилась в Замбии, где для гомосексуалистов предусмотрено наказание в виде тюремного срока продолжительностью 15 лет. Вице-президент страны Джордж Кунда, выступая в парламенте в марте 2009 г., призвал сообщать в правоохранительные органы о случаях вступления в фиктивные браки с целью скрыть нетрадиционную сексуальную ориентацию. О необходимости сурово карать за практику гомосексуализма он напомнил на заседании парламента в марте 2011 г.[46]

С 1994 г. АНК контролирует в ЮАР не только парламент, но и многие городские советы (кроме Кейптауна). Например, в 2007 г., согласно решению городского совета Йоханнесбурга, в котором преобладают сторонники АНК, был установлен лимит для выступлений депутатов на заседаниях совета пропорционально численности их фракции. В результате этого для представителей оппозиции этот лимит приблизительно составил 4, 8 и 12 сек., максимум – 2,5 минуты. В то же время депутаты от АНК получили 9 минут. Бафана Ситоле – глава фракции АНК в совете этого города – безапелляционно заявил, что партия вполне может сформулировать свою позицию за 8 секунд. Оппозиционеры в ответ заявили, что установленные ограничения по сути являются посягательством на свободу слова. Представитель Инката фридом парти Оскар Масеко, комментируя происходящее, назвал это попыткой АНК заставить партию замолчать. Он заметил также, что, если такая практика укоренится и будет распространена на другие города, ЮАР будет все больше превращаться в однопартийное государство.

Иногда конфликт между ветвями власти создается в результате действий законодательного органа. Летом 2005 г. между парламентом Свазиленда и королем Мсвати III возник конфликт по вопросу принятия новой конституции: монарх отказался подписать одобренный законодателями проект, в котором, в частности, предусматривалось налогообложение членов королевской семьи. После внесения необходимых изменений 26 июля 2005 г. король подписал новую конституцию страны, которая укрепила абсолютную монархию в Свазиленде (расширены полномочия короля, подтвержден запрет на деятельность политических партий)[47]. Иногда парламентарии выступают с резкой критикой решений главы государства. В ЮАР в ноябре 2007 г. парламент страны «в связи с необходимостью сохранять доходы президента соответственно темпам инфляции» одобрил повышение жалованья Т. Мбеки на 8,3%, которое после этого составило 1,7 млн рандов в год (более 250 тыс. долл. США). Парламентарии из оппозиционной партии Демократический альянс высказали возмущение тем фактом, что их собственное жалованье увеличилось лишь на 5,4% и «не вспомнили», что в 2001 г. Мбеки сам отказался от предложения увеличить свою зарплату, что было публично одобрено спикером парламента ЮАР Френе Джинвалой[48].

Тем не менее Юг Африки является примером довольно мирного сосуществования политических элит, как в условиях конституционной (Лесото) и абсолютной (Свазиленд) монархии, так и развития относительно толерантного, политически взвешенного взаимодействия элит в ЮАР, Зимбабве и Намибии. В области властных отношений в государствах южноафриканского региона, как и на континенте в целом, наблюдается, по выражению Н.Д. Косухина, определенный «симбиоз отдельных принципов и институтов традиционных и новых, пробуржуазных форм демократии, автократии и элементов архаического властвования»[49]. В некоторых случаях, например в Ботсване, такой симбиоз привел к укреплению демократического правления. Палаты вождей существуют в парламентах Ботсваны (15 членов), в Замбии (27 членов), Лесото (11 чел.). Пользуются определенным влиянием традиционные вожди и в ЮАР. Там традиционная роль и статус вождей признается конституцией[50]. Пытаясь сохранить свое влияние не только в сельских районах, но и в городах страны, они требуют от властей прав на большее участие в местных органах. Как отмечает А.Б. Давидсон, традиционные вожди считают, что «…без удовлетворения требований традиционных правителей в стране не может быть свободных и справедливых выборов»[51]. В Зимбабве из 93 членов Сената (верхней палаты парламента) 2 места принадлежат председателю и заместителю председателя Совета традиционных вождей, а 16 мест зарезервировано для вождей. Традиционные правители также занимают посты в правительствах. Например, в ЮАР в правительстве Н. Манделы и в обоих правительствах Т. Мбеки работала Стелла Сигкаву, происходившая из королевского рода народа коса в провинции Восточный Кейп (кстати, там находится родной городок Т. Мбеки Айдучве). Несмотря на обвинения ее в коррупции, Сигкаву работала в правительстве до самой своей кончины.

Необходимо отметить тот факт, что в Свазиленде с началом экономической либерализации наблюдается трансформация части слоя традиционных вождей. По замечанию российского исследователя Л.Н. Рытова, «многие вожди столь активно занимаются предпринимательской деятельностью, что связывают свое будущее с положением процветающего буржуа, а не с принадлежностью к знати»[52]. В Свазиленде на рубеже столетий, например, за введение демократического правления в стране выступали даже члены правящего клана Дламини – родственники короля Мсвати III.

Новая политическая элита, состоящая из представителей политических партий, государственных деятелей, бизнесменов, юристов и дру-

гих занимающихся политикой профессионалов, во многом отличается от традиционной элиты. Как справедливо отмечает В.И. Комар, «представители новой элиты, обладая более современным запасом знаний, политическим, организационным и социальным опытом, занимают активную позицию в общественно-политическом развитии»[53]. Как уже упоминалось ранее, в странах региона некоторые президенты и лидеры партий принадлежат к числу традиционных вождей, например Н. Мандела, Г.М. Бутелези (ЮАР), Я. Кхама (Ботсвана). Некоторые из них получили образование на Западе, ведут по большей части европейский образ жизни, что наложило отпечаток на их политические установки. Поэтому верхушка новой правящей политической элиты представляет собой определенный симбиоз с элитой традиционной, что определяет в конечном счете особенности характера власти в регионе.

Процесс развития политических элит в странах Юга Африки за последние 15 лет дает обширный материал для анализа происходящих изменений в характере власти. Во всех странах в большей или меньшей степени прослеживается тенденция укрепления политической связи между властью и бизнесом, а в политике все отчетливее прослеживается влияние денег. Более того, появляется не только все больше ориентированных на бизнес политиков, но и все чаще на политику воздействуют политически влиятельные бизнесмены. Прямых запретов участия политиков в бизнесе, как в Кении или в Танзании, практически нет, появляется риск коррупции. Безусловно одно: большинство политиков, войдя в стан правящей элиты, начинают интересоваться бизнесом и всем, что с ним связано. Например, президент Замбии Рупиа Банда владеет компанией, поставляющей горное оборудование на шахты[54]. Вице-президент Малави Джойс Банда начала свою политическую карьеру в 1990 г., когда стала основательницей и исполнительным директором Национальной ассоциации женщин-предпринимателей Малави (НАЖП). В 1997 г. аналитики Центра международного частного предпринимательства (один из четырех ведущих институтов Национального фонда развития демократии США) высоко оценили результаты деятельности НАЖП[55]. По утверждениям зимбабвийской оппозиции, занимаются бизнесом некоторые члены правительства Зимбабве и вице-президент Дж. Муджуро[56]. В кабинете министров Дж. Зумы на посту министра по делам жилых поселений находится бизнесмен Мосима Сехвале («Токио»), президент алмазодобывающей компании «Мвелапанда даймондс»*, а управляющий Резервным банком Зимбабве Гедеон Гоно владеет крупной компанией по торговле автомобилями и т. д. В Анголе не-

* По некоторым источникам, он передал свои акции в доверительное управление.

которые представители руководства правящей партии МПЛА и многие члены правительства также занимаются бизнесом. В 2004 г. президентом Мозамбика был избран кандидат от правящей партии ФРЕЛИМО, бывший партизан, военачальник и известный бизнесмен Арманду Эмилиу Гебуза. Участие в политике представителей бизнеса стало почти традиционным в Замбии. В конце 1990-х годов оппозицию возглавлял состоятельный предприниматель и адвокат, лидер партии Прогрессивно-либеральный фронт (ПЛФ) Роджер Чонгве. А на президентских выборах в 2008 г. успешно заявил о себе бизнесмен, молодой политик, лидер созданной в 1998 г. Объединенной партии за национальное развитие Хакаинде Хичилема. Связь политики и бизнеса прослеживается и в обратном направлении: например, в ЮАР бывший лидер профсоюзного объединения страны КОСАТУ Сирил Рамапоса теперь является крупным бизнесменом. Бывший президент Мозамбика Ж. Чиссано в апреле 2005 г. был назначен в совет директоров золотодобывающей компании «Хармони голд».

Особенности правящей элиты в современной ЮАР. Южно-Африканская Республика играет все более активную роль в мировом сообществе. Становление страны как демократического государства очевидно. Большая заслуга в этом принадлежит видным представителям новой политической элиты страны. Процесс демократизации и нахождение у власти международно признанных лидеров – Фредерика де Клерка, Нельсона Манделы (оба лауреаты Нобелевской премии мира) и Табо Мбеки – дает этой африканской стране в настоящее время значительные политические и моральные преимущества перед другими государствами региона. Идея гармоничного развития континента – «африканский ренессанс», выдвинутая на рубеже XXI в. президентом Т. Мбеки, по существу созвучна тезису о необходимости формирования многополярного мира и представляется ответом на вызовы глобализации. В свете этой идеи и в связи с реализацией планов возрождения Африки перед новой элитой ЮАР было поставлено множество задач, решение которых, в частности, должно способствовать «возвращению в Африку» самой ЮАР – страны, которая из-за режима апартеида длительное время находилась на континенте в изоляции.

В конце второго президентского срока Т. Мбеки в ЮАР явно прослеживается связь власти с «большими деньгами», при этом не всегда понятного происхождения. В октябре 2005 г. местные газеты опубликовали фотографии, запечатлевшие похороны белого бизнесмена Брета Кеббла – исполнительного директора южноафриканской компании Johannesburg Consolidated Industries (JCI), застреленного 27 сентября 2005 г. На снимках гроб Кеббла в кейптаунский собор Св. Георгия вносят восемь мужчин – членов руководства Молодежной лиги АНК (МЛ

АНК), – одетых в дорогие черные костюмы. Они побрили для этого мероприятия головы (возможно, в знак траура). По мнению обозревателя Mail & Guardian Д. Матшикизы, эта картинка символизирует не столько закат «эры Н. Манделы», сколько взаимопроникновение политической и финансовой элит так называемого «приятельского» капитализма[57].

Полный диапазон афер Кеббла неизвестен. Его сравнивают с лордом Робертом Максвеллом*. По мнению южноафриканского исследователя Р. Кэллэнда, именно Кеббл финансировал часть проекта «африканский ренессанс» президента Т. Мбеки[58]. Сам президент не был на похоронах бизнесмена, зато прислал своего близкого помощника, министра Эссопа Пахада, что было ярким доказательством влиятельности Кеббла в среде политической элиты. На это указывали и слова Пахада на похоронах: «Южная Африка потеряла преданного сына»[59]. Кэллэнд также писал о том, что Пахад якобы говорил с Кебблом по телефону буквально за несколько часов до его убийства[60].

Тысяча с лишним присутствовавших на отпевании Кеббла – показательный срез истеблишмента страны. Кроме Э. Пахада, там были крупные бизнесмены из АНК, например Саки Мкозома и Мосима Сехвале, близкий соратник Дж. Зумы, а также брат осужденного за коррупцию Шабира Шаика Мо Шаик. Были представители и «старых» и «новых» денег, как и сам Кеббл, который был тем и другим одновременно. Он пользовался поддержкой президента Мбеки и поддерживал Зуму, финансировал разные фракции АНК, а также снабжал деньгами Молодежную лигу АНК[61]. Но многие принадлежавшие ему компании, в том числе и JCI, – были банкротами. Напрашивается вывод, что этот бизнесмен зарабатывал деньги на своеобразном «спекулировании» политикой. В статье, опубликованной в апреле 2004 г. южноафриканским ежемесячным журналом Noseweek (выходит с июня 1993 г.), говорилось: «Кеббл достиг такого влияния, что стал походить на жирного паука посередине широкой паутины. Стратегически важные места в этой паутине занимали люди с обширными связями. О Кеббле позволительно говорить как о самом влиятельном белом человеке в ЮАР, а то и во всей Африке. Он остается на плаву благодаря перекредитованию и жульничеству, а не трудам горного магната... При этом он бесстыдно выставляет себя просвещенным лицом южноафриканского капитализма»[62].

Среди несших гроб Кеббла были Лунга Невана, Андиле Нкухлу (ставший позже заместителем главы полиции) и Фикиле Мбалула. Последний в то время был председателем Молодежной лиги АНК, а Нкухлу – член Национального исполнительного комитета Лиги. Раньше он возглавлял управление государственных предприятий, которое занималось реструктуризацией, но ушел в отставку в 2002 г. после того, как не смог отчитаться за подарки от компании Zama Resources, получившей от государства крупную лесную концессию. Кеббл использовал МЛ АНК как пропуск в мир власти черных политиков. Использование властью финансовой поддержки подобных Кебблу бизнесменов поддерживалось и союзником АНК – компартией ЮАР. В мае 2006 г. ее печатное издание Bua Komanisi писало без всякой иронии: «Раз мы живем в капиталистическом обществе и нуждаемся в росте для развития, то те, кто контролирует капитал, являются авангардом революции»[63].

Развитая инфраструктура, высокий уровень концентрации капитала, растущее преобладание финансового сектора и усилившийся в последнее десятилетие транснациональный характер южноафриканского капитала приводят к тому, что нарождающийся «черный» капитал (по крайней мере, ключевая его часть, связанная с АНК и с государством) мало способствует росту национальных производительных сил, в том числе увеличению числа рабочих мест. Такой капитал является компрадорским и паразитическим. Одно из определений компрадорской буржуазии – «некапиталистическая». В развивающихся странах она действует в собственных экономических интересах, часто жертвуя ради этого национальными интересами. То есть компрадоры предают забвению свои идеалы ради личного обогащения. В современной ЮАР налицо связи между молодым «черным» капиталистическим классом, государством и «старыми деньгами», а также переплетающиеся интересы элит, сформировавшихся после 1994 г. Компрадорство отражает опору на утвердившийся капитал. Для него типично не накопление собственного капитала путем развития производства, а спекуляции на фондовом рынке, «непрозрачные» аукционы, спекуляция своим специфическим «капиталом» – доступом к государственной власти. Государство оказывает давление на устоявшийся капитал, чтобы он делился с новым, учитывая новую политическую реальность.

К началу демократических перемен в 1994 г. в ЮАР был развитый класс капиталистов. Экономические санкции и освободительное движение в стране принудили его согласиться с политическими переменами, но сам он остался почти нетронутым. В отличие от других обществ, в ЮАР ниша для нового класса капиталистов оказалась узкой, поэтому ему пришлось использовать людей вроде Кеббла и возможности, создаваемые политикой правительства (правила тендеров и пр.). Естественно, что это привело к сращиванию власти государства и частных собственников. По мнению Ричарда Кэллэнда, основой правления Мбеки

* Создатель медиа-империи, погибший в 1991 г. при таинственных обстоятельствах как раз перед обнародованием информации о его долгах и нарушениях закона. Говорили о связях Максвелла с лейбористской партией Израиля. На его похоронах выступил премьер Израиля И. Шамир.

был «мощный президентский центр, руководство в котором осуществляла новая политическая элита (государственные управленцы и министры) и часто переплетающееся с ней новое поколение менеджеров и капиталистов черного частного сектора»[64]. Степень участия членов политического класса в бизнесе и бизнесменов в политике позволяет говорить о сращивании этих двух групп. В ЮАР оно налицо и является главным свойством нового истеблишмента.

Праздничный банкет Независимой избирательной комиссии (НИК), данный в связи с завершением парламентских выборов 2004 г., стал яркой иллюстрацией состава политической элиты, причем всех совмещающихся кругов власти и влияния. Первой с речью выступила председатель НИК Бригалия Бам, вторым – Мандла Тичани – руководитель департамента связей с государством и общественностью отделения компании «Кока-Кола» в Южной и Восточной Африке, одного из спонсоров НИК. Третьим выступил Д. Криглер, руководивший НИК на выборах 1994 г., а четвертым – заместитель президента Дж. Зума. Другой яркий пример – Бриджетт Радебе, миллионерша, президент компании Mmaku Mining, жена министра транспорта Джеффри Радебе (в правительстве Дж. Зумы в 2009 г. он стал министром юстиции и конституционального развития), сестра мультимиллионера, владельца шахт Патриса Мотсепе – близкая родственница президента компании Johnic С. Рамапосы.

Наверное, Т. Мбеки для переходного процесса считал крайне важным привлечение людей, способных помешать начавшимся в стране переменам. При мобилизации черной элиты он рассчитывал на примирение с белым бизнесом. То есть речь идет о новом истеблишменте для новой Южной Африки, о новой системе влияния. Такие системы по своей сути аморфны: списки членов отсутствуют, как и список свойств претендентов. Кстати, среди них находятся не только люди с черным цветом кожи. Политическая ориентация нового истеблишмента ЮАР – не только либеральные демократы, но и социал-демократы. Есть в их числе люди с сомнительной репутацией. Например, первый чернокожий председатель Высокого суда Кейптауна Джон Хлопе является бизнес-партнером юриста Браама Латгана, сделавшего карьеру при апартеиде.

По мнению Ричарда Кэллэнда (в 2007 г. он был исполнительным директором консультационного центра под названием «Открытая демократия»[65]), у южноафриканского истеблишмента, в отличие от, например, британского, нет общей идеологии. Большинство его представителей принадлежат к состоятельным людям, но наряду с ними есть также профессионалы с доходами среднего класса. Это группа, возобладавшая над бывшей африканерской элитой, когда в начале 1990-х годов переход к реформам стал неизбежным. Сами ее представители не скрывают своих связей с властью. Например, один из управляющих горнодобывающего гиганта Billiton в 1999 г. сказал: «Если нам понадобится прямой выход на власть, один из нас просто позвонит президенту. А президент всегда отвечает на звонок»[66]. Практика показывает, что такие бизнесмены не только поддерживают новый политический порядок, но и умеют извлекать из него практическую пользу. Перечисленные примеры подтверждают мнение американского экономиста Г. Марковитца: «Политическая власть дает местным предпринимателям добавочное преимущество в их отношениях с зарубежными фирмами. Они могут добиваться для своих предприятий правительственной протекции в области фискальной, инвестиционной и налоговой политики»[67].

Говоря об особенностях становления и развития новой политической элиты ЮАР, необходимо выделить постепенную африканизацию политического аппарата, а также расширение участия женщин в политической жизни страны. За годы существования апартеида для основной части населения ЮАР был затруднен доступ к среднему и высшему образованию. Африканцы, индийцы и цветные, которые составляют 85% населения, были лишены возможности полноценного участия в социально-политической и экономической жизни. При наличии на всех уровнях управленческого аппарата белых специалистов (без которых обойтись было невозможно) процесс африканизации политического аппарата налицо. Показателен пример в сфере дипломатической службы: в 1995 г. на посту Чрезвычайного и Полномочного Посла ЮАР в РФ африканера доктора Г.К. Олифера сменил африканец С. Макана, а его, в свою очередь, в 2001 г. – африканец доктор Дж. Секу. А советника-посланника африканера К. Боту сменил африканец М. Кумало. В 2005–2010 гг. Послом ЮАР в России был также африканец – Беки Ланга.

Власть в ЮАР периода Т. Мбеки для наглядности можно сравнить с анатомией человеческого тела. Президент в нем – это мозг. От мозга отходят нервные волокна – влиятельные люди, например, члены правительства. Министерство финансов фактически превратилось в правительство внутри правительства. Институционным противовесом исполнительной власти является, в отличие от многих развивающихся стран, законодательная власть. Политическая элита среднего и нижнего уровня ЮАР, то есть лидеры партий, муниципальные власти, после выборов 2004 г. трансформировалась и приобрела бóльшую независимость от верхушки правящей элиты. А съезд АНК в Полокване в декабре 2007 г. продемонстрировал, что партия уже не является монолитом единомышленников.

В ЮАР действует живое, структурированное гражданское общество, что отличает ее от многих молодых демократий. КОСАТУ, компартия

ЮАР, церкви, многочисленные организации гражданского общества – вот альтернативный энергетический центр в анатомии новой ЮАР. Таким образом, власть в ЮАР при президенте Т. Мбеки опиралась на следующие жизненные «органы» – президент, казначейство, АНК, транснациональные корпорации и национальный крупный бизнес, новые неформальные сети, гражданское общество.

Теперь, после ухода из власти игравшего важную роль в мировой политике Табо Мбеки, за его замкнутостью (или, по мнению некоторых, скрытностью) прослеживаются сложные политические факторы. Придя к власти, он оказался в довольно сложном положении: перед ним стояла необходимость продолжить демократический путь Н. Манделы, возглавлять правящую партию и в то же время управлять крайне раздробленной страной. Выполняя все эти функции на протяжении почти двух президентских сроков, ему удалось стать одним из самых известных и харизматичных мировых лидеров. В начале президентства многие прочили ему судьбу тени Манделы. Но сам он отвергал такую перспективу. В шутке Т. Мбеки «Меня никогда не увидят мертвым в Ваших башмаках, больно уродливые у Вас всегда были башмаки» (это игра слов, которую можно перевести как «Меня никогда не увидят мертвым на Вашем месте/посту»)[68], сказанной в адрес уходящего с поста Манделы, была немалая доля серьезности. Жизнь показала, что «бегство» от тени Н. Манделы ему удалось.

Политическая культура элит региона. Проблема лидерства. На становление и развитие национальных политических элит в значительной мере влияет тип политической культуры лидера страны. (Напомним, что политическая культура – это совокупность индивидуальных позиций и ориентация участников данной политической системы; субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение)[69]. Большая часть современных лидеров Юга Африки принадлежит к когорте лидеров так называемой «новой (третьей) волны», пришедших к власти в результате многопартийных выборов: президенты ЮАР (Н. Мандела, Т. Мбеки, К. Мотланте и Дж. Зума), Мозамбика (А. Гебуза), Замбии (Ф. Чилуба, Л. Мванаваса и Р. Банда) и Намибии (Х. Похамба). Демократичным путем возглавил Ботсвану после добровольной отставки президента К. Масире в 1998 г. вице-президент Фестус Могае. А в Анголе и Зимбабве лидеры стран просто остались у власти, с той лишь разницей, что Ж.-Э. душ Сантуш остался после преобразования политической системы, а в случае Зимбабве политическая система претерпела существенные изменения только в течение нескольких последних лет. В стиле управления того и другого лидера больше проявляются элементы авторитарности, влияющие на политическую культуру этих стран в целом. Президент Зимбабве Р. Мугабе, несомненно сыгравший важную роль в получении страной независимости, постепенно превратился в авторитарного лидера. По справедливому замечанию Ю.В. Потемкина, «…общий уровень политической культуры и характер социально-психологических устоев общества сохраняют питательную почву для авторитарных режимов, поддерживая их неготовность или неспособность к достаточно серьезным преобразованиям в страновых и региональных рамках»[70]. Отдельный пласт политической культуры выделяется в южноафриканских монархиях Свазиленде и Лесото, где концентрация власти в руках королей Мсвати III и Летсие III соответственно очень высока.

Проблема политического лидерства занимает важное место в общественной жизни африканских стран, в том числе на Юге Африки. События последних полутора десятилетий развития этих стран подтверждают мысль американского историка Артура Шлезингера о том, что «судьба демократии зависит от достоинств руководителей страны»[71]. Жажда власти, приводящая к изменению конституции, неспособность идти на политический компромисс с оппозицией, неприятие конструктивной критики и т. д. в конечном счете не способствуют национальному примирению и развитию. Как отмечает Н.Д. Косухин, в центре политического процесса часто находятся не политические партии со своими программами, «а конкретная личность, с которой африканцы связывают свои надежды на настоящее и будущее»[72].

В этом проявляется высокая степень персонификации власти, часто негативно влияющая на политику. Это – общеафриканская специфика. Как пишет канадский исследователь Дж. Картрайт, «отдельный политический лидер может оказать существенное воздействие на эволюцию почти любого африканского государства»[73].

Африканское общество многомерно. Ни в одной стране континента оно не представляет собой гомогенное образование. Современная история Юга Африки изобилует примерами того, как получившие образование на Западе специалисты, политики и бизнесмены по возвращении на родину делают успешную карьеру, используя знания, новые технологии, в том числе в области управления (менеджмента). При всем своем европеизированном или американизированном имидже, такой человек сохраняет приверженность элементам традиционных верований, учитывает в своих делах интересы клана, рода или руководствуется ими. Придя к власти, такие политики в процессе реализации демократических реформ сталкиваются с необходимостью учета местных традиций общественных отношений, что не всегда проходит без осложнений. Как отмечает российский исследователь Н.И. Высоцкая, «подлинная демократия, являющаяся универсальной ценностью, требует, тем не менее, учета местных условий и не может сводиться к механическому перено-

су понятий и моделей»[74]. В африканских странах велико взаимодействие и взаимовлияние этничности и политики. На политическую культуру многих политиков стран южноафриканского региона во многом влияет этническое сознание. События 1990-х годов в Замбии и Анголе показали, что этничность оживляется, когда создаются условия для ее политической активности, когда, по выражению российского исследователя В.С. Мирзеханова, «действующие лица конкурируют друг с другом, конфликтуют или угрожают друг другу в соответствии со структурой этничности»[75].

Африканские лидеры несут в себе черты традиционной власти, проявляющиеся, в том числе, в харизме; харизматические качества становятся источником авторитарной власти; вследствие персонификации власти переплетаются авторитет власти и авторитет личности[76]. Но некоторым лидерам региона, например тем, кто имеет опыт вооруженной борьбы за власть, присущи отдельные специфические черты. Опыт, полученный лидерами в революционной борьбе за независимость, иногда мешает им в управлении государством. Несомненно, умение организовать силы сторонников и принимать жесткие решения помогали президенту Ж.-Э. душ Сантушу в условиях гражданской войны в стране. Но те же качества мешали ему договориться с оппозицией, недовольной «оттягиванием» очередных выборов и вышедшей из состава комиссии по разработке новой конституции в мае 2004 г. Жесткость революционера часто мешает также президенту Зимбабве Р. Мугабе, особенно в отношениях с Западом. Политическая негибкость и отсутствие дипломатических навыков превратили его в персону нон грата на Западе и перессорили с некоторыми его лидерами и политиками (например, Г. Брауном и К. Райс).

Нахождение у власти лидеров с перечисленными свойствами непосредственно связано с политической культурой общества в целом. А от нее будет зависеть эффективность взаимодействия лидеров с населением.

Говоря об особенностях политической культуры правящих и оппозиционных элит в странах южноафриканского региона, необходимо подчеркнуть, что в культуре ЮАР за последние 15 лет появилось новое явление – расовая терпимость[77]. В конце 2000-х годов изменилось устоявшееся мнение об оппозиционной партии Демократический альянс (ДА) как о партии исключительно белых, пренебрегающей интересами черного большинства. Перед выборами 2009 г. ее лидер Х. Зилле неоднократно заявляла о необходимости «поощрения, распространения и расширения возможностей в сфере политики для всех сил, которые отдают приоритет экономическому росту»[78]. В то же время по-прежнему не стал еще нормой «уход или изгнание с политической арены лиц с запятнанной репутацией», на что обращал внимание российский исследователь Л.Н. Рытов еще в 1999 г.[79] Например, один из членов руководства АНК Винни Мадикизела-Мандела, обвиняемая в конце 1990-х годов в причастности к пыткам и убийству[80], участвовала в 2007 г. в выборах президента АНК на съезде в Полокване. А Дж. Зума, находившийся под следствием по обвинениям в коррупции и сексуальном насилии, после оправдания судом в 2009 г. был избран президентом страны.

Политической культуре элит данного региона, как и африканским политикам в целом, свойственен популизм, который на Юге Африки стал очень результативным средством в борьбе за власть. Использование популистских приемов значительно облегчило Дж. Зуме продвижение к вершине пирамиды власти. В последние годы популизм помогал ему довольно умело влиять на общественное мнение. Прекрасный оратор, способный заворожить массы слушателей на многотысячных митингах, он не упускал шанса показать близость к народу даже в довольно сложные и драматичные для него дни. В августе 2008 г., когда в суде южноафриканского города Питермарицбурга слушалось дело по обвинению его в коррупции, он твердо заявил собравшимся поддержать его сторонникам: «Те, кто знаком со мной, знают, что я не трус. Я никогда ничего не боялся, я всегда был готов умереть за свою страну, и я готов к этому и сейчас»[81]. С помощью сторонников Зуме удалось даже в зале суда выглядеть довольно картинно и героически. Например, он появился там под аккомпанемент знаменитой песни времен борьбы с апартеидом под названием Bring Me My Machine Gun («Принесите мне мой пулемет!»), ставшей его своеобразным гимном[82]. С одной стороны – пафос его революционной речи, с другой – требование противников Зумы наказать его за серьезные нарушения закона. В течение последнего судебного слушания в 2008 г. перед зданием Верховного суда находились сотни, а иногда несколько тысяч митингующих, выражавших политику свою поддержку. Пример Дж. Зумы свидетельствует о том, что использование популистских приемов в африканских реалиях оправдывает себя и часто приносит политику реальные плоды.

К популистским приемам прибегал также покойный президент Замбии Л. Мванавaса. Например, в 2005–2007 гг. власти Замбии в числе нескольких других африканских стран упорно отказывались принимать участие в кампании ООН по вакцинации детей от полиомиелита. Причиной отказа послужило мнение о том, что такие прививки якобы приводят к женскому бесплодию. Правительство приняло важное для здоровья населения решение в результате давления общественного мнения, сформированного на основе заявлений некоторых общественных организаций и СМИ. А нынешний президент страны Рупиа Банда во время

предвыборной кампании в ноябре 2008 г. обещал крестьянам снизить на 75% цены на удобрения[83].

Необходимо отметить еще один фактор, воздействующий на политическую культуру политиков Юга Африки, – религиозный. Население большинства государств Юга Африки исповедуют христианство: в Намибии и Лесото – 90%, в ЮАР – 80, в Замбии – 75, в Свазиленде – 60, в Зимбабве 55, в Анголе – 53%. В Замбии новая конституция, принятая в 1996 г., провозгласила страну христианской страной[84]. На мировоззрение многих лидеров и видных политиков (например, Р. Мугабе, М. Тсвангираи) оказало влияние их обучение в миссионерских школах и колледжах. Некоторые их них (например, Т. Мбеки в ЮАР, Л. Мванаваса в Замбии) пытались учитывать конфессиональный фактор при реализации внутренней политики, что помогло сохранить в стране этнополитическую стабильность. Часто религиозность самого лидера становится в центре внимания общественности. Например, баптист Л. Мванаваса, занимавший в начале 1990-х годов пост вице-президента страны, после ухода из «большой» политики в 1994 г. присоединился к Церкви «Общество сторожевой башни Библии» (Свидетели Иеговы)[85]. Но, став президентом Замбии, он вновь вернулся в баптистскую церковь, а церемония его крещения в 2005 г. в церкви Твин-Палм (г.Лусака) стала официальным мероприятием, на котором присутствовали государственные деятели и зарубежные послы. Иногда практика подвергает сомнению религиозную приверженность лидера. Например, предшественник Мванавасы – Ф. Чилуба – любил выступать на различных мероприятиях с Библией в руках и постоянно заявлять о своей приверженности христианству. Однако это не помешало ему, ревностному католику, в 1998 г. в первый день Рождества согласиться на арест бывшего президента страны К. Каунды, обвиняемого в государственном заговоре[86].

Развитие политического процесса на Юге Африки за последние 15 лет показало, что западная политическая культура с трудом приживается в местных условиях. Тем не менее пример Ботсваны и ЮАР свидетельствует о возможности успешного взаимодействия разных политических культур на основе их определенного симбиоза. Российский исследователь Ю.В. Ирхин в числе характерных черт и особенностей африканской политической культуры называет гибридность, т. е. сочетание в ней самым противоречивым образом элементов различных культурных систем – западной и африканской[87]. Затрагивая вопрос о типологии политической культуры элит в странах региона, российские исследователи Н.Д. Косухин и Н. И. Высоцкая справедливо отмечают, что «превалирующим вариантом африканской политической культуры наших дней является патриархально-подданический вариант»[88]. Но в некото-

рых странах региона, например в ЮАР, присутствуют также элементы так называемой «культуры участия».

Президенты и феномен преемников. Составить общий социологический портрет представителей правящих политических элит в странах Юга Африки практически невозможно. Возраст, уровень образования, происхождение, пути инкорпорации в элиту настолько разнообразны, что выделение групп по перечисленным признакам потребует отдельного большого исследования. Например, Ян Кхама стал президентом Ботсваны в 55 лет, а самому старшему главе государства мира – Р. Мугабе – в 2009 г. исполнилось 84 года. Король Свазиленда Мсвати III унаследовал власть от отца-монарха, а отцом президента Зимбабве Р. Мугабе был наемный рабочий[89]. Поведенческие стереотипы политических элит региона в какой-то степени также зависят от их половой принадлежности. И в то же время женщины-депутаты парламента или члены правительства в ЮАР, Ботсване, Замбии и Зимбабве более активны в политическом отношении, чем их коллеги-женщины в Мозамбике или Лесото.

Тем не менее общее представление о правящей политической элите стран региона можно составить, проанализировав состав вершины вертикали власти – президентов. Выбор фигур президентов объясняется тем, что именно они являются главами большинства государств на Юге Африки – президентскими республиками являются Ангола, Ботсвана, Замбия, Мозамбик и Малави. Во главе парламентской республики ЮАР также находится президент. Само нахождение президентов у власти (довольно длительное в некоторых из этих стран) заставляет считать их наиболее типичными и яркими представителями национальной политической элиты, независимо от того, что стало результатом сложившейся ситуации – многолетние усилия с целью сохранения власти (Зимбабве, Ангола), победа на выборах в результате длительной борьбы в качестве альтернативного лидера в правящей партии (ЮАР) или же согласие стать преемником прежнего лидера страны (например, Замбия, Малави, Намибия). Африканских президентов, пришедших к власти в начале 1990-х годов, западные политологи причисляют к когорте лидеров так называемой «третьей волны». Не всегда ими становятся политики, обладающие харизмой и необходимыми организаторскими способностями. (Но подобная ситуация складывается не только в развивающихся государствах Юга Африки; в наши дни так происходит и в более развитых странах мира.) Исследователи элит в обществах переходного типа именно лидеров стран и их ближайшее окружение считают подлинными представителями политической элиты.

Именно бывшие президенты стран южноафриканского региона первыми получили премию Фонда Мо Ибрагима «Лучшему президенту

Африки». Экс-президент Мозамбика Ж. Чиссано получил ее в 2007 г. за успешное 18-летнее руководство страной в переходный период ее движения к миру и демократии после долгих лет гражданской войны, а также за деятельность по урегулированию конфликтов в Африке, а президент Ботсваны Фестус Могае в 2008 г. – за заслуги в достижении стабильности и процветания в стране.

На возрастающую роль ушедших в отставку африканских президентов указывал кенийский исследователь Али Мазруи. Он подчеркивал, что почтение к бывшим первым лицам стран сможет не только помочь ослабить политическую напряженность, но и станет препятствием попыткам неконституционных действий[90]. Мазруи выделил три причины, по которым следует чтить бывших глав африканских государств: прежде всего, их огромный опыт и возможность выступать посредниками и миротворцами в конфликтах, во-вторых, они принесли пользу своим странам, уступив власть демократическим путем, в-третьих, уважение к бывшим главам государств – требование африканской традиции почтения к старшим.

Наглядным примером значения авторитета бывших президентов может послужить фигура Нельсона Манделы (ЮАР), снискавшего после ухода в отставку славу и почет как у себя на родине, так и за рубежом. Он, как и бывший президент Танзании Дж. Ньерере, последовательно пропагандировал национальную и расовую солидарность. Мандела всегда провозглашал доктрину нерасового подхода, и, выйдя из тюрьмы, способствовал преодолению наследия апартеида. Ему присуща подчеркнутая скромность, после 27-ми лет тюрьмы Мандела остался удивительно незлобивым, обладает обезоруживающей жизнерадостностью, наслаждается простыми удовольствиями, например обществом детей. Освободив президентское кресло, этот политик остался практически «иконой» своей партии и страны, сохранил моральный авторитет, признанный, что очень важно, своим преемником Т. Мбеки. Результаты проводимой Манделой политики – борьба за права человека и переход ЮАР в ранг самой прочной демократии в Африке – снискала ему всеафриканское и мировое признание.

Раздражая иногда следующих президентов страны публичной критикой в их адрес, Мандела, однако, продолжает восприниматься гарантом внутренней стабильности. Для АНК он по-прежнему остается политическим ресурсом, помогая в избирательных кампаниях. Например, авторитет временного президента Кгалемы Мотланте (он пользуется уважением как в левом, так и в правом крыле АНК; за его кандидатуру проголосовали 269 из 400 членов парламента) был закреплен словами Н. Манделы: «Вы – спокойный, твердый и принципиальный лидер, из тех, кто ставит рассудок выше эмоций и кто стремится объединять, а не

разделять. Мы знаем, что наша страна в хороших руках, когда у руля такой руководитель»[91].

Высочайший международный авторитет помог Н. Манделе стать посредником при разрешении некоторых африканских конфликтов. После смерти Дж. Ньерере, участвовавшего в примирении противоположных сторон давней войны в Бурунди, этим активно занялся Мандела и добился подписания соглашения в Аруше в августе 2000 г. Он также стал основателем одного из благотворительных фондов.

Состарившийся Н. Мандела все реже появляется на публике, тем не менее он остается авторитетной фигурой как внутри страны, так и в мировой политике. Осуждение им войны в Ираке прозвучало на весь мир. Но не прошло и двух лет, как президент Дж. Буш чествовал его в Белом доме, что стало доказательством того, что даже такой нечувствительный к мировому общественному мнению лидер не смог игнорировать столь значительную личность, как Н. Мандела. А вмешательство Манделы в спор о месте проведения мирового чемпионата по футболу в 2010 г. сыграло, вероятно, решающую роль при выборе ФИФА в пользу ЮАР. Среди бывших глав государств по степени влияния на внутреннюю и мировую политику с Манделой может сравниться разве что бывший президент США Дж. Картер. Но разница между ними в том, что Картера будут больше помнить за то, что он сделал уже не как президент, тогда как Манделу – за деятельность на протяжении всей жизни. В этом смысле с Н. Манделой из африканских лидеров вообще некого сравнить.

В день своего 89-летия (18 июля 2007 г.) Н. Мандела заявил о создании международной независимой группы «Старейшины» (The Elders), в состав которой вошли 9 бывших политических лидеров (Коффи Аннан /Гана/, Джимми Картер /США/, Мэри Робинсон /Ирландия/, Гру Харлем Брундтланд /Норвегия/, Питер Гэбриэл и Ричард Брансон /Великобритания/)[92]. Группа создавалась с помощью супруги Манделы Грасы Машел и экс-архиепископа Кейптаунского Десмонда Туту. В задачи организации входит поиск решения насущных проблем современности – борьба со СПИДом, нищетой, голодом, преступлениями против женщин и детей и последствиями глобального потепления.

Уважение к нему во всем мире проявляется также в том, что он отмечен чуть ли не всеми существующими в мире наградами и премиями. Специально созданной комиссии перед празднованием его юбилея потребовался целый год работы, чтобы учесть их все – от его избрания почетным председателем одного из британских студенческих союзов (1964 г.) до присуждения Нобелевской премии мира (1993 г.) и так далее.

В некоторых других странах Юга Африки мнение бывших президентов по поводу политиков из высших эшелонов власти также остается

важным. Например, первый президент независимой Замбии К. Каунда поддержал на президентских выборах в 2008 г. кандидатуру лидера Объединенной партии за национальное развитие (ОПНР) Хакаинде Хичилему, возглавившего оппозиционную коалицию «Объединенный демократический альянс», в которую вошла также партия Каунды ЮНИП[93].

Подобно Н. Манделе и К. Каунде бывшие президенты государств Юга Африки продолжают международную деятельность и после ухода в отставку. Международный авторитет президента ЮАР Т. Мбеки, который он приобрел не только в результате серьезных усилий по повышению имиджа новой демократической ЮАР, разработки идеи «африканского ренессанса», но также по урегулированию военных конфликтов в ДРК, Судане и кризиса в Зимбабве, позволил ему продолжить активную деятельность и после ухода с поста главы государства. В марте 2009 г. Африканский союз назначил его председателем следственной комиссии, созданной в связи с обвинениями Международного уголовного суда (МУС) в отношении действующего президента Судана Омара Хасана аль-Башира в геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности. Выводы, сделанные этой комиссией, в целом совпали с решением не подчиняться требованиям МУС, принятым на саммите АС в Ливии (г.Сирт, июль 2009 г.). По словам бывшего министра иностранных дел ЮАР Нкосазаны Дламини-Зумы, Т. Мбеки был наиболее подходящей кандидатурой для посредничества между МУС и Суданом.

Неизменным авторитетом пользуется бывший президент Мозамбика Ж. Чиссано. В качестве спецпосланника ООН (назначен в 2005 г.) он содействовал проведению мирных переговоров летом 2008 г. между правительством Уганды и лидером повстанческого движения «Армия сопротивления Господа» Джозефом Кони, возглавлял также международную посредническую группу, благодаря усилиям которой в Мапуту (Мозамбик) в августе 2009 г. политические силы Мадагаскара подписали переходную хартию о разделении власти. Приведенные примеры подтверждают важность роли того или иного лидера, авторитет которого оказался способным существенно повлиять на ход того или иного политического или экономического процесса, в чем, по мнению А.В. Притворова, и «…состоит суть любого урегулирования будь то чисто внутренних или международных неурядиц»[94].

Пагубность напряженных, далеких от объективности и искренности отношений политиков в странах Юга Африки, в разное время занимавших президентский пост, для стабильности внутриполитической ситуации отчетливо видна на примере Замбии.

Ф. Чилуба, придя к власти в 1991 г., заявлял о поддержке позиции передавшего бразды правления мирным путем К. Каунды. Тем не менее

уже через два года Чилуба выдвинул против него серьезные обвинения в злоупотреблениях и хищении государственных средств во время пребывания у власти, а в 1996 г. даже обвинил его в антиправительственном заговоре.

Ныне покойный президент Замбии Леви Мванавасса считался официальным преемником бывшего президента Ф. Чилубы. Предвыборный девиз Л. Мванавасы – «Преемственность с изменениями» – довольно точно отражал общую платформу нового руководства страны: с одной стороны, продолжать проводившийся в течение десяти лет курс правящей партии Движение за многопартийную демократию (ДМД) в области экономики и социальной сферы, с другой – исправлять допущенные ею ошибки. В 2002 г. в своей инаугурационной речи Мванавасса обещал бороться с коррупцией и консультироваться с бывшими замбийскими президентами К. Каундой и Ф.Чилубой. Последний перед выборами заявлял, что в считанные недели покинет пост президента правящей ДМД и «предоставит Мванавасе полную свободу действий»[95]. Однако он не выполнил своего обещания: остался лидером партии и скептически отзывался о составе кабинета министров Л. Мванавасы, а также о его способах борьбы с коррупцией. Свое решение, согласно публикации в частной замбийской газете The Post, Чилуба комментировал следующим образом: «Никто не заставит меня перестать возглавлять партию, я уйду, когда посчитаю нужным... Я уйду, когда настанет время, и не завтра»[96]. (Так и произошло: он ушел с этого поста только в январе 2003 г.)

Трения между Чилубой и Мванавасой начались давно, еще во время пребывания последнего на посту вице-президента (1991–1994 гг.). Чилуба с самого начала был не в восторге от своего заместителя (в том числе и по руководству ДМД), но так как партия решила перед выборами 1991 г., что вице-президент партии станет вице-президентом страны, ничего не мог сделать, кроме как отстранить Мванавасу от принятия решений. (Кстати сказать, такое поведение Чилубы подстегнуло слухи, будто авария в ноябре 1991 г., чуть не стоившая Мванавасе жизни, была покушением на него.) Сам Мванавасса признавался, что в бытность вице-президентом сидел без дела, так как «Чилуба с ним никогда не советовался»[97]. Мванавасу возмущала неспособность Чилубы «приструнить» министров, которые открыто его критиковали, например, министр без портфеля Майкл Сата, несколько раз публично высмеивавший действия Мванавасы. По мнению некоторых аналитиков, именно бездействие Чилубы в отношении Саты (особенно после выдвинутых тем обвинений Мванавасы в коррупции) вынудило Мванавасу подать в апреле 1994 г. в отставку с поста вице-президента, что стало почти беспрецедентным для Африки решением.

Уйдя с поста президента страны в 2001 г., но находясь по-прежнему во главе правящей партии, Ф. Чилуба всеми доступными способами старался показать, что все еще остается главным в замбийской политике. Например, в феврале 2002 г. он поздно явился на партийное мероприятие в Лусаке, из-за чего все в зале, включая президента Л. Мванавасу, были вынуждены встать при его появлении. Отношения Чилубы и Мванавасы значительно ухудшились после того, как Чилуба поддержал на президентских выборах 2006 г. кандидатуру лидера оппозиционной партии Патриотический фронт (ПФ) Майкла Сату[98]. Дальнейшее противостояние этих политиков закончилось длительным (с 2003 по 2009 г.) судебным разбирательством (по настоянию президента Мванавасы) по обвинению Ф. Чилубы в коррупции, которое летом 2009 г. завершилось оправданием последнего (уже после неожиданной кончины Л. Мванавасы в 2008 г.). Нынешний президент страны, Рупиа Банда, считавшийся преемником Л. Мванавасы, занял этот пост после его смерти сначала как вице-президент, а на досрочных выборах в октябре 2008 г. был избран президентом с преимуществом всего в 2% голосов избирателей. Таким образом, закончилась (хотя и по грустной причине), установившаяся в Замбии традиция преследования бывших президентов со стороны их преемников.

Опыт отношения к своим бывшим лидерам в некоторых странах Юга Африки демонстрирует практику обеспечения их безопасности и предоставления им всяческих благ. Например, после ухода в отставку президента Намибии С. Нуйомы в 2007 г. некоторые члены правящей в Намибии партии Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО) поддержали предложение Национального общества за права человека (НОПЧ) подать на него в Международный уголовный суд за нарушения прав человека, совершавшиеся в зарубежных лагерях партии до провозглашения независимости в 1990 г. и на северо-востоке страны в 1990-х годах[99]. (Хотя юрисдикция МУС не распространяется на преступления, совершенные до июля 2002 г. – *Л.П.*) Это стало политической сенсацией и в принципе ставило вопрос об ответственности за прошлые нарушения прав человека и в других странах на Юге Африки. Руководство СВАПО во главе с преемником Нуйомы Х. Похамбой резко осудило эти выпады как угрозу политике национального примирения.

Практика придания официального характера положению бывшего президента добавляет уверенности обладателям высшей власти и побуждает их завершать свое президентство в рамках конституции. С другой стороны, опыт Замбии показывает, что в реалиях африканской политики бывшие президенты, обеспеченные благами и почетом, не должны вмешиваться в текущие дела государства, особенно вступать в открытые конфликты со своими преемниками. Каунда, не накопивший большого богатства за время своего президентства и потому нуждавшийся в государственном содержании, взял на себя роль деятельного оппозиционера. За это он подвергался преследованиям и давлению со стороны преемника до тех пор, пока не ушел с политической арены. А Ф. Чилуба, наоборот, оставаясь лидером правящей партии, за свои попытки сохранить контроль и мешать преемнику (Мванавасе) заплатил позором обвиняемого в коррупции. Пример Малави, где также существовало противостояние между бывшим президентом и его преемником, говорит о том, что это неизбежно чревато конфликтом, победителем в котором оказывается, как правило, обладатель государственной власти.

Участие бывших африканских президентов в конструктивной международной деятельности (посредничество в переговорах, инициативы по развитию) до тех пор, пока бывшие главы государств вмешиваются во внутреннюю политику своих стран и решают вопросы своего прошлого в судах, наталкивается на серьезные трудности. Несмотря на недостатки президентства К. Каунды, его по-прежнему превозносят как героя освобождения на Юге Африки, который дорогой ценой для Замбии добивался освобождения от колониализма и от апартеида Зимбабве, Анголы, Мозамбика, Намибии и ЮАР. Но только после ухода из активной политики у него появились условия для международной деятельности. А Ф. Чилубе, бывшему председателю ОАЕ, с репутацией политика, увязшего в коррупционных делах, на международное признание рассчитывать пока не приходится. Хотя пример прошедшего подобный путь недавно избранного президента ЮАР Дж. Зумы может изменить ситуацию в этом вопросе.

Пример Замбии свидетельствует о сложности дилеммы: как преследовать бывших президентов за их былые злоупотребления и преследовать ли их вообще. Неприкосновенность побуждает таких лидеров отдавать власть, но гарантия неподсудности поощряет действующих президентов злоупотреблять своим положением. В каждом случае, видимо, требуется решение, учитывающее конкретные обстоятельства. Лишение неприкосновенности после ухода в отставку может выглядеть оправданным. Оно служит веским предостережением коррупционерам, что им все равно придется расплачиваться за содеянное, как бы они ни пеклись о своей безопасности. Но одновременно это не только заставляет колеблющихся президентов цепляться за власть, но и чревато дорогостоящими, длительными расследованиями, иногда с сомнительным исходом.

Исход дела бывшего президента Замбии показывает, что неподготовленное обвинение приводит не только к провалу судебного процесса, но и к вскрытию его политической, а не юридической подоплеки. В

случае дела Ф. Чилубы вместо возврата в казну страны государственных средств и демонстрации наказуемости коррупции в Замбии, наоборот, вышла значительная трата средств на судебные разбирательства. К тому же вместо порицания коррупции как социального зла общество стало свидетелем оваций 150 сторонников экс-президента в зале суда после отмены уголовного преследования, а также высказываний Ф. Чилубы в лондонском суде, где он назвал предвзятость судей проявлением расизма. Провал процессов, подобных замбийскому, делает маловероятным возбуждение судебных преследований бывших президентов-коррупционеров в других странах региона.

Перечисленные перипетии, часто стоящие политикам не только репутации, но и свободы, заставляют внимательнее отнестись к проблеме преемственности власти. Проблема выбора преемника для верхушки правящей элиты региона становится очень важной.

Интересная модель преемственности власти формируется в Ботсване. За последнее десятилетие власть уже дважды переходила от досрочно покидающего свой пост президента к вице-президенту: в 1998 г. глава государства Кетумиле Масире, не отбыв до конца второй президентский срок, передал ее вице-президенту Фестусу Могае; тот в свою очередь в апреле 2008 г. поступил тем же образом в пользу вице-президента Яна Кхамы. Такая модель позволяет осуществить безболезненный переход власти от одного лидера правящей Демократической партии Ботсваны (ДПБ) к другому. При этом вице-президенту, находящемуся наверху исполнительной вертикали, значительно проще получить на выборах большинство голосов избирателей. Некоторые аналитики называют подобную схему передачи власти «визитной карточкой» ботсванской демократии. Сохраняется преемственность президентской власти в Намибии. В ноябре 2007 г. 78-летний Сэм Нуйома (основатель правящей СВАПО) ушел с поста президента этой партии. На ее съезде (ноябрь 2007 г.) новым лидером на безальтернативной основе был избран президент страны Хификепунье Похамба, кандидатуру которого предложил сам Нуйома.

Отпустить рычаги власти было трудно и такому политическому тяжеловесу, как президенту Малави Б. Мулузи. Понимая, что в создавшейся ситуации ему не удастся вновь баллотироваться на президентский пост на выборах в 2004 г., он выдвинул кандидатуру Б. Мутарики. По мнению некоторых западных исследователей, Мулузи, объявляя его своим преемником, скорее всего, рассчитывал, что президентство преемника будет его завуалированным третьим сроком[100]. Но предполагаемая марионетка Мутарика не оправдал надежд. После избрания его президентом между этими политиками установились очень напряженные отношения. Более того, Мутарика даже пытался изолировать Мулузи (в

феврале 2009 г. он был арестован по обвинению в причастности к антиправительственному заговору), заявившего о своем желании баллотироваться на президентских выборах в 2009 г.[101]

Приведенные примеры показывают, что не всегда бывшим и настоящим главам государства удается наладить, а тем более сохранить конструктивные отношения. А такие примеры есть, например взаимоотношения двух бывших президентов ЮАР Фредерика де Клерка и Нельсона Манделы. И сейчас для ЮАР остаются актуальными слова ее бывшего лидера в 1989–1994 гг., лауреата Нобелевской премии мира Ф. де Клерка, сказанные им накануне выборов в 2004 г.: «Нам необходимо вести переговоры, искать компромиссы и приходить к соглашениям в сфере экономических и социальных преобразований таким же образом, как мы это делали десять лет назад в сфере конституционных преобразований. Мы должны продолжать работать над достижением национального согласия»[102].

Феномен преемничества занял важное место в политической жизни большинства стран Юга Африки: Ф. Чилуба – Л. Мванаваса – Р. Банда (Замбия), Н. Мандела – Т. Мбеки (ЮАР), С. Нуйома – Х. Похамба (Намибия), Ж. Чиссано – А. Гебуза (Мозамбик), Ф. Могае – Ян Кхама (Ботсвана), Б. Мулузи – Бингу ва Мутарика (Малави). В Зимбабве и Анголе президенты не только не торопятся уходить с занимаемых постов, но до сих пор не определены кандидатуры в качестве потенциальных преемников. Об отсутствии приемника у президента Анголы Ж.-Э. душ Сантуша свидетельствовало его заявление после парламентских выборов 2008 г. о намерении вновь баллотироваться на пост главы государства на президентских выборах, назначенных на конец 2009 г. Необходимо отметить, что позже выборы снова были перенесены на 2012 г.

В современных условиях политических, гуманитарных и финансовых кризисов схема смены власти через преемника президента в странах южноафриканского региона кажется оправданной, поскольку в противном случае остается возможной резкая смена курса каждые 4 или 5 лет. А это, как показывает практика, часто приводит к негативным результатам.

Для политиков региона, особенно молодых, есть яркие образцы того, как долгая и трудная жизнь в политике может увенчаться триумфом всеобщего признания и почитания. Как, несмотря на возраст и мировое признание, политик может оставаться скромным и деятельным. Пример тому – бывший президент ЮАР 91-летний Н. Мандела, который после принятия в 2009 г. властями решения о ежегодном праздновании его дня рождения 18 июля как «Дня Манделы» заявил, что он «должен быть не праздничным днем, когда можно ничего не делать, а наоборот – временем, когда нужно сделать хоть что-то для страны»[103]. В то же время

есть пример бессменного президента Р. Мугабе, в ходе празднования 83-летия которого в 2007 г. было принято решение о создании на его родине в Кутаме музея, посвященного его жизни и деятельности; стоимость этого проекта оценивалась в 4 млн долл. США[104].

Помимо президентов наиболее влиятельной и постоянной частью правящей политической элиты государств Юга Африки являются министры и их заместители, секретари министерств, члены парламента, главы региональных администраций (округов, провинций и пр.), профсоюзные лидеры, а также дипломаты. Кроме депутатов парламента, глав администраций (иногда их тоже назначают) и лидеров профсоюзных объединений, все перечисленные категории правящей политической элиты попадают в политическую элиту путем назначения. Лояльность по отношению к главе государства и правящей верхушке, находящимся у власти несколько сроков подряд, позволяет им функционировать независимо от уровня их компетентности и эффективности результатов деятельности.

В системе верховной власти сильно влияние партонажно-клиентельных отношений. На важные посты в правительстве президенты часто назначают своих родственников и проверенных временем друзей. Особенно явно система непотизма развита в Ботсване. Новый президент Ботсваны Серетсе Кхама Ян Кхама, придя к власти в апреле 2008 г., на большинство постов в правительстве назначил своих родственников (например, министр юстиции, обороны и безопасности Дигагаматсо Серетсе – его двоюродный брат) и друзей семьи (министр туризма, охраны окружающей среды и дикой природы Онкокаме Китсо Мокаила, министр коммуникаций, науки и технологии Пелономи Венсон-Мойтой). Одна из двух вице-президентов Зимбабве Джойс Муджуру – соратница Р. Мугабе по партизанской борьбе, пришедшая в его отряд в 18-летнем возрасте и в конце 1970-х годов ставшая его помощником. Так как второй вице-президент, Дж. Мсика, начиная с 2005 г. тяжело болел вплоть до самой его кончины в августе 2009 г., Муджуру оставалась единственным заместителем Мугабе.

Дж. Зума сразу же после своего избрания президентом АНК (декабрь 2007 г.) начал проводить политику расстановки своих сторонников на ключевых постах в структурах АНК. Его стремление заменить приверженцев действующего президента Т. Мбеки, занимающих важные государственные посты, нашло поддержку как в АНК, так и в КОСАТУ и ЮАКП. Например, в феврале 2008 г. был уволен с поста президент КОСАТУ Вилли Мадиша, являющийся сторонником Мбеки. Среди сторонников Зумы прозвучали даже призывы к немедленным перестановкам в правительстве, что и произошло после парламентских выборов, состоявшихся в апреле 2009 г. Практика раздачи ключевых государственных постов своим соратникам не нова и очень распространена в странах Юга Африки. Не секрет, что и в первом демократическом правительстве Н. Манделы и в правительстве Т. Мбеки многие министры были не только многолетними соратниками Н. Манделы по борьбе, но в свое время вместе с ним были узниками тюрьмы на острове Роббен (например, нынешний президент страны Дж. Зума, министр юстиции и конституционного развития в его правительстве Джефф Радебе, К. Мотланте и др.). Окружил себя бывшими товарищами по борьбе и президент Анголы Ж.-Э. душ Сантуш.

Благодаря лояльности верховной власти в странах южноафриканского региона многим перечисленным выше категориям правящей элиты удается сохранять свои посты не только в течение нескольких сроков нахождения у власти одного президента, но и после прихода нового главы государства. В ЮАР в числе таких политиков следует назвать уже упоминавшегося Джеффа Радебе, Линдиве Сисулу (нынешний министр обороны и по делам ветеранов) и Нкосазану Дламини-Зуму (нынешний министр внутренних дел). В Замбии министр юстиции в правительстве Л. Мванавасы Джордж Кунда после избрания президентом Рупиа Банды не только сохранил свой пост, но и одновременно был назначен в ноябре 2008 г. вице-президентом страны. Сохранили также свои посты министр иностранных дел Кабинга Панде и министр обороны Джордж Мпомбо. В Анголе в правительствах 2002 и 2008 гг. удалось сохранить свои посты министру экономического планирования Анне Диаш Лоуренсу, министру нефтяной промышленности Жозе Мариа Ботелью ди Вашконселуш, министру промышленности Жуакину Дуарте да Кошта Давиду, министру по делам ветеранов войны Педру Жозе Ван-Дунему, министру образования Антониу Бурити да Силва Нету, а также министру труда, социального обеспечения и по делам государственных учреждений Антониу Домингуш Питра да Кошта Нету.

В условиях демократизации выборного процесса при ротации состава парламента происходит воспроизводство ядра политической элиты. Среди парламентариев есть те, кто сохраняют свои мандаты в течение нескольких сроков. Прежде всего, это относится к депутатам, являющимся членами правящих партий. Есть в парламентах стран региона политические «долгожители», принадлежащие и к партиям оппозиции. Например, в ЮАР глава депутатской фракции оппозиционной Инката фридом парти Кус ван дер Мерве является ветераном парламента: он обладает депутатским мандатом на протяжении 32-х лет и работал при семи президентах страны. Однако деятельность далеко не всех депутатов является эффективной, а их длительное пребывание в парламенте оправданным.

Пользуются влиянием также представители дипломатического корпуса. Большинство представителей ЮАР в Африканском союзе (АС) и ООН, а также послы ЮАР и Анголы в России, США и странах Европы имеют политическую родословную и тесно связаны с правительственными кругами. Например, в 1999 г. послом ЮАР в США была назначена Шейла Сисулу – дочь выдающегося лидера АНК Уолтера Сисулу[105]. Некоторые послы продолжают политическую карьеру в качестве членов правительства: в 2005 г. в Анголе министром внутренних дел был назначен бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Ангола в России Роберту Леал Рамуш Монтейру («Нгонго»).

Роль правящих элит в формировании национальной политики

Эффективному управлению, приводящему к стабилизации социально-политической жизни и развитию страны, во многом способствует наличие у правящей элиты национальной идеи. Идея национального примирения и пришедшие в 1997 г. на смену ей идеи национально-демократической революции в ЮАР позволили правящей партии АНК сплотить вокруг себя большинство населения и добиться за последние годы значительных успехов в экономике. А вот идея об «истинном замбийце» (новая конституция 1996 г. запрещала баллотироваться на пост президента страны замбийцам менее чем в третьем поколении)[106], выдвинутая президентом Замбии Ф. Чилубой накануне выборов в том же году, хотя и позволила ему нейтрализовать политического конкурента К. Каунду и остаться у власти, но одновременно спровоцировала усугубление в стране этнических противоречий.

Наличие национальной идеи у правящей элиты выгодно ее отличает на политическом фоне и может стать гарантией поддержки населения в дальнейшем. Правящая элита Намибии недавно предложила своим гражданам идею устойчивого развития и уверена, что останется у власти в ближайшие десятилетия. Свидетельство тому – принятие в июне 2004 г. программы развития страны под названием Vision 2030. Основные положения программы – сохранение окружающей среды и здоровья населения, переход от экспорта сырья к развитию сектора услуг и созданию добавленной стоимости внутри страны[107]. Кроме Намибии, в регионе нет пока таких далеко идущих планов, если не считать план развития южноафриканского города Кейптауна до 2030 г. В Африке подобный план, тоже с названием Vision 2030, принят еще правительством Кении[108]. В бюджетной политике правительства Намибии предусмотрено увеличение расходов на образование и культуру (до 25%), а также на здравоохранение (до 13%). Такие предвыборные обещания правящей

партии СВАПО и президента Х. Похамбы, подкрепленные экономическими успехами страны в алмазодобывающей и текстильной промышленности, а также индустрии туризма, дали им значительные преимущества и положительно повлияли на исход очередных парламентских выборов, состоявшихся в ноябре 2009 г. – СВАПО получила 74,29% голосов избирателей[109].

Реализация предложенных лидерами перспективных планов развития общества, приводя к краткосрочным достижениям, должна демонстрировать продвижение к поставленным целям. Однако при составлении таких программ часто не учитываются многие факторы, а политический расчет направлен в основном на повышение имиджа власти в глазах международных доноров или завоевание лидерских позиций в регионе. Отсутствие материальной базы и несогласованность действий с различными группами общества мешают осуществлению прогрессивных начинаний. Например, это относится к судьбе концепции «африканского ренессанса», выдвинутой Т. Мбеки в 1998 г.[110] По ряду причин многие из намеченных планов реализованы не были. Как отмечают А.Б. Давидсон и И.И. Филатова, в конце 2000-х годов «само словосочетание “африканский ренессанс” вышло из моды довольно быстро, но пропаганда африканского наследия продолжалась»[111].

Основной блок проблем, которые обязаны решать правящие элиты региона, составляют социально-экономические проблемы. Период демократических преобразований, начавшийся в большинстве стран в начале 1990-х годов, в некоторых странах (например, в Зимбабве и в Замбии) уже показал угрозу политической стабильности в случае неэффективного управления. Главным показателем качества деятельности правящей политической элиты являются реальные достижения. По мировым меркам они пока незначительны. Согласно данным доклада ООН о гуманитарном развитии планеты, по «индексу человеческого развития» (средняя продолжительность жизни, уровень образования и доходы населения) в 2007 г. в списке из более 160-ти стран государства региона (кроме ЮАР и Лесото, находившихся после 110-го места) заняли позиции после 148-го места. В 2010 г. Зимбабве (169-е место), Мозамбик (165-е), Замбия (150-е), Ангола (146-е) и Лесото (141-е) были в группе стран с низким уровнем «индекса человеческого развития», а Свазиленд (121-е), ЮАР (110-е), Намибия (105-е) и Ботсвана (98-е) – в группе со средним уровнем[112]. Несмотря на отдельные экономические успехи, в большинстве стран, даже в такой динамично развивающейся в последние годы, как ЮАР, остро стоят проблемы бедности, безработицы, СПИДа, инфляции, преступности, беженцев. Нерешенность этих проблем угрожает усугублением социального кризиса. От принятия правящими политическими элитами эффективных решений по стабилизации

и улучшению жизни граждан зависит не только их дальнейшее пребывание у власти, но и судьба будущего развития. В противном случае, как справедливо отмечал Ю.В. Потемкин, «большинство африканских стран так и останутся “неисправимыми” маргиналами мирового развития»[113].

Социально-экономическая политика правящих элит в странах Юга Африки направлена на либерализацию экономики. Диапазон экономических показателей этих стран довольно широк: если ЮАР стала одним из экономических гигантов на континенте, Ангола становится одним из крупных африканских экспортеров нефти (85% от ВВП), а Ботсвана – алмазов, то Зимбабве во второй половине 2000-х годов оказалась на грани гуманитарной катастрофы. Несмотря на экономические успехи ЮАР, Анголы, Мозамбика, в них, подобно малоразвитым странам региона, сохраняется высокий уровень бедности. Согласно данным Всемирного банка за 2008 г., в ЮАР ниже уровня бедности живут около 22% населения, в Замбии – более 60%, в Лесото – более 50%[114]. В Анголе и Намибии этот показатель составил около 40%, в Мозамбике – 70%, а в Зимбабве – более 90%[115].

Особенно катастрофическая ситуация создалась в Зимбабве. Политика режима Р. Мугабе, начиная с 1999 г., превратила страну из разряда «относительно развитых государств Африканского континента» в страну, где рост ВВП в 2008 г. составил минус 12,6%[116] и с инфляцией в 14,9 млн процентов[117]. В 2003–2008 гг. из страны уехало несколько миллионов человек, прежде всего в соседние страны – ЮАР, Ботсвану, Замбию, Намибию и Мозамбик**.** По данным ООН, безработица в Зимбабве к концу 2008 г. выросла до 94%[118]. Небывало высоко поднялись цены на продовольственные товары и на бензин. Зимбабве, бывшая житница Африки, переживает острейший экономический кризис, испытывая нехватку продовольствия, топлива и валюты. Критики режима Р. Мугабе причиной создавшейся ситуации считают проведение правительством земельной реформы в 2000 г., когда чернокожим были переданы фермы белых землевладельцев, которым принадлежала большая часть обрабатываемых земель. По мнению же сторонников президента Мугабе, кризис вызван экономической блокадой страны со стороны Великобритании и США. Сам Р. Мугабе также перекладывает ответственность за сложившуюся ситуацию в Зимбабве на страны Запада, которые ввели санкции, обвиняя его в подтасовке результатов выборов 2002 г. Список европейских санкций против режима Мугабе, продленных Евросоюзом в начале 2008 г., включает эмбарго на поставки в страну вооружения, замораживание иностранных финансовых активов и запрет на поездки в Европу президента и ряда высокопоставленных лиц.

Р. Мугабе подвергался критике западных стран за плачевное состояние экономики страны и за подавление сил оппозиции. Противоборство с оппозицией правящей элиты Зимбабве, проделывавшей за последние несколько лет для удержания власти всевозможные политические «кульбиты», превратило политический процесс в этой стране в своеобразный сериал.

ЮАР, наряду с Великобританией и США, серьезно заинтересована в разрешении зимбабвийского кризиса. Особенно активно власти ЮАР стали вмешиваться в дела Зимбабве после того, как стало ясно, что режим Мугабе не только не сможет преодолеть экономический кризис, но и не получит заем у какого бы то ни было государства. У ЮАР есть дополнительный рычаг влияния на Мугабе: значительный объем всего используемого Зимбабве электричества поступает из соседней ЮАР, а долг по расчетам за электроэнергию уже составляет сотни миллионов американских долларов.

Политический и экономический кризис в Зимбабве, возникший в результате перипетий с парламентскими выборами 2008 г., стал в центре внимания мирового сообщества. Россия также выражала свою озабоченность затягиванием кризисной ситуации в Зимбабве и призывала «все зимбабвийские стороны вести ответственный и конструктивный диалог, руководствуясь, прежде всего, национальными интересами»[119]. Решение о создании коалиционного правительства в сентябре 2008 г. МИД РФ назвал «шагом к долгосрочному урегулированию внутриполитических проблем в Зимбабве и восстановлению национального единства страны»[120]. В середине октября 2009 г. премьер-министр М. Тсвангираи заявил о возможности своего выхода из коалиционного правительства, так как президент Р. Мугабе, по его утверждению, нарушал достигнутые ранее договоренности. Затяжной политический кризис и гуманитарные проблемы (голод, холера) в Зимбабве не только в значительной степени дестабилизируют ситуацию на Юге Африки, но и представляют угрозу для безопасности всего континента. Ситуация в Зимбабве и сейчас далека от стабильности. В декабре 2010 г. М. Тсвангираи заявил, что только президентские выборы в 2011 г. смогут решить спор с Р. Мугабе о разделе власти в коалиционном правительстве[121]. А в феврале 2011 г. в ответ на беспорядки, начавшиеся в Хараре, власти обвинили Тсвангираи в попытке спровоцировать антиправительственный бунт по типу событий в Тунисе или Египте[122].

В ЮАР в 1994–2004 гг. рост ВВП составил в среднем 2,8%[123], в 2005 г. – 5%, в 2008 г. – 3,1%[124]. Согласно докладу Всемирного экономического форума «WEF», в 2009 г. финансовая система ЮАР занимала 32-место в рейтинге стран по признаку развитости их финансовой системы, уступая в Африке только Египту (36-е) и Нигерии (52-е ме-

сто)[125]. Достигнутые успехи стали возможными благодаря принятым правительством мерам оздоровления экономики и повышению ее инвестиционной привлекательности. Как отмечает Ю.С. Скубко, «в целом экономический курс постапартеидной ЮАР при всей своей социальной ориентированности характеризуется прагматичным сочетанием консервативных и интервенционистских мер, с большим искусством осуществляемых многолетним министром финансов Тревором Мануэлем»[126].

В ЮАР правительство, сформированное в 1994 г., проводило политику, в которой идеологическая составляющая превалировала над экономической. С целью скорейшего решения проблемы расового дисбаланса в экономике страны на законодательном уровне было закреплено требование, чтобы в каждой компании черные сотрудники составляли не менее 85% (без учета того факта, есть ли в наличии необходимое число квалифицированных черных специалистов). Шансы квалифицированных белых и иностранных специалистов при приеме на работу, а также их карьерного роста были невелики, хотя многие фирмы и предприятия испытывали острый кадровый голод. Значительные экономические успехи в первой половине 2000-х годов были достигнуты благодаря привлечению в страну высококвалифицированных кадров в результате существенных изменений в национальной иммиграционной политике[127]. Приток квалифицированных рабочих, инженеров, медиков и менеджеров происходил, прежде всего, из стран региона – Зимбабве, Анголы, Мозамбика, Замбии. Ю.В. Потемкин отмечал, что «дефицит кадров среди коренного населения ЮАР вызвал их привлечение из других стран…ЮАР в известной степени заменила Европу и Северную Америку в качестве пункта назначения для высокообразованных африканских эмигрантов, усугубив и без того серьезную проблему “утечки мозгов”»[128].

Результатами политики Т. Мбеки были удовлетворены преимущественно представители верхних слоев общества. Не сокращался значительно уровень нищеты, рос уровень преступности, объемы промышленного производства росли в основном в сфере добычи полезных ископаемых, снизился уровень образования, начались ежедневные отключения электричества, даже на золотодобывающих шахтах (основе экономики ЮАР). Причиной начавшегося в стране энергетического кризиса некоторые аналитики называли именно увольнение из отрасли белых специалистов. Как отмечают А.Б. Давидсон и И.И. Филатова, «правительство создало специальную программу, в соответствии с которой прежде уволенных или ушедших на пенсию технологов и техников пригласили в местные правительственные учреждения…»[129]. Некоторые компании в срочном порядке вновь начали набирать уволенных служащих, в том числе пенсионного возраста. Под личным руководством заместителя президента Мбеки Пумзиле Мламбо-Нгкуки началась кампания по возвращению уехавших специалистов[130].

В середине 2000-х годов южноафриканские исследователи из Кейптаунского университета Джереми Сикингс и Николи Наттрасс отмечали: «…баланс власти между устоявшимся белым бизнесом, растущим черным и организованным рабочим движением вряд ли сместится в достаточной степени, чтобы это вызвало крупные изменения в стратегии развития. А без политики, направленной на рост занятости для неквалифицированной рабочей силы и на более эффективное использование общественных средств на цели образования, неравенство между белыми и черными, если и сократится, то совсем незначительно»[131]. Президент Дж. Зума в первом своем обращении к народу пообещал создать более 500 тысяч рабочих мест до декабря 2009 г.[132] Он подтвердил также готовность правительства осуществлять выполнение программы по улучшению инфраструктуры и контролировать расходы (98 млрд долл. США) на ее выполнение. Помимо строительства школ, жилищного строительства и восстановления общественного транспорта, особое внимание в программе уделяется водоснабжению и санитарии. Однако уже в июле-августе 2009 г. ЮАР охватила мощная волна забастовок и митингов протеста служащих госсектора, работников горнодобывающей, химической, угольной отраслей, коммуникационной и транспортной служб, требовавших повышения зарплаты в связи с возросшей инфляцией. Ответная реакция Зумы показала, что он намерен жестко управлять страной: за первую неделю забастовок было арестовано более 35 человек, а недовольных митингующих полиция разгоняла, применяя в том числе резиновые пули. В октябре того же года в нескольких городах на востоке ЮАР состоялись акции протеста недовольных низким уровнем жизни населения. Против протестующих в городе Стандертон, переворачивавших автомобили и скандировавших «Теперь только Зума может остановить нас!», полицейские открыли огонь, было также арестовано около 60 человек[133].

Для Анголы до недавнего времени серьезной проблемой было сокращение объемов внешней помощи, которое было связано, прежде всего, с тем, что руководство МВФ, обвиняя ангольское правительство в плохом управлении, заявило, что дальнейшая международная помощь стране будет предоставлена только при соблюдении ею гласности расходования государственного бюджета. Препятствием для новых инвестиций Португалии в ангольскую экономику является невыплаченный Анголой долг (на август 2004 г было выплачено 25% долга – 258 млн долл. США). Результаты парламентских выборов, состоявшихся в сентябре 2008 г., показали, что у президента Ж.-Э. душ Сантуша были хорошие перспективы победы на президентских выборах, назначенных на

2009 г. После того, как он проголосовал на одном из столичных участков Луанды, он заявил журналистам: «Мы начинаем новую эру, когда политика будет делаться на основе свободы и взаимного уважения»[134].

В Мозамбике усилия правительства Ж. Чиссано по сохранению политической стабильности в стране и успешное проведение экономических реформ в рамках разработанной для этой страны жесткой программы МВФ и Всемирного банка позволили в 1990-е годы сохранить темпы экономического роста в стране. После длительного периода разрухи и застоя темпы ежегодного роста экономики достигли 5–6% в первой половине 1990-х и более 10% к началу 2000-х годов. После прихода в ЮАР к власти АНК (1994 г.) начался процесс экономической интеграции двух стран. Чиссано сумел добиться иностранной помощи (поступавшей главным образом из Англии, Германии, США и от Всемирного банка), одной из самых значительных по объемам в Африке в 1990-е годы. Снижение уровня военных расходов, приватизация государственных предприятий, а также меры по упорядочению налоговых сборов привели к оздоровлению финансовой системы и снижению инфляции. Это позволило правительству в 2000 г. увеличить расходы на сельское хозяйство на 13%, образование – на 21%, а на здравоохранение – на 80%. Правительство проводило экономическую политику с использованием новых возможностей, которые открылись после начала осуществления программы НЕПАД («Новое партнерство для развития Африки») – стратегии развития континента.

Правящие элиты региона поддерживают активные связи с Китаем, прочно занявшим место на рынках Юга Африки. Например, активно развиваются отношения Китая и Намибии, прежде всего в сфере строительства, военного сотрудничества и образования. В июне 2005 г. во время визита правительственной делегации КНР премьер-министр Намибии Нахас Ангула заявил о приверженности принципу «одного Китая». В конце 1990-х годов российские исследователи В.Г. Шубин и Т.Л. Дейч отмечали, что лидеры ЮАР поддерживали политику инвестиций Китая в экономику страны и отдавали должное моральной и материальной поддержке, которую получали от Китая национально-освободительные организации в период борьбы против апартеида[135]. В конце 2000-х стали очевидными заинтересованность Китая в южноафриканских ресурсах, а также перспективность для него сотрудничества со страной, которая обладает политическим весом на континенте и в мире в целом[136]. А в Замбии в феврале 2009 г. была открыта зона торгово-экономического сотрудничества с Китаем – первый такого рода проект КНР на Африканском континенте[137]. Новые экономические соглашения с Китаем были подписаны в ходе визита президента Р. Банды в Пекин в начале марта 2010 г.

Лидеры государств южноафриканского региона пытаются отстаивать экономические права своих государств, позволяющие решать вопросы развития. Выступая на экономическом саммите в 2005 г. в Кейптауне, президент Мозамбика Арманду Гебуза подчеркнул необходимость устранения таможенных барьеров для сельхозпродукции из африканских стран, приведя пример трудностей, с которыми сталкиваются мозамбикские производители сахара. Несомненным успехом лидеров региона стали результаты второго саммита ЕС–Африка, проходившего 8–9 декабря 2007 г. в Лиссабоне. В ходе встречи с главами государств Африки, в том числе и с «опальным» президентом Зимбабве Р. Мугабе, Евросоюз настаивал, чтобы так называемые «Соглашения о торговом партнерстве» заменили заканчивающийся в начале 2008 г. льготный торговый режим для развивающихся стран, введенный Всемирной торговой организацией (ВТО). Несмотря на декларации о важности сотрудничества, лидеры Африки на тот момент отклонили предложение ЕС о заключении отдельных торговых соглашений[138]. В подготовке общего документа активное участие приняли президенты ЮАР, Мозамбика, Замбии, Ботсваны и Зимбабве, выразившие мнение, что предложенные ЕС экономические соглашения не содержат достаточных гарантий для защиты слабых экономик стран континента.

Тем не менее по некоторым вопросам экономической политики правительства стран региона придерживаются противоположных точек зрения. Например, в начале 2000-х годов правительства Замбии и Зимбабве резко сократили или запретили доступ на свои рынки генетически модифицированных продуктов питания из США (в основном кукурузы), считая их вредными для здоровья человека. А ЮАР не только импортировала из США такое продовольствие, но и начала развивать собственные технологии на основе применения американского опыта[139].

Что касается внешней политики национальных государств, то многие лидеры поддерживают призыв к построению нового справедливого мирового политического и экономического порядка. Государства региона, в первую очередь Южно-Африканская Республика, в последние десятилетия демонстрируют не только свою решимость, но и способность проявлять несогласие в отдельных случаях с политикой Запада, прежде всего США. По мнению российского исследователя М.Л. Вишневского, «это новое явление в американо-африканских отношениях особенно отчетливо проявилось в отношении военной акции США и Великобритании против Ирака весной 2003 г.»[140]. Намибия также не согласна с позицией США и Великобритании. Заместитель министра иностранных дел страны К. Мбуенде от имени правительства заявил в газете The Namibian, что «эта военная акция противоречит международному праву и подрывает международную законность»[141]. Президент Замбии Л. Мванава-

са отмечал (хотя и в очень осторожных выражениях), что «акция против Ирака может вызвать дестабилизацию обстановки на Ближнем и Среднем Востоке»[142]. ЮАР отстаивала свою позицию также и в вопросе введения новых санкций Совета Безопасности (СБ) ООН против Ирана.

ЮАР пытается повысить роль Африки в ООН, добиваясь получения странами континента мест постоянных членов Совета Безопасности ООН. Министр иностранных дел ЮАР Нкосазана Дламини-Зума накануне визита президента России В.В. Путина в ЮАР в сентябре 2007 г. отметила: «Чтобы голос ЮАР был услышан, необходимо партнерство, в том числе с такой державой, как Россия»[143].

Лидеры южноафриканских стран прилагают немало усилий к разрешению кризиса в Зимбабве. Весной 2008 г. ныне покойный президент Замбии Л. Мванаваса, бывший в то время председателем САДК, неоднократно заявлял, что для урегулирования возникшего в Зимбабве кризиса необходимы скоординированные усилия всех стран-членов сообщества. В подходе к разрешению зимбабвийского кризиса проявилась стойкая позиция президента ЮАР Т. Мбеки и его правительства. Они настаивали на своей приверженности провозглашенным принципам международного права, прежде всего, принципа невмешательства во внутренние дела других государств. В отношениях с Зимбабве ЮАР придерживалась тактики «тихой дипломатии», за что президент Т. Мбеки и власти страны неоднократно подвергались критике со стороны оппозиции и некоторых западных стран (в первую очередь США и Великобритании) за их поддержку режима Р. Мугабе[144]. Особо острой критика была до компромисса между президентом Мугабе и лидером оппозиции М. Тсвангираи после парламентских выборов 2008 г., который был достигнут благодаря посредническим усилиям Мбеки. В том числе звучали обвинения в экономической заинтересованности южноафриканских властей в кризисе в Зимбабве. В обнародованном осенью 2007 г. докладе правозащитной НПО под названием «Солидэрити Пис траст» (СПТ, зарегистрирована в ЮАР), возглавляемой бывшим зимбабвийским архиепископом Пиусом Нкубе, утверждалось, что «в обстановке усугубления экономического и политического кризиса в Зимбабве появились недвусмысленные свидетельства того, что этот кризис в то же время открыл новые возможности для южноафриканского бизнеса – расширения его влияния в Зимбабве»[145]. Некоторую экономическую заинтересованность деловых кругов ЮАР в зимбабвийском конфликте отрицать сложно. Тем не менее было бы неправильным отождествлять интересы крупного южноафриканского бизнеса и государства в целом.

Новый лидер ЮАР Дж. Зума в основном придерживается внешнеполитического курса прежнего руководства страны. В отношениях с Зимбабве он продолжает проводить политику «тихой дипломатии», начатую Т. Мбеки. Госсекретарь США Хиллари Клинтон, посетившая ЮАР в ходе своего 11-дневного турне по 7 странам Африки (август 2009 г.), в ходе переговоров с министром международных отношений и сотрудничества Южно-Африканской Республики Маите Нкоана-Машабане попросила оказать давление на власти соседней Зимбабве с целью продвижения там политических и экономических реформ. Однако президент Дж. Зума в беседе с Х. Клинтон еще раз заявил о позиции ЮАР в этом вопросе. В то же время Дж. Зума затронул ставшую уже традиционной для руководства ЮАР тему возможности преобразования международных институтов (прежде всего ООН), с тем, чтобы они отвечали в равной степени интересам всех государств. А 28 августа 2009 г. на 99-й Международной сельскохозяйственной выставке в Хараре Джекоб Зума призвал западные страны немедленно снять санкции против Зимбабве «в целях содействия экономическому восстановлению и развитию этой африканской страны и обеспечения продовольственной безопасности в Африке»[146]. Правящие элиты региона пытаются отстаивать свои права на независимую политику по отношению к президенту Зимбабве Р. Мугабе. Иллюстрацией может послужить их позиция в данном вопросе на Саммите ЕС–Африка в Лиссабоне, о котором говорилось выше. После заявления премьер-министра Великобритании Гордона Брауна, что он будет бойкотировать Саммит, если в нем будет участвовать Р. Мугабе (Соединенное Королевство обвиняет его в нарушении прав человека), президент Замбии Леви Мванаваса (на тот момент председатель САДК) был вынужден провести переговоры по этому поводу с премьер-министром Португалии Луишем Амаду. Твердая позиция Мванавасы, образно выраженная им в виде слогана «Нет Мугабе, нет Саммита!», нашла понимание и поддержку у португальской стороны, заявившей, что «она не допустит на Саммите проявления дискриминации»[147]. В форуме приняли участие практически все лидеры 27 стран Европейского союза и 53 государств Африканского континента, в том числе Р. Мугабе. Премьер-министр Великобритании Гордон Браун сдержал свое обещание и не приехал на Саммит.

Осенью 2002 г. правительства ЮАР, Ботсваны и Мозамбика заявили о своем несогласии с планами США по объединению и координации усилий всех оппозиционных правительству Р. Мугабе сил. Когда во время выступления на Конференции ООН по устойчивому развитию (г. Йоханнесбург, 26 августа – 4 сентября 2002 г.) государственный секретарь США К. Пауэлл начал говорить о нарушениях «прав человека» в Зимбабве, группа возмущенных делегатов просто освистала его. И только авторитет председателя заседания – министра иностранных дел ЮАР Н. Дламини-Зумы – помог ей установить порядок в зале заседания. Вскоре после президентских выборов в Зимбабве в 2002 г. Т. Мбеки

вместе с тогдашним президентом Нигерии О. Обасанджо обратился к Р. Мугабе и к лидеру оппозиции М. Тсвангираи, надеясь склонить их к компромиссу, чтобы Зимбабве не исключили из Содружества (объединение стран, входивших в Британскую империю, членство Зимбабве в нем приостановлено в марте 2002 г.). Мбеки тогда заявил: «Что бы зимбабвийцы ни делали, как бы ни голосовали, им нужно есть. Им нужна международная помощь, а ее не будет, если два лидера не станут вместе работать на благо страны»[148].

В июле 2008 г. постоянный представитель ЮАР при ООН Думисани Кумало заявил, что Африканский союз категорически выступает против введения санкций в отношении режима Зимбабве и что африканские лидеры не считают ситуацию в Зимбабве угрозой международному миру и безопасности, а санкции приведут к ухудшению ситуации в стране и негативно скажутся на соседних с ним государствах[149]. Позиция стран южноафриканского региона в вопросе о Зимбабве все же демонстрирует их определенную солидарность.

Достаточно смелую и независимую внешнюю политику проводит правительство Ботсваны. Комментируя поездку государственного секретаря США Х. Клинтон по странам континента в августе 2009 г., Ботсвана вместе с тремя другими африканскими государствами, активно поддерживавшими политику США в Африке (Либерией, Сенегалом и Руандой) обратилась к администрации США с призывом «выступать в отношениях с африканцами не с позиции патрона, а с позиции партнера»[150]. Необходимо отметить, что самостоятельность в вопросах внешней политики перечисленных выше стран в значительной мере обусловлена их относительной независимостью от донорской помощи западных государств. Менее развитым странам, например Замбии и Мозамбику, зависящим от внешней помощи, вести такую внешнюю политику значительно сложнее.

Укрепляется международный авторитет некоторых лидеров Юга Африки. Отдельные лидеры региона выступали в роли международных посредников при урегулировании региональных конфликтов, прежде всего это бывшие президенты Замбии Кеннет Каунда и Фредерик Чилуба, а также бывший президент ЮАР Т. Мбеки. Внешняя политика лидеров ЮАР и Анголы направлена на укрепление позиций стран в международном сообществе после длительного периода изоляции из-за системы апартеида в первом случае и длительной гражданской войны во втором. Авторитет Мбеки в глазах международного сообщества повысился также в процессе реформирования ООН. Он заявил о необходимости демократизации и расширения ООН и Совета Безопасности еще до начала реформирования ООН – в мае 1996 г. В современных условиях особо остро стоит проблема терроризма. Позиции ЮАР на континенте

как регионального лидера укрепились также после того, как она в числе других 44 стран-членов ООН подписала в сентябре 2005 г. разработанную по инициативе Российской Федерации Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма.

В 2007 г. председателем Комиссии ООН по устойчивому развитию избран представитель Зимбабве – министр по охране окружающей среды и туризму Фрэнсис Нхема.

Среди элит региона выделяется политическая элита ЮАР. У нее есть веские основания занимать ведущие позиции, примеры тому – относительно мирное толерантное сосуществование различных политических сил, а также активные усилия по практической реализации идей и инициатив последних лет, которые имеют всеафриканский масштаб. В то время как в подавляющем большинстве стран южноафриканского региона появляются отдельные элементы и признаки гражданского общества, которые, по выражению российского исследователя А.М. Васильева, являются органическими, имплантируемыми или имитирующими чужие образцы[151], в ЮАР гражданское общество уже реально существует.

Необходимо также отметить определенную сплоченность лидеров государств Юга Африки по некоторым вопросам, касающимся развития и безопасности региона в целом.

В государствах Юга Африки остро стоит проблема транспарентности политического процесса в целом и прозрачности бюджета, активного участия общественности в обсуждении бюджета в частности. Тем не менее некоторые политические элиты (например, ЮАР и Ботсваны) предпринимают шаги в этом направлении. Например, в начале 2000-х годов правительство ЮАР, возглавляемое Табо Мбеки, разместило необходимую информацию на Интернет-сайтах. Служба бюджетной информации Института в поддержку демократии (Budget Information Service of the Institute for Democracy) Южной Африки и Международный бюджетный проект Центра бюджетных и политических приоритетов (International Budget Project of the Centre for Budget and Policy Priorities), расположенного в Вашингтоне, подготовили доклад по данной теме. Доклад о работе в ЮАР имеет практическое значение и для других стран. Бывшие заместитель президента ЮАР Пумзиле Мламбо-Нгкука и спикер Национальной ассамблеи Балека Мбете-Кгоситсиле неоднократно подвергали критике СМИ за недостаточное внимание к участию неправительственных организаций в обсуждении бюджета страны или за формальный подход к данной проблематике.

Важным показателем эффективной деятельности правящей элиты в Африке является, в том числе, решение ею проблем, связанных со СПИДом. По данным ЮНЭЙДС (Объединенная программа ООН по

ВИЧ/СПИДу), в 2008 г. на девять стран южноафриканского региона приходилось 35% всех случаев ВИЧ-инфекции в мире[152]. В 2008 г. наибольшее количество больного СПИДом и ВИЧ-инфицированного взрослого населения было в Ботсване (30%), Свазиленде (26,1%), Лесото (23,2%) и ЮАР (18,1%). Серьезная ситуация сохранялась в Замбии, Намибии и Зимбабве, где этот показатель находился на уровне 15–15,3%. Несколько лучше обстояло дело в Мозамбике – 12,5%[153].

Жестокий характер эпидемии на Юге Африки представляет серьезную угрозу для развития и требует от правящих элит государств региона интенсификации и ускорения действий для обеспечения всеобщего доступа к профилактике, лечению, уходу и поддержке населения. СПИД непосредственно затронул представителей политической элиты, например, от этой болезни в 1986 г. умер один из сыновей президента Замбии К. Каунды (Масузио), а в 2005 г. – сын президента ЮАР Н. Манделы Макгатхо. В 2002 г. Каунда личным примером пытался убедить соотечественников добровольно проходить проверку на СПИД и обследовался в одной из частных клиник. Более того, он призвал руководство страны во главе с Л. Мванавасой поступить таким же образом, поскольку это могло послужить интересам нации, в которой более 10% населения поражены ВИЧ-инфекцией. Н. Мандела тяжело перенес утрату сына, но и в горе оставался деятельным[154]. Для борьбы со СПИДом он учредил специальный фонд под названием «Фонд 46664» (его тюремный номер). В него были переданы доходы от концерта с участием известных музыкантов в честь празднования 90-летия политика (состоялся в лондонском Гайд-Парке 27 июня 2008 г.[155]). Средства, собранные от проведенного 18 июля 2009 г. концерта в Нью-Йорке по случаю 91-летия Н. Манделы, также были переданы в этот фонд. Позиция политиков южноафриканского региона в данном вопросе находит поддержку у западных стран. Например, в упомянутом концерте с согласия супруга выступила жена президента Франции Карла Бруни, ранее обещавшая не выступать на сцене до тех пор, пока Н. Саркози находится во главе государства[156]. Исключение для этого концерта она сделала потому, что ее связывают личные дружеские отношения с юбиляром, и она принимает активное участие в деятельности по борьбе со СПИДом (ее родной брат также умер от этой болезни[157]).

В 2004 г., признавая высокий уровень заболевания СПИДом в Ботсване, президент Фестус Могае даже говорил об угрозе вымирания населения. Правящая элита страны для борьбы со СПИДом сумела мобилизовать внутренние и внешние ресурсы, затрачивая в 2007 г. на здравоохранение 5,6% ВВП. Страна является наименее коррумпированной в Африке (согласно данным «Трансперенси интернешнл» за 2010 г., в

списке из 178 стран по уровню коррупции Ботсвана была на 33 месте[158]), суммы расходуются в соответствии с целевым назначением и используются достаточно эффективно. Заслуги правительства Ботсваны в борьбе со СПИДом отмечают представители действующего в стране Фонда Билла и Мелинды Гейтс. Работая в стране с 2004 г., «они убедились в ключевой роли политических лидеров для достижения успеха в борьбе со СПИДом»[159]. Опыт Ботсваны подтверждает, что добиться положительных результатов в этом направлении можно только при условии разумной экономической политики и эффективного государственного управления.

Важность борьбы со СПИДом для развития осознает правительство Мозамбика. В феврале 2009 г. президент страны Арманду Гебуза, премьер-министр Луиза Дьогу и несколько членов кабинета министров встретились с представителями организации «Борцы за поколение, свободное от ВИЧ». В ее состав входят африканские лидеры, включая бывших президентов стран Африки, в том числе Ж. Чиссано (Мозамбик) и Фестус Могае (Ботсвана). Президент Гебуза отметил, что проблеме борьбы со СПИДом в политической повестке дня правительство страны отводит важное место[160]. Правительству Замбии во главе с Л. Мванавасой, а с 2008 г. во главе с Р. Бандой в борьбе со СПИДом также удалось добиться значительного прогресса: выросло число больных, получающих антиретровирусное лечение, расширялись программы по лечению и профилактике СПИДа. В 2009 г. в стране насчитывалось 980 тыс. больных и ВИЧ-инфицированных, умерло около 45 тыс. чел.[161] Сократилось число больных в Лесото: если в 2003 г. они составляли 35% взрослого населения, то в 2007 г. – 23,6%[162].

Иногда в борьбе со СПИДом представители правящей элиты призывают к довольно радикальным мерам. Например, в Намибии в 2000 г. министр здравоохранения Либертина Аматила убеждала правительство легализовать для этого проституцию. Правительство, парламент и религиозные лидеры сочли эту идею аморальной, а новый министр здравоохранения, занявший этот пост после назначения Аматилы вице-премьером в 2005 г., поспешил заявить, что министерство не будет возвращаться к этому вопросу[163]. А в Свазиленде, где СПИД официально объявлен национальным бедствием, с целью ограничения распространения болезни в 2001 г. король Мсвати III издал указ, запрещающий несовершеннолетним девушкам вступать в половую жизнь. Те не менее сам он нарушил этот закон, взяв в жены (11-ю по счету) девушку школьного возраста[164]. Это еще один наглядный пример несоблюдения правящими элитами законодательства. Оппозиция обвинила короля в нарушении изданного им же закона в рамках борьбы со СПИДом. А в Зимбабве с середины 2009 г. в качестве профилактики СПИДа началась реализация

правительственной программы по обрезанию молодых мужчин. К февралю 2010 г. в стране эту процедуру прошли 3 тыс. чел. Всего к 2017 г. планируется обрезать 3 млн чел. (80% молодых мужчин)[165].

Некомпетентность по некоторым вопросам отдельных политиков стран региона приводит не только к внутренним проблемам, но и часто получает международный резонанс. В ЮАР проблема борьбы со СПИДом не только оставалась довольно долгое время вне поля зрения политических лидеров страны, но и была предметом разногласий между правительством и общественными организациями[166]. Сомнения по поводу решающего значения вируса иммунодефицита человека в развитии СПИДа, высказанные президентом Т. Мбеки в 2000 г. на 13-й международной конференции по проблеме СПИДа, вызвали бурю протеста среди делегатов[167]. В 2000-е годы зарубежные СМИ неоднократно критиковали руководство ЮАР, в том числе и самого Мбеки, за недостаточное внимание к проблеме СПИДа. В 2006 г. специальный посол ООН по СПИДу в странах Африки Стивен Льюис, выступая на конференции ООН по СПИДу (г.Йоханнесбург, сентябрь 2006 г.), обвинил правительство ЮАР в распространении теорий, которые «достойны фанатиков-сектантов, а не заботливых и справедливых лидеров»[168]. Имелось в виду высказывание министра здравоохранения Манто Тшамбала-Мсиманг, что СПИД можно лечить лимонным корнем и чесноком. Позицию президента не разделяли также некоторые южноафриканские политики. Президент ЮАР в 1989–1994 гг. Фредерик де Клерк, выступая в Гарварде в ноябре 2007 г., поддержал критику КОСАТУ политики Т. Мбеки в отношении СПИДа[169].

В октябре 2006 г. была утверждена межминистерская комиссия для надзора за реализацией комплексной программы по ВИЧ/СПИДу, которая включала в себя восстановление Южно-Африканского Совета по СПИДу[170]. Главой Совета и ответственным за реализацию новой программы по борьбе со СПИДом в ЮАР Мбеки назначил Пумзиле Мламбо-Нгкуку. В мае 2007 г. после шести месяцев консультаций с правительственными структурами, общественными организациями и медицинскими учреждениями была принята новая Национальная программа борьбы с ВИЧ/СПИДом на 2007–2011 годы (НПБ). Ее главные цели – обеспечить лечением, помощью и поддержкой до 80% ВИЧ-инфицированных, а также способствовать уничтожению препятствий на пути предупреждения и лечения болезни[171]. Значительную роль в разработке НПБ сыграла заместитель министра здравоохранения Носизве Мадлала-Рутледж. Параллельно решалась проблема борьбы с сексуальным насилием. По уровню сексуального насилия ЮАР занимает одно из ведущих мест в мире: ежегодно полиция регистрирует более 54 тысяч заявлений об изнасиловании, причем около половины пострадавших являются несовершеннолетними[172]. В мае 2007 г. парламент принял новый закон о сексуальных преступлениях, находившийся на рассмотрении более 10 лет. В результате в 2008 г. число зафиксированных изнасилований снизилось на 8,8%[173].

В ноябре 2008 г. в ЮАР в Дурбане при активном участии и помощи правительства ЮАР состоялось празднование 20-годовщины Всемирного дня борьбы со СПИДом. Программные мероприятия проходили под руководством вице-президента страны Балеки Мбете и министра здравоохранения Барбары Хоган. На форуме, в котором приняли участие многие лидеры Юга Африки, поддержку и приверженность мерам правительства ЮАР в борьбе со СПИДом засвидетельствовали политические партии и неправительственные организации страны.

Непонимание важности борьбы со СПИДом продемонстрировал теперешний президент ЮАР Дж. Зума. Еще в декабре 2005 г. в ходе судебного разбирательства по обвинению его в изнасиловании ВИЧ-инфицированой женщины он (возглавлявший тогда Национальный совет по проблемам СПИДа) показал свою полную невежественность в этом вопросе, заявив, что «от СПИДа можно отмыться в ду́ше»[174]. Для организаций, прилагающих немало усилий для сокращения масштабов эпидемии, которая охватила на тот момент от 10 до 12% населения страны (при этом средняя продолжительность жизни снизилась до 51 года), это заявление видного политика произвело эффект разорвавшейся бомбы. Американский политический аналитик Марьян Л. Тупи писал, что «эпизод с душем» мог погубить политическую карьеру Зумы[175]. А в период предвыборной кампании весной 2009 г. это заявление Зумы-кандидата послужило основой для серьезных нападок на него со стороны политических оппонентов: ведь именно борьба со СПИДом объявлялась им одним из приоритетных направлений социально-экономической политики страны.

Острой проблемой в большинстве стран региона является преступность. По данным Фонда Мо Ибрагима, в 2007 г. ЮАР, вместе с Суданом и Бурунди, была самой опасной для жизни страной на континенте. Оппозиция ЮАР неоднократно критиковала правительство Т. Мбеки за неэффективность борьбы с преступностью. В 2007 г. депутат парламента от партии Демократический альянс (ДА) Диана Колер-Барнард сказала на слушаниях в парламенте, что преступность по воздействию на южноафриканцев сопоставима с преступлениями апартеида[176]. Примечательно, что во время дебатов в парламенте по данной проблеме в 2006 г. министр общественной безопасности ЮАР Чарльз Нкакула заявил, что те из южноафриканцев, кто жалуется на преступность, должны прекратить выражать недовольство и уехать из страны[177]. Оппозиция мотивировала свои требования бороться с преступностью в стране и уг-

розой падения прибыли от туризма. Профсоюзы также обвиняли власти в бездействии и заявляли о возможности срыва по этой причине проведения в ЮАР чемпионата мира по футболу в 2010 г.

Общественные организации, представители бизнеса и церкви неоднократно обвиняли правительство Т. Мбеки в отсутствии действенных мер по борьбе с высоким уровнем преступности. Новый президент Дж. Зума, придя к власти, заявил, что в течение 5 лет будет полностью реформирована система уголовного правосудия, а численность полиции будет увеличена с 180 тыс. чел. до 200 тыс. чел. Выступая перед сотрудниками министерства внутренних дел в сентябре 2009 г., он жестко заявил о недостаточном уровне борьбы полиции с преступностью, в том числе с наркоторговлей[178].

Серьезными остаются проблемы, связанные с длительным нахождением на территории стран региона армии беженцев. В начале 2000-х годов 180 тыс. мозамбикских беженцев (из 320 тыс. чел., вынужденных бежать от гражданской войны и голода) стали постоянными жителями ЮАР, 30 тыс. чел. репатриированы на родину[179]. Власти ЮАР и Замбии на протяжении 1990-х годов часто проводили депортацию незаконных мигрантов. Таким образом, правящие элиты пытаются ограничить распространение преступности и болезней в стране, а также угрозу дополнительной безработицы. О.Б. Громова отмечает, что в африканских странах «беженство усиливает процессы социальной дезинтеграции» и «в современных условиях … приобрело повышенную политическую значимость»[180].

Важным направлением национальной политики правящих элит ЮАР, Зимбабве и Намибии остается решение комплекса межрасовых проблем, в том числе улучшения экономического положения черного населения. Однако реализация таких программ проходит в этих странах разными путями и с разными результатами, как для экономики, так и для международного имиджа страны. В ЮАР, например, в 2003 г. был принят закон «О расширенном наделении экономической властью черных» (Broad-Based Black Economic Empowerment Act, 2003), предусматривавший введение расовых квот для каждого вида деятельности в экономике и управлении[181]. Страна достигла неплохих результатов в развитии экономики, особенно в финансовой сфере, хотя и расплатилась за это высоким уровнем безработицы и проблемами в армии и системе высшего образования[182]. Одним из негативных последствий процесса африканизации государственных институтов стала, как уже отмечалось выше, эмиграция белых специалистов, прежде всего молодых, которой власти не препятствовали. Один из черных южноафриканских дипломатов по этому поводу высказался следующим образом: «Чем больше их уедет, тем лучше»[183].

Процесс африканизации властных структур все же не носил крайние формы. В 1999 г. парламентским советником президента Т. Мбеки была назначена африканерка Сьюзен ван дер Мерве (в правительстве президента Дж. Зумы она занимает пост заместителя министра иностранных дел). Этот пример, а также то, что ближайший помощник Т. Мбеки, министр по делам президента Эссоп Пахад – индиец по происхождению, давали конкретный ответ тогдашним политическим оппонентам Т. Мбеки, утверждавшим, что положение о приоритете Африки президент на практике осуществляет путем назначения на посты ключевых функционеров и советников африканцев[184]. Были белые и в правительстве президента К. Мотланте. Так, в 2008 г. пост министра здравоохранения занимала Барбара Хоган.

В ЮАР за годы демократического развития достигнуты большие успехи в деле построения нерасового государства. Однако в конце 1990-х годов правящая элита в своей внутренней политике несколько отошла от курса, провозглашенного правительством Н. Манделы. Участились обвинения белых в расизме, в том числе некоторых белых представителей руководства АНК и компартии ЮАР. Как отмечают А.Б. Давидсон и И.И. Филатова, после 1997 г. «обвинения в расизме стали непременным элементом в производственных конфликтах любого уровня в любой организации»[185]. Некоторые обвинения белых в расизме не были беспочвенными. Например, в 1998 г. администрация Университета Ранд Африкаанс определила на территории университета места, где не могли появляться черные студенты «из-за несовместимости их культуры и культуры африканеров»[186].

А в Зимбабве «выравнивание» расового баланса в обществе после проведения в начале 2000-х годов земельной реформы привело к экспроприации белых владельцев, которая сопровождалась физическим насилием по отношению к ним. Политика зимбабвийских властей привела к острейшему кризису и экономическим санкциям Запада. Р. Мугабе видит причину возникших трудностей в действиях прежде всего Великобритании. Выступая в 2002 г. на ежегодной конференции правящей партии ЗАНУ-ПФ, он заявил: «Чем активнее они [Великобритания и ее союзники] действуют против нас, тем хуже мы будем относиться к их друзьям, знакомым и родне здесь»[187]. Мугабе осуждает Англию и ее союзников (Австралию, Новую Зеландию и Германию) за введенные экономические санкции и за их вмешательство во внутренние дела Зимбабве. В августе 2009 г. на похоронах бессменного на протяжении нескольких десятилетий вице-президента Зимбабве Джозефа Мсики Мугабе заявил, что эти страны, не признавая работу нового коалиционного правительства, «лишь создают проблемы для зимбабвийцев»[188].

По аналогии с ЮАР правительство Намибии также принимает меры по расширению экономического влияния черных. Именно им отводится главная роль в принятой в 2004 г. программе развития страны Vision 2030, о которой речь шла выше.

Упреки в расизме иногда используются видными политиками стран региона в борьбе с политическими оппонентами. Бывший президент ЮАР Т. Мбеки многочисленные обвинения своих внешних критиков в автократическом стиле руководства АНК и страной называл проявлением расизма. Он заявлял, что подобная критика вызвана именно недовольством правления черных в ЮАР. Иногда африканские политики умело манипулируют обвинениями в расизме, отводя тем самым внимание общественности от своей вины в серьезных проступках и преступлениях. Образное выражение лондонского судьи Питера Смита в 2007 г. в ходе заседания по делу обвиняемого в коррупции Ф. Чилубы, что его костюмы от известных дизайнерских фирм приобретены им на деньги из общественных фондов, политик публично назвал проявлением расизма[189].

Решение некоторых проблем правительствами государств южноафриканского региона выходит далеко за рамки национальной политики. Прежде всего, это касается проблемы заботы об окружающей среде. Для самих этих стран она жизненно важна в прямом смысле, так как экологический кризис усугубляет негативные тенденции их социально-экономического развития. И.В. Герасимчук, исследуя экологическую ситуацию на Юге Африки, пришла к выводу, что в этом отношении «…данный регион является одним из наиболее неустойчивых в мире, и концепция устойчивого развития – в случае ее работоспособности, которая пока не опровергнута, – должна особенно активно применяться именно здесь»[190]. Решение экологических проблем правительствами стран Юга Африки приобретает не только национальный, но и международный масштаб. Правящие элиты некоторых стран не только осознали это, но и предпринимают конкретные шаги в этом направлении. Так, Намибия стала первым в мире государством, закрепившим на конституционном уровне принцип «устойчивого развития», и успешно выполняет эту задачу[191]. Однако, как отмечает А.М. Васильев, иногда задача решения экологических проблем «вступает в противоречие с мерами по развитию…»[192]. Например, индустриальный гигант региона ЮАР производит около 50% всей электроэнергии Африки, получаемой за счет сжигания на ТЭС каменного угля[193]. В результате страна занимает 11-е место в мире по выбросам парниковых газов. Правительство ЮАР предпринимает попытки развития энергетики за счет альтернативных источников топлива, прежде всего атомной энергии[194]. О понимании правящей элитой страны актуальности экологических проблем свидетельствует помощь властей в проведении очередной Конференции ООН по окружающей среде и развитию, которая состоялась в Йоханнесбурге в августе 2002 г.

В 2000-е годы страны Юга Африки сделали существенные успехи в утверждении методов так называемого «надлежащего правления» (good governance), являющегося одним из параметров концепции устойчивого развития. ЮАР приняла активное участие в создании в 2002 г. Африканского механизма взаимного контроля (АПРМ – African Peer Review Mechanism), позволяющего оценивать политические, экономические и корпоративные стандарты правления. К 2007 г. ЮАР завершила мониторинг и представила доклад на эту тему. Наряду с признанием роли так называемого «good governance» и демократии, в нем указывалась необходимость эффективного использования африканской специфики, в первую очередь местные традиции коллективизма и особенности африканского менталитета. В 2009 г. Замбия была включена в число 6 стран, где будет осуществляться новая программа под названием «Подкрепляя требования граждан об эффективном управлении путем практики конструктивных подходов», разработанная Британским Институтом развития заморских территорий[195].

Африканский опыт подтверждает особое значение укрепления политической демократии как необходимого условия становления гражданского общества. Практика показывает, что правящие политические элиты в большинстве государств южноафриканского региона не готовы к поддержке становления гражданского общества; более того, зачастую вообще не заинтересованы в нем, фактически полностью концентрируясь на борьбе за власть или на ее сохранении и укреплении[196]. Поддержка элитами тех или иных общественных организаций носит эпизодический характер, связана с возможностью использования социальной энергии активной части общества для достижения электорального успеха и компрометации политических противников. В ЮАР, как отмечает В.Г. Шубин, гражданское общество уже реально существует, влияя на политику страны[197], некоторые его элементы есть в Мозамбике, Намибии и Зимбабве. Попытки способствовать формированию гражданского общества в Замбии предпринимал президент Леви Мванаваса. Выступая в 2003 г. перед депутатами парламента, он заявил, что «намерен тесно сотрудничать с оппозиционными партиями, общественными организациями, церковью, всеми гражданами, кто заинтересован в прогрессе Замбии»[198].

В Намибии сформировалась избираемая, ограниченная и подотчетная исполнительная власть. Существуют также механизмы для усиления этической составляющей власти: запрет на крупные доходы у министров и минимизация конфликта интересов между ними, независи-

мость омбудсмена, сотрудничающего с парламентом. По мнению преподавателя политологии из университета Ботсваны Кеннета Гуда, в Намибии «зарождается гражданская демократия, основанная на широких конституционных социально-экономических правах, при которой отдельные лица и группы способны бросить вызов правящей элите, склонной проворачивать свои дела молча и тайком»[199].

В некоторых случаях правящие политические элиты идут на сотрудничество с НПО. Например, они выражают понимание важности проблемы, касающейся улучшения условий жизни людей с ограниченными физическими возможностями, в том числе пострадавших от мин. Яркое тому свидетельство – развертывание в начале 2000-х годов региональной инициативы, направленной на решение этой проблемы. Правительства ЮАР, Замбии, Намибии, Анголы, Мозамбика, Зимбабве и Малави совместно с НПО (Южно-Африканской федерацией инвалидов /SAFOD/, Национальным советом инвалидов Зимбабве /NCDPZ/, Национальной федерацией инвалидов Намибии /NFDPN/,Замбийской Федерацией инвалидов и Организацией инвалидов Малави /FEDOMA/) осуществляют программу сбора данных об условиях жизни инвалидов в странах региона. Результаты опросов и исследований, проведенных в 2001–2006 гг., показали неизменно низкий уровень этих показателей в Зимбабве, Намибии и Малави[200].

Проблемы взаимодействия властей и оппозиции

Политический климат в обществе во многом зависит от конструктивности диалога между правящей и оппозиционной элитами. Анализ взаимоотношений между ними помогает понять механизмы управления обществом и расстановки сил на всех уровнях пирамиды власти, а также наметить перспективы развития общества. По выражению Ю.Н. Винокурова, «изучение борьбы “вечных дуэлянтов” – властвующих и оппозиционных группировок – позволяет заглянуть в будущее, в какой-то мере прогнозировать развитие событий»[201]. Для властных элит стран южноафриканского региона, как и континента в целом, характерно частичное сохранение авторитарных методов политической борьбы – стремление подавить политических оппонентов, ограничить свободу прессы и пр. Далеко не все лидеры рассматривают оппозицию в качестве важного элемента политической системы. Они еще далеки от осознания необходимости сотрудничества с оппозицией в рамках конкуренции на демократической основе. В ходе реализации внутренней политики и в борьбе с оппозицией правящие элиты широко используют административный ресурс (возможности, связанные с занимаемым служебным положением). Во время предвыборной гонки это часто становится объектом острой критики властей со стороны оппозиции. Так, на выборах в ЮАР в 2004 г. АНК неоднократно подвергался таким обвинениям со стороны партии Демократический альянс (ДА), считающей, например, незаконным актом трансляцию Южно-Африканской телерадиовещательной корпорацией САБК начала предвыборной кампании АНК. В Анголе схожая критика оппозиции звучала в адрес МПЛА накануне парламентских выборов в сентябре 2008 г.

В демократическом обществе власть объективно и неизбежно сталкивается с необходимостью использования потенциала оппозиции. Диапазон взаимодействия властей и оппозиции включает как нейтралитет, диалог, консультации и прагматическое сотрудничество, так и жесткую критику противника, его вытеснение из политики при помощи дискредитации в СМИ, а также попытки прямого подавления. В государствах Юга Африки на протяжении последних двух десятилетий правящие элиты в той или иной степени использовали разнообразные формы отношений с оппозиционными элитами. Отличия состоят только в готовности некоторых правящих элит к применению крайних, в том числе физических, мер к политическим оппонентам.

Некоторые лидеры стран сразу после своего прихода к власти пытаются наладить с оппозицией конструктивные отношения. Так поступил замбийский президент Л. Мванаваса, включив в 2001 г. представителей оппозиционных партий в состав правительства. Он также предпринимал активные усилия по поиску компромисса с оппозицией в сложной политической ситуации, возникшей в Замбии в 2003 г.: скандалы, связанные с проведением повторных парламентских выборов в некоторых избирательных округах, а также с решением парламента лишить бывшего президента Ф. Чилубу иммунитета, чтобы привлечь его к допросу по обвинению в причастности к разворовыванию государственных средств. Ситуация усугублялась также тем, что в стране началось обсуждение новой конституции. Выступая на открытии сессии парламента в январе 2003 г., Мванаваса заявил: «Я протягиваю оливковую ветвь всем серьезным политическим партиям в стране, чтобы начать процесс совместной работы по всем национальным вопросам»[202]. Нынешний президент Р. Банда, придя к власти, также призывал оппозицию к диалогу: «Замбийцы должны принять меры к примирению, единству и диалогу»[203]. Он продолжил практику Л. Мванавасы по введению в состав правительства представителей оппозиционных партий: например, в мае 2010 г. министром внутренних дел был назначен депутат парламента от партии ЮНИП М. Лунгу, а в декабре того же года член партии ПФ Б. Чимбаку стал министром провинции Луапула. Представители оппозиции включаются также в состав делегаций на международных фору-

мах. Так, в состав делегации Замбии на 12-м саммите Африканского союза (Аддис-Абеба, 1–3 февраля 2009 г.) была включена, несмотря на ее критические высказывания в адрес Банды, лидер оппозиционной партии ФДР Эдит Навакви.

Попытки наладить прагматическое сотрудничество с оппозицией предпринимали в разное время и с разными результатами также президенты Т. Мбеки и К. Мотланте (ЮАР), Ж. Чиссано и А. Гебуза (Мозамбик), Х. Похамба (Намибия) и Я. Кхама (Ботсвана).

Однако во взаимоотношениях правящих и оппозиционных элит на Юге Африки пока превалирует состояние напряженности, переходящее часто в открытые конфликты разной степени. Если рассматривать взаимоотношения правящей и оппозиционной элиты с точки зрения политического конфликта социальных групп, которыми они являются, то насилие правящей элиты – деструктивная форма конфликта между ними. Этот конфликт одновременно является и государственно-правовым, так как «правящая политическая элита представляет государственно-правовую систему, а оппозиционная элита стремится эту систему изменить»[204]. Поэтому существование конфликта в этих условиях неминуемо. Более того, в определенном смысле государственная власть, опирающаяся на право и ограниченная правом, является насилием. Государство применяет «структурное насилие», которое включает социальное и индивидуальное насилие, являющееся результатом действий несправедливых, репрессивных и деспотических социополитических структур[205].

Методы борьбы с оппозицией. Обвинение в антиправительственном заговоре – излюбленный, и, как показывает практика многих стран региона, весьма эффективный метод устранения политических соперников. Властью используются также другие методы для того, чтобы не допустить влиятельных лидеров оппозиции к участию в выборах, прежде всего президентских. Например, в Замбии в 2005 г. лидера оппозиционной партии Патриотический фронт Майкла Сату, после выдвижения его кандидатуры на президентский пост, арестовали и предъявили обвинения в фальсификации сведений в имущественной декларации. В Зимбабве накануне президентских выборов 2002 г. был арестован по обвинению в подготовке покушения на Р. Мугабе лидер ДДП Морган Тсвангираи, выдвинутый оппозицией единым кандидатом на пост главы государства. А в Намибии в мае 2004 г. президент Сэм Нуйома уволил главу внешнеполитического ведомства страны Хидипо Хамутенью, кандидатуру которого планировалось выдвинуть от правящей партии на пост президента,[206] выборы которого состоялись в ноябре того же года. Х. Хамутенью все-таки участвовал в президентских выборах в ноябре 2009 г. и получил 10,91% голосов избирателей – самое большое количество набранных голосов из 11 кандидатов, не считая Х. Похамбу (75,25%)[207].

Для нейтрализации влияния оппозиции, особенно накануне предвыборных кампаний, правящие элиты активно используют административный ресурс. Так в Зимбабве перед парламентскими выборами 1995 г. был принят закон, обеспечивавший финансовую поддержку только тем партиям, которые имели в парламенте не менее 15 мест[208], а таких, кроме правящей ЗАНУ-ПФ, просто не было. А перед президентскими выборами 2002 г. председатель Центризберкома Тобайва Мудеде распорядился о том, чтобы кандидаты отказались от двойного гражданства. М. Тсвангираи выступил против этой меры, затрагивающей сторонников ДДП, и требовал судебного разбирательства по поводу этого распоряжения. Но после выборов у него был конфискован паспорт и выезд за рубеж был для него закрыт[209]. Обращаться к общественности партии ДДП стало сложнее также из-за ареста и гибели в тюрьме в 2002 г. советника по прессе партии Тсвангираи Лернмора Джонгве. А в Замбии в 2008 г. у лидера оппозиции Майкла Саты временно отобрали паспорт после его возвращения из США, где он читал лекции и якобы критиковал власти за инвестиционную политику Китая в стране[210].

Ослабляет эффективность действий оппозиции и запрет властей на проведение различного рода митингов, собраний, демонстраций и акций протеста. «Непослушание» оппозиции приводит к применению властями насилия. По данным международных правозащитных организаций, в 2007 г. в Зимбабве ситуация в области прав человека продолжала ухудшаться: росло организованное насилие, применялись пытки, ограничивалась свобода слова, объединений и собраний[211]. А в ходе противостояния после парламентских выборов весной 2008 г. полицейские в Зимбабве при разгоне демонстрантов применяли не только дубинки, но и травлю их собаками, а также использовали слезоточивый газ и водометы. Такое право у них было, так как в апреле в Хараре было запрещено проведение политических митингов. Одним из методов борьбы с оппозицией, простым и эффективным, но крайне недемократичным является наложение запрета на создание и деятельность политических партий. Ярким примером такой тактики правящей элиты является Свазиленд. Деятельность политических организаций там была официально запрещена указом короля еще в 1973 г. Более того, принятая в 2006 г. новая конституция страны не оговаривает вопрос о легализации запрещенных в 1973 г. политических партий. Иногда власти, пытаясь нейтрализовать оппозицию, вообще объявляют ее организации террористическими. В Свазиленде в ноябре 2008 г. ими были объявлены четыре организации – Народное объединенное демократическое движение (НОДД или PUDEMO), Конгресс молодежи

Свазиленда, Сеть солидарности Свазиленда и Народная армия освобождения Свазиленда[212].

Протесты оппозиции против политической дискриминации власти подавляют последовательно и беспощадно. Например, в апреле 2007 г. полиция с применением силы рассеяла сторонников оппозиционной партии НОДД, участвовавших в демонстрации в годовщину принятия в 1973 г. декрета о запрете политических партий[213]. Позже был снова арестован лидер этой партии Марио Масуку за антиправительственные высказывания на похоронах другого оппозиционера – Муссы Дламини[214].

К лидерам оппозиционных партий часто применяют более суровые методы, чем к бывшим президентам, пытающимся вернуться во власть. В Зимбабве из-за бойкота оппозицией парламентских выборов 1995 г. в Национальную ассамблею прошла только одна оппозиционная партия ЗАНУ-Ндонга, получившая там 2 места. Но почти сразу после выборов лидер этой партии епископ Ндабининги Ситоле был арестован и приговорен к 2-летнему тюремному заключению за подготовку покушения на президента Мугабе[215]. Испытанный метод обвинений представителей оппозиции в покушении на главу государства Р. Мугабе применял для борьбы с ней еще не раз. Объектом подобных обвинений несколько раз становился нынешний премьер-министр Морган Тсвангираи. Хотя в какой-то мере обвинения Тсвангираи в покушении на Мугабе имели основания, так как на суде против него выступил бывший израильский спецназовец А.Б. Менаше, а сам он публично признал, что «искал контактов с ЦРУ с целью отстранения Мугабе от власти»[216]. Кроме него в 2002 г. в заговоре с целью убийства Мугабе были обвинены У. Нкубе и парламентарий Ренсон Гансела[217].

Строго пресекаются не только участие в подготовке государственных заговоров, но и призывы к нему. В Свазиленде публичный призыв к ликвидации монархического строя в стране наказывается тюремным заключением на срок до 20 лет. (Именно такой срок в 2007 г. получил за это деяние Марио Масуку.) В Замбии в июле 2005 г. был арестован лидер оппозиции Майкл Сата, которого за поддержку бастующих шахтеров обвинили в шпионаже и подстрекательстве к мятежу. Министр добывающей промышленности публично назвал его террористом, стремящимся к свержению законной власти в стране. Президент Л. Мванавваса даже уволил главу департамента полиции Зунга Сьякалиму за отказ арестовать Майкла Сату.

Иногда поводом для ареста становятся довольно мелкие, а порой и абсурдные причины. После перипетий, связанных с выборами 2008 г., участилось уголовное преследование членов партии М. Тсвангираи Движение за демократические перемены. Они продолжились и в 2009 г.: были арестованы заместитель министра по делам молодежи

Тамсанка Малангу, депутат парламента (поводом послужили обвинения его якобы в краже мобильного телефона[218]) и член ДДП Стюарт Гаради (слушал по радио в автомобиле песню, текст которой, по мнению полиции, оскорблял президента Мугабе сравнением с С. Хусейном.

Применение физического насилия. Насилие в переходных обществах, согласно цивилизационной парадигме, разработанной известным американским политологом Самуэлем Хантингтоном, связано с процессом модернизации. Хантингтон считал, что причиной насилия в развивающихся странах, в том числе в Африке, служит разрыв между развитием жизнеспособных политических институтов и процессами социальных и экономических изменений[219]. Местные традиции, сложившиеся на протяжении веков, в процессе демократизации неминуемо сталкиваются с иными представлениями об отношениях между государством и гражданами, значимости свободы и принуждения и т.д.

Конфликтологи утверждают, что большинству современных деструктивных конфликтов присущи насильственные формы, а в политике «критерий “насильственные/ненасильственные” особо важен, поскольку сила, включая военную, входит в число главных политических ресурсов и соблазн ее использования очень велик»[220]. Данный подход не оправдывает применения физического насилия, но помогает понять, почему в некоторых странах Юга Африки правящие элиты не останавливаются перед применением прямого физического насилия по отношению к оппозиции.

Пальма первенства в этой сфере в регионе принадлежит Зимбабве. С начала 2000-х годов применение насильственных методов в борьбе с оппозицией, прежде всего с партией Движение за демократические перемены (ДДП), Морганом Тсвангираи и его сторонниками, для режима Мугабе стало практически нормой. Парламентская избирательная кампания 2000 г. стоила жизни агитировавшей за М. Тсвангираи Тичаоне Чименайе и ее помощнику Таланту Мабике, убитым в родном округе Тсвангираи Бухере. В мае 2000 г. был убит один из лидеров партии Алан Данн. При этом, как пишет южноафриканский исследователь и автор биографии Моргана Тсвангираи Сара Хадлестон, некоторые министры и парламентарии насилие оправдывали[221]. Комментируя происходящие в стране события, один из членов ДДП Д. Колтарт утверждал, что «происходящее – не хаос, а организованное государством насилие»[222].

Насилие продолжилось и в период президентских выборов в 2002 г. В феврале 2002 г. его жертвами стали три парламентария от ДДП – Абеднико Бхебхе, Петер Нуони и Джоэл Габуса, которых похитили и в течение двух дней подвергали пыткам. Позже аресту подверглись еще 37 партийных функционеров[223]. После массовой общенациональной ак-

ции протеста в марте 2003 г. был арестован заместитель председателя ДДП Г. Сибанда. А содержавшийся несколько недель за решеткой член партии Остин Мпандавана скончался от полученных увечий в августе[224]. По утверждению С. Хадлестон, вновь арестованный по обвинению в измене (за организацию новой массовой акции в июне 2003 г.), Тсвангираи, проведя полмесяца в тесной камере с 75 заключенными, записал их имена на туалетной бумаге и после освобождения организовал вместе со своим адвокатом Инносентом Чагондой выход многих из них под залог[225]. Кстати, Тсвангираи часто пытался помочь соратникам выйти на свободу. Буквально в первый день своего пребывания на посту премьер-министра весной 2009 г. он посетил в тюрьме заключенных оппозиционеров[226] и добился перевода из тюрьмы в больницу троих из тридцати трех активистов оппозиции, арестованных в 2008 г.[227]

По утверждению С. Хадлестон, перечислить все акты насилия над оппозицией с начала политического кризиса в Зимбабве, а тем более упомянуть всех пострадавших довольно сложно. На жизнь самого лидера ДДП были совершены 4 покушения, особенно серьезным было покушение в 1997 г., когда неизвестные ворвались к нему в кабинет и пытались выбросить его из окна десятого этажа. Стоит также напомнить, что 6 марта 2009 г., всего лишь через месяц после вступления в должность премьер-министра Зимбабве, М. Тсвангираи, направляясь с женой Сьюзан на выходные из Хараре в свой родной район Бухера, попал в автокатастрофу. В результате его супруга погибла, а сам он получил травмы. М.Тсвангираи сначала назвал это происшествие очередным покушением на свою жизнь,[228] хотя потом высказывался осторожнее[229]. После аварии противники Мугабе снова заговорили о так называемом «деле Тонгогары» (гибель в автомобильной катастрофе командира партизанских соединений повстанцев Джосайя Магама Тонгогары и попытки обвинить в этом Мугабе). В прессе даже муссировалась информация о том, что в 2001 г. Мугабе якобы обращался за помощью к психиатрам и колдунам, так как призрак Тонгогары на протяжении шести месяцев появлялся в президентском дворце[230].

Мугабе не пытается скрыть свою радикальную позицию в вопросе применения насилия против оппозиции. Например, в июне 2008 г. на встрече с ветеранами борьбы за независимость в ответ на высказанную ими готовность в случае необходимости вновь взяться за оружие, он призвал их «охранять страну ревностно»[231].

Применяется физическое насилие и в Замбии. В полной мере бывший президент Замбии Ф. Чилуба показал свое отношение к оппозиции, в частности к самому К. Каунде, после неудачной попытки государственного переворота 28 октября 1997 г. Переворотом эту акцию можно назвать только с большой натяжкой – группа низших армейских чинов

во главе с капитаном Соло захватила здание радиостанции и удерживала его всего несколько часов. По подозрению в причастности к организации государственного переворота было арестовано 90 человек[232]. По обвинению в финансировании этой акции был арестован и К. Каунда. Благодаря поддержке ЮНИП и мировой общественности, он все же был освобожден через полгода, а суд над остальными арестованными длился почти два года и завершился вынесением смертного приговора 59 из них. Такое жесткое решение суда ясно показало непримиримую позицию правительства Ф. Чилубы к своим политическим противникам. В Намибии в 2004 г. начался и продолжался несколько лет процесс по делу о государственной измене в районе Каприви. Большинство из 117 обвиняемых в причастности к сепаратистским выступлениям в этом районе в 1999 г. содержалось под стражей до конца 2007 г.[233]

Насилие властей часто не только не приводит к «усмирению» оппозиции, а наоборот – заставляет ее действовать теми же способами и оправдывает ее в глазах общественности. Особенно четко это прослеживалось в действиях оппозиции Зимбабве, прежде всего партии ДДП М. Тсвангираи и в Мозамбике в начале 2000-х годов.

Возможность существования (а иногда и оправдание) насилия в политической борьбе в странах региона связана в первую очередь с недавним их прошлым, отмеченным как вооруженной борьбой за независимость, так и гражданскими войнами. Прежде всего, это касается ЮАР, Анголы и Мозамбика. Поэтому особенно в этих странах остро стоит проблема национального примирения, от которого во многом зависит дальнейшее демократическое развитие общества. Серьезные шаги в этом направлении предпринимают элиты ЮАР, где в 1995 г. была создана специальная Комиссия истины и примирения (КИП, первая из таких комиссий в Африке, предоставляет амнистию тем, кто открыто признается в совершении преступлений политического характера). Ее создание является примером ответственного и новаторского подхода правящей политической элиты, пытающейся решить эту острую и болезненную проблему общества. Более того, признание своей вины и раскаяние некоторых видных политиков, находящихся в высших эшелонах власти, показало высокий уровень самосознания правящей элиты и ответственность перед обществом. Первым из таких лидером АНК и членом правительства стал министр обороны Д. Модисе, публично признавший свою вину за акты насилия в ходе борьбы против апартеида[234].

Под влиянием оппозиции и международного сообщества иногда власти все же идут на уступки и освобождают некоторых репрессированных. Так, в Зимбабве в марте 2009 г. под нажимом в правительстве членов ДДП начался постепенный процесс освобождения из тюрем арестованных представителей оппозиции. Их выпустили под залог имущества

после уплаты штрафа. Некоторые освобожденные даже перешли из ранга осужденного в ранг члена правительства: например, бывший белый фермер, один из лидеров ДДП, Рой Беннетт в правительстве национального единства стал (по иронии судьбы) заместителем министра сельского хозяйства[235].

Рассматривая тему насилия власти, необходимо затронуть еще один важный момент: для позиционирования правящих элит в политическом поле важным представляется их отношение к смертной казни. На Западе (кроме США и Японии) отношение правящих элит к смертной казни, то есть ее состоявшаяся отмена, свидетельствует о смелости элит и их уверенности в своей легитимности, позволяющей идти наперекор мнению большинства общества в таком жизненном, в прямом смысле слова, вопросе. На Юге Африки смертная казнь отменена в ЮАР, Анголе, Намибии и Мозамбике. В 1995 г. в ЮАР смертная казнь была объявлена неконституционной[236]. Тем не менее эта проблема оставалась нерешенной на протяжении почти десяти лет. Лишь к июлю 2007 г. органы юстиции завершили процесс замены остававшихся 62 смертных приговоров другими мерами наказания. Таким образом, смертная казнь в стране была полностью отменена. В Анголе и Мозамбике, где еще живы воспоминания о недавних военных конфликтах, отмену смертной казни можно трактовать как попытку правящих элит предотвратить возможность новых гражданских войн. Ведь в кризисной ситуации всегда можно ожидать использование смертной казни как способа «усмирения» оппозиции. Но кто знает, не окажется ли вскоре «казнящая» ныне власть на месте теперешней оппозиции? Нельзя также сбрасывать со счетов желание правящих элит названных стран соответствовать западным стандартам для получения внешней помощи.

В Зимбабве, Замбии, Свазиленде смертная казнь сохраняется,[237] но в Зимбабве на практике она не применялась с 2007 г., в Замбии в период правления президента Л. Мванавасы (2001–2008 гг.) смертные приговоры в исполнение также не приводились, хотя в камерах смертников содержались 200 человек. В Свазиленде, несмотря на то что конституция 2006 г. не отменяет смертную казнь, ни один смертный приговор не был приведен в исполнение с июля 1983 г. В декабре 2008 г. Свазиленд проголосовал против резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о введении всемирного моратория на смертную казнь, тем не менее новые смертные приговоры в стране не выносились[238].

А в Ботсване смертная казнь сохраняется[239] и приговоры приводятся в исполнение. В 2001 г. к смертной казни была приговорена и повешена проживавшая в стране белая южноафриканка Мэриэт Бош, обвиненная в убийстве подруги с целью выйти замуж за ее мужа[240]. Несмотря на обращения некоторых международных организаций, президент отказался

помиловать гражданку ЮАР. Со времени получения в 1966 г. независимости это было первое применение смертной казни к белому человеку. В 2008 г. была также проведена казнь осужденного через повешение[241]. Такое положение вещей в этой стране, возможно, свидетельствует об уверенности правящей элиты в своих позициях и является показателем ее решимости сохранять порядок всеми законными способами.

Необходимо отметить, что наряду с большим количеством негативных моментов, присущих отношению правящей элиты к оппозиционной элите, есть и весьма положительные примеры поиска сотрудничества между ними. Президент Мозамбика Ж.Чиссано проявил себя как гибкий и мудрый политик в вопросах взаимодействия с оппозицией, признавшей легитимность его власти. Во многом благодаря его выдержке и умению идти на компромисс в 1995–1996 гг. удалось разоружить оставшиеся отряды оппозиционного МНС и стабилизировать внутриполитическую обстановку в стране. Он был вновь избран главой государства на очередных президентских выборах, состоявшихся 3–5 декабря 1999 г., получив 52,2% голосов избирателей[242]. Оппозиция, возглавляемая проигравшим на выборах председателем МНС А. Длакамой, осталась недовольна результатами всеобщих выборов и обвинила правящую партию в их фальсификации. Она прибегла к открытым угрозам и объявила о намерении создать параллельное правительство, если не будет организован независимый пересчет голосов избирателей. Помимо столицы, волнения охватили также северные и центральные провинции страны. В результате длительных консультаций и переговоров в 2001 г. Чиссано все же сумел достигнуть соглашения о сотрудничестве с оппозицией, заявлявшей о намерении вновь начать партизанскую войну[243].

В Ботсване острая внутриполитическая борьба не привела ни к запрещению деятельности оппозиционных политических партий, ни к закрытию печатных изданий. В южноафриканском регионе Ботсвана является единственным государством, в котором в течение всего периода независимого развития соблюдаются установленные конституцией страны демократические нормы и парламентская система.

Правящие политические элиты и социальные низы

Во взаимоотношениях правящих элит с обществом большое место занимает линия взаимодействия с ним как с электоратом. На Юге Африки большую часть электората составляют социальные низы. Одной из главных задач государства и всего общества является противодействие росту их численности. Однако осуществить это сложно, так как для этого требуется твердое понимание в обществе важности данной проблемы, а также подчинение правящей элиты интересам общества. В афри-

канских странах этот процесс крайне затруднен как серьезными экономическими препятствиями развитию, так и характером властных структур. Отношение политических элит к обществу часто строится по схеме, в которой понятие «граждане» подменяется понятиями «жители», «население», «массы». В африканских реалиях сложно требовать от человека, живущего на менее чем один доллар в день, социальной активности в европейском понимании. Но упрощать его значение как социально-политической единицы вследствие такого положения дел очень опасно, о чем в свое время предупреждал испанский писатель и философ Хосе Ортега-и-Гассет[244].

Серьезной проблемой для стран Юга Африки являются периодически возникающие продовольственные кризисы. По оценкам ООН, в 2005 г. в странах региона (Замбия, Зимбабве, Лесото, Малави, Мозамбик и Свазиленд) голодали около 12 млн чел.[245] Наибольшее число голодающих было в Малави, Зимбабве (ок. 4 млн чел.) и Замбии (ок. 1 млн чел.). Осенью того же года правительства Малави и Замбии были вынуждены официально объявить о продовольственной катастрофе. В 2007 г. 40% населения Свазиленда нуждались в продовольственной помощи[246]. В 2008 г. на грани гуманитарной катастрофы оказалась также Зимбабве. В январе 2011 г. в Лесото в результате сильного наводнения погибло около 60% урожая[247]. Подобная угроза нависла в этот период и над другими странами региона.

Остро стоит проблема бедности. Некоторые страны региона, например Замбия и Мозамбик, получают финансовую помощь МВФ по программе HIPC (Heavily Indebted Poor Countries), предоставляемую беднейшим странам с высокой внешней задолженностью. Борьба с голодом и снижение уровня бедности остается также одной из приоритетных задач правительств других стран региона, о чем упоминалось выше.

Одним из следствий крайней нищеты и безысходности становятся стихийные поселения, малопригодные для жилья. В местах незапланированных поселений в некоторых странах региона часто отсутствуют самые элементарные условия для нормального проживания, и такие районы являются благодатной почвой для преступности. Однако непродуманность политики правительства при решении данной проблемы приводит иногда к негативным результатам. В июле 2005 г. ООН потребовала от правительства Зимбабве немедленного прекращения антигуманной кампании по ликвидации трущоб[248]. Неподготовленная кампания по реорганизации жилищного строительства в результате лишила большое количество граждан жилья и медицинского обслуживания. Власти после длительного игнорирования требований ООН все же были вынуждены согласиться на временное прекращение этой кампании.

Отсутствие работы, жилья и криминогенность обстановки в среде обитания маргиналов (ряды которых быстро пополняются за счет многочисленных беженцев и нелегальных иммигрантов), отсутствие юридической защищенности, естественно, являются основными причинами того, что именно представители социальных низов составляют подавляющее большинство «обитателей» (часто постоянных) тюрем в ЮАР, Замбии, Зимбабве, Свазиленде. Социальные низы мало защищены не только в экономическом, но и в правовом поле. Отмечается пристрастное отношение судебных органов в случае слушания дел малоимущих граждан. По заявлениям международной правозащитной организации Amnesty International, после окончания всеобщих выборов в ЮАР в 2004 г. муниципальный суд г.Леназии довольно враждебно вел себя по отношению к 51 сторонника организации «Движение безземельных людей», которых обвинили в нарушении закона о выборах[249]. В ноябре 2005 г. председатель муниципального суда г.Претории снял обвинения с полицейского по делу о предполагаемых пытках двух активистов вышеназванной организации. Зачитывая оправдательный приговор, судья назвал эту организацию «не уважающей» государство, а самих истцов обвинил в том, что, подавая иск против полицейского, они пытались «подорвать авторитет государства»[250].

В Анголе и Мозамбике остро стоит проблема интегрирования в мирную жизнь детей-участников войн и конфликтов. В феврале 2007 г. министры из этих стран в числе представителей других африканских государств искали пути решения данной проблемы в ходе работы международной конференции, посвященной путям борьбы с привлечением детей к участию в боевых действиях, которая прошла в Париже под эгидой Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) и правительства Франции. Африканские политики выразили понимание остроты проблемы, но указывали, что главным препятствием на пути ее решения является практическое отсутствие материальной базы и нехватка финансовых средств[251].

Главной сферой взаимодействия политических элит и социальных низов являются избирательные кампании. При этом одной из проблем избирательного процесса в некоторых странах региона является стремление политиков подтвердить свою легитимность не только в глазах электората, но и у иностранных доноров. Быть избранными большинством электората (в основном состоящим из бедняков и нищих), даже если для этого приходится прибегать к его прямому подкупу (подарки во время агитационных митингов, дотирование продуктов питания и пр.) – цель каждого, кто вступает в избирательную гонку.

Популистские методы или трактуемые как таковые характерны для деятельности многих политиков в странах Юга Африки. Для завоевания голосов избирателей кандидаты в президенты используют не только эф-

фективный в африканских странах «подарочный» метод (например, щедрая раздача собравшимся на митинги значков, серег, наручных часов и пр.). Во время предвыборной кампании 2009 г. Дж. Зума не раз посещал бедные кварталы Йоханнесбурга и других городов, а Р. Банда (Замбия) накануне выборов в сентябре 2008 г. встречался с жителями окраин столицы Лусаки. Во время этих встреч оба кандидата в президенты очень щедро раздавали обещания изменить к лучшему жизнь этих живущих в трущобах людей.

В то же время деятельность и поведение некоторых политических лидеров иногда справедливо вызывает симпатию и поддержку беднейших слоев электората. В 2003 г. автомобиль с Т. Мбеки, направлявшимся на открытие больницы в одном из беднейших районов Кейптауна, был остановлен участниками пикета протеста. Президент вышел из машины и просто стал выяснять причину недовольства протестующих[252]. Вряд ли можно расценивать такое поведение как популизм со стороны лидера, которого даже радикальные критики не могут упрекнуть в таком «грехе».

В ЮАР представители социальных низов подобно другим южноафриканским избирателям голосуют пока согласно своей расовой принадлежности и расовым предпочтениям. Возможно, воспоминания о недавнем режиме апартеида в стране еще сильнее, чем воздействие предвыборных речей политиков и обещаний скорого благоденствия. На выборах 2004 г. оппозиционный Демократический альянс (ДА) не сумел заручиться поддержкой черных избирателей, несмотря на предвыборные обещания бесплатных лекарств от СПИДа, а ведь именно они составляют основную массу больных и ВИЧ-инфицированных (12,4% голосов[253]). Несколько изменилась ситуация на выборах, состоявшихся весной 2009 г.: на этот раз часть бедняков отдала свои голоса партии ДА, получившей 16,7% голосов, и за партию М. Лекоты Конгресс народа, созданную незадолго до выборов (7,4%)[254]. Низы проголосовали за Зуму, такого же выходца из бедной семьи.

Причиной неудач политики правительства Т. Мбеки в последние годы некоторые наблюдатели считали то, что руководство АНК «оторвалось от чаяний масс». Зума и его сторонники, принадлежащие к верхушке ЮАКП, КОСАТУ и Молодежной лиги АНК, в борьбе за власть опирались именно на низы общества. Используя их поддержку, им за довольно короткий срок удалось не только добиться смены руководства АНК, но и отставки Мбеки и победы Зумы на президентских выборах в апреле 2009 г.

По оценкам Всемирного банка, за 2005–2008 гг. мировые цены на продукты питания поднялись на 83%. Особенно сильно подорожали рис, кукуруза и маис, составляющие основу питания бедных слоев насе-

ления в регионе. По этой причине страны южноафриканского региона в числе 33 государств мира попали в зону риска так называемых «хлебных бунтов». В новейшей истории Замбии и Зимбабве такие события уже были. В Замбии разработаны и реализуются правительственные меры по предотвращению «хлебных бунтов». Кроме мер по усилению контроля за поставками дотационной муки на хлебозаводы и ее последующей реализацией, в стране проводится дополнительное увеличение государственных квот на муку в особо бедных районах, а также открытие дополнительных пекарен и торговых точек по продаже хлеба.

Рычагом мощного влияния на социальные низы является дотирование дешевого продовольствия. В этом отношении показателен пример Зимбабве. Именно в использовании голода в качестве метода подавления оппозиции обвинил режим Мугабе в 2005 г. католический архиепископ г.Булавайо Пиус Нкубе. По его словам, гуманитарная помощь жителям страдающей от засухи провинции Матабелеленд (оппозиционное Движение за демократические перемены /ДДП/ здесь регулярно набирает большинство голосов) тогда распространялась только при условии, что получатель ее проголосует на парламентских выборах за правящую партию ЗАНУ-ПФ[255]. Ситуация, поставившая страну на грань голода, возникла не только в результате проведения земельной реформы, но также из-за демонстративного отказа президента Мугабе в 2004 г. от международной гуманитарной помощи. В мае 2004 г., обсуждая эту тему в разговоре с корреспондентом британского телеканала Sky News, Мугабе сказал, что у страны достаточно собственных запасов зерна[256].

Необходимо отметить, что тема продовольственного кризиса в политической жизни часто возникает как раз в период избирательных кампаний. Так, в Зимбабве в феврале 2008 г. (накануне всеобщих выборов) в бедных кварталах городов были открыты так называемые «народные магазины». Однако цены набора продуктов их скудного ассортимента, состоящего в основном из растительного масла, кукурузной муки и сахара, недоступны многим из тех, для кого предназначались эти магазины. Накануне голосования Мугабе обратился к своим сторонникам и пообещал им, что выборы будут честными и справедливыми. Он призвал народ не поддерживать ДДП, по его выражению, «марионетку британского премьера Тони Блэра». Как утверждали специалисты организации Amnesty International, Роберт Мугабе пригрозил прекратить поставки продовольствия в те провинции, которые все же его ослушаются и проголосуют за ДДП[257].

Однако накануне второго тура президентских выборов, назначенных на 27 июня 2008 г., режим Мугабе, пытаясь из последних сил удержать власть в своих руках, пошел на крайние меры. В начале июня 2008 г. правительство Зимбабве наложило запрет на деятельность на террито-

рии страны международной организации Care International, предоставлявшей жителям гуманитарную помощь. По заявлению руководства этой организации, ее и еще несколько неправительственных гуманитарных организаций власти без предъявления доказательств обвинили в намерении дискредитировать Мугабе во втором туре президентских выборов[258]. Сам Мугабе обвинил эти гуманитарные организации в антиправительственной деятельности, утверждая, что они раздают продовольствие в обмен на согласие граждан голосовать за лидера оппозиции М. Тсвангираи. В результате осложнения, возникшие в отношениях между властями Зимбабве и некоторыми международными гуманитарными организациями, в условиях серьезного продовольственного кризиса в стране, оставили без помощи около 500 тыс. чел. По мнению западных аналитиков, эти меры позволили властям сосредоточить в своих руках распределение продовольствия и избавиться от свидетелей набирающих обороты репрессивных мер против оппозиции. По утверждению посла США в Хараре Джеймса Макги, продовольственная помощь представителям партии ДДП предоставлялась только в обмен на их карточки избирателей, без которых участие в голосовании становилось невозможным[259]. Подобные обвинения, однако, не были подкреплены конкретными доказательствами, которые указывали бы на использование властями распределения продовольствия в политических целях, как метода давления на избирателей.

Таким образом, при подготовке и проведении выборов правящие политические элиты активно применяют апробированные политтехнологии. Можно утверждать, что в отдельных случаях одним из их элементов является разыгрывание «продовольственной карты» и спекулятивное использование страха перед голодом беднейшего сектора электората. Политические спекуляции правящей элиты на угрозе голода и на обещаниях решить продовольственную проблему в странах, где большинство населения имеет невысокие доходы, значительно упрощают получение необходимых голосов избирателей.

Роль СМИ и информационно-компьютерных технологий (ИКТ) в политическом процессе и в формировании имиджа политиков

Практически все стадии процесса формирования политического решения (от изучения проблемы до контроля исполнения и оценки результатов) тем или иным образом связаны с использованием СМИ и ИКТ (информационно-коммуникационные технологии). Правящие элиты региона сознают огромное значение информации в политическом процессе и пытаются контролировать эту сферу. Кроме ЮАР, где по-

давляющее число СМИ являются независимыми, в других странах выполнять эту задачу облегчает то, что основной поток информации (кроме сети Интернет) общество получает из СМИ, принадлежащих правящей партии или находящихся под ее контролем и влиянием. Например, в Мозамбике три газеты («Болетин да селула» /Boletim da Célula – «Бюллетень партийной ячейки»/, «Вангуарда» /Vanguarda – «Авангард»/ и «Вож да революсау» /Vóz da Revolução – «Голос революции»/) являются органами ЦК правящей партии ФРЕЛИМО, а более половины акций двух многотиражных газет («Диариу ди Мозамбик» /«Ежедневная газета Мозамбика»/, «Нотисиаш» /«Новости»/) и одного журнала («Темпу» /«Время»/) принадлежит государству. А в Анголе национальное телевидение находится в руках младшей дочери президента страны Велвичии душ Сантуш. В ЮАР некоторые СМИ обвинялись в ангажированности. Например, в процессе возникшего политического конфликта в АНК из-за расследования дела Дж. Зумы КОСАТУ вместе с коммунистической партией и рядом левых группировок в 2006 г. проводили массовые акции против освещения судебного процесса над ним Южно-Африканской вещательной корпорацией, считая его необъективным.

В ЮАР СМИ в значительной степени функционируют по модели, предполагающей их активное участие в национально-государственном строительстве[260]. Такая ситуация сложилась в результате реализации кампании за открытые СМИ (Campaign for Open Media, COM) и кампании за независимое радиовещание (Campaign for Independent Broadcasting, CIB) накануне демократических выборов 1994 г., а также работы СМИ в рамках новой парадигмы, разработанной в 1996 г. Южноафриканским национальным форумом редакторов (South African National Editors Forum, SANEF). Согласно ей, журналисты должны «давать аудитории ощущение того, что значит быть южноафриканцем на Африканском континенте и при этом быть связанным с остальным миром»[261]. Возрастала роль аудитории, придавалось особое значение специфическим африканским способам коммуникации и формам повествования, необходимости поддержки финансовой независимости СМИ. Особо подчеркивалось, что выбор в информационном вещании в качестве приоритетных материалов, рассказывающих о жизни общества и стран региона, способствует развитию национальной культуры, повышению имиджа ЮАР и укреплению ее многосторонних связей с соседними странами. Необходимо также отметить, что после выборов 1994 г. в СМИ ЮАР тема равенства полов рассматривалась как одна из первоочередных задач (наравне с темой ликвидации последствий апартеида).

Т. Мбеки, придя к власти в 1999 г., продолжил политику правительства Н. Манделы в отношении СМИ. Понимание важности развития независимых СМИ для становления демократии у него подкреплялось вы-

работанными навыками коммуникаций со СМИ и определенным опытом пропагандистской работы, которые он получил, руководя в 1980-е годы Отделом информации и пропаганды АНК[262]. Некоторые оппозиционные лидеры имеют не только опыт коммуникаций со СМИ, но и профессиональный опыт работы в них. Например, лидер оппозиционной партии Демократический альянс (ДА) Хелен Зилле, в прошлом журналист, была первой, кто сообщил в прессе во времена апартеида об убийстве полицейскими черного активиста Стива Бико[263].

Ведущие газеты и радиостанции ЮАР, начиная с 2006 г., регулярно освещали судебные разбирательства в отношении Дж. Зумы. Особой критике карикатуристы и некоторые радиоведущие подвергли его невежественное высказывание на суде, что «от СПИДа можно отмыться в ду́ше». В 2007 г. Зума вместе с президентом США Дж. Бушем стал персонажем рекламных плакатов «Герои нашего времени» местной газеты Cape Times, созданных одним из южноафриканских агентств. Они были изображены в виде гротескных фигур, мастерски слепленных из посвященных указанным политикам номеров этой газеты. В 2006 г., пытаясь спасти свою репутацию после оправдания на судебном процессе, Зума сам подал в суд 13 исков против СМИ, которые, по его утверждению, «давали откровенно предвзятую и клеветническую информацию». Свой моральный ущерб Зума оценил в сумму 63 млн рандов (4,8 млн фунтов стерлингов)[264]. Тем не менее СМИ спокойно отреагировали на шумные обвинения скандального политика в их адрес. Одна из самых популярных в стране радиостанций Highveld настойчиво продолжала транслировать в эфире шуточную песню «Я Зума», за которую политик, собственно, и подал на нее в суд. А известный южноафриканский карикатурист Джонатан Запиро, против которого с 2006 по 2008 г. Зума подал несколько исков, заявил, что в условиях свободы слова он может беспрепятственно заниматься творчеством[265].

Независимые СМИ ЮАР часто публикуют материалы, компрометирующие правящую политическую элиту. В то же время под давлением властей они пытаются отстаивать свои права как источника гласности в обществе. В 2007 г. воскресная газета The Sunday Times, которая издается в Йоханнесбурге и часто выступает с критикой властей, опубликовала статью с нелестным отзывом о бывшем министре здравоохранения Манто Тшабалала-Мсиманг. Вслед за публикацией некоторые политики выступили с требованием разорвать контракт на размещение рекламы в этой газете, а ее саму за 7 млрд рандов попыталась купить компания Koni Media Holdings. Редактор газеты Мондли Маханья отрицала предвзятое отношение к членам правительства и заявила, что газета беспристрастна, когда информирует о каких-либо политических злоупотреблениях[266].

Развитие демократии невозможно без наличия свободных СМИ. Кроме ЮАР, в странах региона их мало. Более того, правящие элиты не только часто пытаются оказать давление на СМИ при освещении важных происходящих в стране событий, но и прибегают к закрытию некоторых из них и к преследованиям ряда главных редакторов и журналистов. Свобода слова нарушается или ограничивается практически во всех странах региона. В Зимбабве власти почти полностью контролируют работу местных СМИ. А газета Herald на протяжении многих лет публикует статьи, компрометирующие лидера оппозиции М. Тсвангираи и его партию ДМД. Регулируют они и доступ к освещению событий в стране иностранных СМИ: министерство информации Зимбабве без каких-либо мотивировок отказало в возможности освещать ход всеобщих выборов 2008 г. американскому телеканалу CNN, британским телеканалам ITV и Sky News, а также южноафриканской телекомпании ETV. Но были приглашены многие представители симпатизирующих Мугабе африканских и азиатских стран. В Намибии в 2007 г. правящая партия СВАПО обвиняла печатные СМИ в публикации статей и писем, содержавших резкую критику в адрес бывшего президента С. Нуйомы и призвала правительство учредить орган по регулированию деятельности СМИ по причине «злоупотребления прессой вопреки национальному примирению и поддержанию мира и стабильности»[267].

Правозащитная и исследовательская организация Amnesty International постоянно фиксирует нарушения свободы слова и СМИ в странах региона. Например, в Анголе в октябре 2007 г. суд провинции Луанда приговорил директора еженедельной газеты «Семанарио Анголенсе» Фелисберту да Граца Кампуша к восьми месяцам лишения свободы «за оскорбление бывшего министра юстиции». Поводом стала публикация им статей, в которых содержались обвинения министра в присвоении финансовых средств министерства[268]. В Замбии накануне президентских выборов 2006 г. было возбуждено дело против редактора независимой газеты Post Фреда Ммембе, обвиняемого в нанесении оскорбления президенту. А в ходе самих выборов высокопоставленные сотрудники полиции пришли в редакцию радио Q-FM, расположенную в Лусаке, с требованием прекратить освещение выборов, носившее, по их словам, «подстрекательский характер»[269]. В Мозамбике в 2006 г. был арестован журналист Селсо Мангуану, расследовавший дело об аресте демонстрантов[270].

За последние 10–15 лет возможности СМИ в странах региона расширились благодаря использованию новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). С начала 2000-х годов наблюдается значительный рост количества пользователей Интернетом. По данным доклада Всемирного экономического форума, в 2003 г. в области информаци-

онных технологий в Африке лидировала ЮАР (наряду с Тунисом и Маврикием). В списке из 102-х стран ЮАР находилась на 37-м месте, а Ангола оказалась в этом списке на предпоследнем месте[271]. Помимо ЮАР, где Интернет развит на достаточно высоком уровне (компьютерная связь в стране действует с 1965 г., а в 1988 г. она была подключена к системе Интернет), правительства других стран также пытаются использовать возможности информационных технологий. Например, Ангола, Намибия и Свазиленд входят в число 12-ти африканских государств, участвовавших в проекте подключения Африканского континента к Интернету, частичное финансирование которого обеспечивает Программа развития ООН (ПРООН)[272].

По общему числу Интернет-пользователей в регионе лидирует ЮАР: с 2002 по 2008 г. их количество увеличилось с 3,1 млн чел. до 4,2 млн чел. На втором месте стоит Зимбабве – 1,4 млн чел., на третьем – Замбия (700 тыс. чел.)[273]. В 2008 г. в Ботсване Интернетом пользовались 120 тыс. чел., в Намибии – 113,5 тыс. чел. В Лесото только 73 тыс. чел. пользуются Интернетом, а в Свазиленде – 48 тыс. чел.[274] Во второй половине 2000-х годов правительства предпринимали необходимые меры для улучшения Интернет-связи, и рост числа пользователей наблюдался во всех без исключения странах региона. Особенно динамично этот процесс проходит в Анголе (41 тыс. чел. в 2002 г., 550 тыс. чел. в 2008 г.) и Мозамбике (30 тыс. чел. в 2002 г., 350 тыс. в 2008 г.)[275]. Показательна динамика роста числа пользователей Интернетом в Зимбабве. Если в 2000 г. на каждые 100 жителей их было 0,4 чел., то в 2005 г. – 8 чел., а в 2008 г. – 11,4 чел.[276] Сотрудничество государств Юга Африки в области использования ИКТ, по мнению российского исследователя А.В. Притворова, «возможно и перспективно в отдельных избираемых проектах также с другими странами, с Россией»[277].

Политические элиты для воздействия на электорат все более активно используют возможности компьютерных технологий. Почти во всех странах региона существуют правительственные сайты. Они существенно отличаются друг от друга по диапазону размещаемой на них информации. Если на сайте правительства ЮАР можно найти множество документов, в том числе касающихся государственного бюджета, много открытой информации содержит также сайт в Намибии, то на зимбабвийском сайте www.zim.gov.zw до недавнего времени присутствовала практически только биография президента Р. Мугабе. В 2008 г. он был признан самым «лаконичным» официальным сайтом[278]. В некоторых странах имеют Интернет-сайты также и правящие партии. Например, в Мозамбике разработка сайта партии ФРЕЛИМО накануне президентских выборов в 2004 г. дала возможность ее кандидату А. Гебузе более широко вести предвыборную кампанию под девизом «Сила изменений», которая подразумевала необходимость реформирования партии и политической системы страны в целом. В результате пропаганда своей программы через Интернет и работа с молодежью принесла Гебузе на выборах дополнительные голоса молодых избирателей. Хорошо разработаны и активно функционируют также сайты некоторых посольств стран Юга Африки, например посольства Анголы в Москве (www.angolarussia.ru).

Некоторые лидеры государств южноафриканского региона сознают важность развития вещания и сети Интернет для стимулирования социально-экономического развития своих стран и региона в целом. Например, правительство Т. Мбеки в ЮАР в начале 2000-х годов выделило развитие систем электронной связи и вещания в качестве приоритетных направлений внутренней политики. Усилия, направленные на устранение неравномерности распространения телекоммуникаций, позволили обеспечить создание новых рабочих мест[279]. Т. Мбеки (сам активный пользователь Интернета) не только хорошо понимает преимущества ИКТ для развития страны, но и, находясь на посту президента, предпринимал активные попытки по их практическому внедрению в различных сферах общественной жизни и по популяризации ИКТ. ЮАР приняла деятельное участие в подготовке Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (г. Бамако /Мали/, 28–30 мая 2002 г.) и разработке ее заключительной декларации, в ней подчеркивалась важность взаимодействия государства и групп гражданского общества в реализации программы эффективного использования потенциала ИКТ для развития стран континента.

Особую роль СМИ и ИКТ приобретают для политических элит (и правящих, и оппозиционных) в период избирательных кампаний. И те и другие понимают, что чем выше уровень претензий кандидата на выборах (претендует ли он стать мэром города или же президентом страны), тем шире аудитория его потенциальных избирателей. Проводить предвыборную кампанию только по системе личного общения с избирателями или с их небольшими группами невозможно, так как на это уходит много времени, поэтому естественным становится вопрос активного использования СМИ. Из-за контроля над ними со стороны государства, высоких расценок на публикации и на эфирное время на телевидении и радио их услугами могут воспользоваться только люди, сосредоточившие в своих руках большие финансовые ресурсы или имеющие к ним прямой доступ. Поэтому в конечном счете избиратели выбирают только из тех, кто уже принадлежит к политической элите или зависим от нее и близок к ней. Таким образом, СМИ и ИКТ напрямую влияют на политический процесс. Интересно, что, по мнению некоторых исследователей, влияние современных информационных технологий в Африке гораздо

больше, чем степень их распространения. Политолог Окот Фредрик Мудхай, проводивший в начале 2000-х годов исследования в Замбии и Кении, считает, что «современные и несущие свободу ИКТ изменяют позиции государства и граждан, особенно в автократических государствах»[280].

Развитие ИКТ и усиление их влияния на различные слои общества представляют серьезный вызов правящим элитам. До появления современных информационных технологий у властных элит была возможность строгого контроля над распространением информации – пропуск в подконтрольные СМИ только разрешенных (приемлемых с их точки зрения) политических воззрений. Из-за расширения Интернета в регионе политические лидеры и элиты становятся все более уязвимыми, потому что такой поток информации (часто их компрометирующей) контролировать очень сложно. Довести необходимую информацию до сведения соратников и противников с помощью Интернета становится значительно проще. Так, в ЮАР в 2005 г. после начала коррупционного скандала, связанного с заместителем президента страны Дж. Зумой, на сайте сторонников Зумы одно время «висел» лозунг «Наступает очередь зулусов править страной»[281]. Это сплачивало вокруг Зумы ряды зулусов, недовольных преимуществом коса в партийных и государственных структурах. Ход всеобщих выборов в Зимбабве в 2008 г. и парламентских выборов в ЮАР в 2009 г. также показал, насколько информация, полученная при помощи ИКТ, интенсивно влияет на настроения избирателей.

Контролировать СМИ правящие элиты пытаются еще по одной причине. Благодаря новым информационным технологиям широкий выход в массы получает политическая деятельность ряда ключевых организаций гражданского общества (ГО), бросающая вызов чрезмерной власти и влиянию правящих элит. СМИ и ИКТ также продуцируют и распространяют информацию (о нормах, ценностях и пр.) различных неправительственных организаций (институтов гражданского общества), усвоение которой необходимо для сознательного и реального участия граждан в жизни государства и общества. В странах региона, как и во всей Африке, взаимодействие государственных органов с «четвертой властью» в этой сфере далеко не всегда эффективно. Оппозиция же, наоборот, поддерживая некоторые инициативы общественных организаций, пытается через СМИ информировать об этом население.

Имидж лидера является одной из самых важных составляющих в проблеме политического лидерства. Функционирование новой политической элиты в странах Юга Африки связано с возросшим влиянием фактора имиджа политика, власти и политического процесса в целом. Это является мировой тенденцией, о которой применительно к США

писал в середине 1960-х годов американский историк и социолог Даниэл Бурстин: «Наша национальная политика – скорее борьба за имидж и между имиджами, соревнование идей»[282]. С момента опубликования в 1969 г. книги американского политтехнолога Джо МакГинниса «Как продавали президента в 1968 году» результативность внедрения имиджевых характеристик в массовое сознание для достижения политических целей стала очевидной. Сегодня уже трудно отрицать, что судьба правительства, как правило, напрямую зависит от того, как оно само и его деятельность воспринимается электоратом.

Лидеры государств Юга Африки, прежде всего ЮАР, Зимбабве, Анголы и Мозамбика, на рубеже столетий также столкнулись с необходимостью использования средств и методов ПР*, в том числе уделять внимание проблеме формирования имиджа своих лидеров и стран в целом. В каждом отдельном случае для этого были свои причины: ЮАР необходимо было улучшить представления о стране, в которой долгое время существовал режим апартеида, в Зимбабве – оправдать многолетнее автократическое правление Р. Мугабе, в Мозамбике и Анголе – доказать невозможность возвращения на путь гражданской войны. При этом для них всех, как и для остальных стран Юга Африки, формирование положительного имиджа власти в глазах международных доноров и организаций оказалось важным и для получения внешней помощи. С другой стороны, для удержания власти правящие элиты вынуждены строить свою тактику (прежде всего, в ходе избирательных кампаний) таким образом, чтобы максимально убедить электорат в своих преимуществах, а также ограничить влияние на него со стороны оппозиции. Эта цель стоит перед правящими элитами всех стран мира и не одно десятилетие успешно достигается при помощи политических технологий, в том числе формирования имиджа политика и политических организаций. Этими проблемами занимается политическая имиджеология, специалисты которой доказывают необходимость формирования положительного имиджа в политике (кандидатов в президенты, парламента, членов правительств, лидеров партий). В противном случае он может, по выражению российского специалиста в этой области А.Ю. Панасюка, «формироваться стихийно, непроизвольно (иногда с отрицательным результатом. – *Л.П.*), помимо воли как самого политика, так и его ближайшего окружения»[283]. В выборном процессе везде власти и оппозиция прибегают к использованию новых технологий, в том числе манипулятивно

* Паблик рилейшнз (связи с общественностью) – деятельность, направленная на достижение эффективной коммуникации как внутри организации, так и между организацией и общественностью. В литературе часто встречается также абревиатура СО (связи с общественностью).

воздействующих на сознание избирателей. Вопрос состоит только в их выборе: использование технологии удачно сфокусированной подачи правдивой информации об объекте (кандидате в президенты, в мэры или партии) или создание их привлекательного образа за счет массированной подачи в СМИ вымышленной информации, а также дискредитация политических соперников при помощи «грязных технологий» (например, так называемого «черного ПР»).

Имидж некоторых политиков стран южноафриканского региона претерпел значительные изменения и в международном плане. 2 июля 2008 г. накануне празднования 90-летия Н. Манделы Джордж Буш подписал указ об исключении Африканского национального конгресса из списка террористических организаций, а его самого как бывшего лидера партии – из числа пособников терроризма[284]. Таким образом, автоматически снимались ограничения на его въезд в США. Они были введены при президенте Рональде Рейгане[285] и разрешали членам АНК и его лидеру приезжать только в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке (для посещения других городов США необходимо было специальное разрешение властей). Ограничения действовали до 2008 г., несмотря на то, что с 1994 г. АНК является правящей партией в ЮАР. О неловкости такой ситуации в апреле 2008 г. заявила госсекретарь США К. Райс, подчеркнув, что это создает препятствия для нормального взаимодействия с рядом государственных деятелей ЮАР[286]. Так, имидж Н. Манделы и партии АНК на Западе в течение нескольких десятилетий трансформировался, и они в глазах общественности превратились из «пособников терроризма» в «борцов за мир и демократию».

Для имиджа политика ПР-составляющая (паблисити, то есть информация о нем и его деятельности в СМИ) крайне важна, а необходимый имидж часто поддерживается благодаря активному обсуждению его частной жизни. Пример тому – постоянные скандалы вокруг личной жизни премьер-министра Италии Сильвио Берлускони и президента Франции Николя Саркози, спорные заявления по поводу здоровья и преемника северокорейского лидера Ким Чен Ира, «нелюбовь» к отелям ливийского руководителя Муамара Каддафи, который во время своих зарубежных поездок предпочитает ставить бедуинскую палатку. За последние годы славу этих скандальных политиков разделяет и новый президент ЮАР Джекоб Зума. Перед мировой общественностью он предстает довольно многоликим и противоречивым – лидер АНК и старый соратник Н. Манделы, с одной стороны, а с другой – коррупционер и насильник (хотя и официально оправданный после длительных судебных разбирательств). Устоявшийся образ «гонимого властями» ему несколько вредил в последние годы. Сейчас он старается проявлять благодарность поддержавшему его на президентских выборах Н. Манделе. В

июле 2009 г., поздравляя его с 91-годовщиной, новый президент ЮАР назвал Манделу маяком надежды[287]. Имидж Зумы по некоторым параметрам отличается от ставшего уже привычным имиджа африканских лидеров. Сам он не пытается казаться другим и даже бравирует некоторыми своими взглядами: «Очень многие политики прячут своих любовниц и детей, чтобы притвориться моногамными. Я предпочитаю открытость. Я люблю моих жен и горжусь моими детьми»[288]. Зума при каждом удобном случае охотно подчеркивает, что одинаково любит всех своих жен. Но так же свободно, судя по информации в некоторых СМИ, он говорит и о своих любовницах и детях вне брака.

Сознавал экономическую «стоимость» политического имиджа президент Замбии в 1991–2001 гг. Ф. Чилуба. Из-за перипетий с принятием дискриминационной статьи конституции, устранившей от участия в президентских выборах 1996 г. бывшего президента К. Каунду, и обвинения его в государственном заговоре Замбия лишилась донорской помощи западных стран и подверглась определенной изоляции со стороны государств региона. Президент Ф. Чилуба стремился восстановить свой имидж реформатора в глазах Запада. Например, он пытался отстаивать экономические интересы африканских стран, ставших на путь рыночных реформ, на международном уровне. Так, выступая на экономическом саммите Юга Африки (Найроби, 17–19 мая 1998 г.), он призвал мировое сообщество признать достижения Африки в проведении экономической и политической либерализации и списать полностью или частично их внешнюю задолженность[289].

Проводить параллели между лидерами, принадлежащими к разным культурным и конфессиональным традициям, довольно сложно. Президенту ЮАР Дж. Зуме стойкая приверженность традиционной для его народа полигамии, а также объявление всех своих трех жен официальными первыми леди[290] только прибавили дополнительные голоса женщин-избирателей на выборах 2009 г. и укрепили его авторитет как стойкого и решительного политика. А вот муссирование в СМИ скандала относительно измены супруги Веры (после 33 лет брака) и последующий за этим в 2001 г. развод, наоборот, дали обильную пищу для нападок оппозиции и нанесли вред политической репутации и карьере президента Замбии, ревностного католика Ф. Чилубы.

Неоднозначен имидж президента Зимбабве Роберта Мугабе. Необходимо отметить, что он одинаково ровно владеет собой в различных ситуациях внутри страны и за рубежом, даже в случае крайнего неприятия его персоны, как это случилось во время его приезда в Италию в 2005 г. на похороны Папы Иоанна Павла II (Мугабе также ревностный католик). Формированием своего политического имиджа он занимается и сам, так как владеет навыками ПР-менеджера. Он начал их приобретать еще в

1960 г., заняв должность секретаря по связям с общественностью Национальной демократической партии (НДП) во главе с Джошуа Нкомо, и с тех пор активно использует их как во внутренней, так и во внешней политике. Удерживать власть в течение пяти пятилетних сроков ему помогли, в том числе, личные способности ПР-менеджера. Он умело использует необходимых людей в нужный момент. Например, употребил свое влияние на ветеранов освободительной войны для поддержки его в ходе парламентских выборов 2008 г. С начала введения экономических санкций в 2002 г. Мугабе отвечает практически на каждое критическое заявление западных лидеров в свой адрес и пытается интерпретировать его с максимальной выгодой. В ответ на обвинения в том, что страна доведена до экономического коллапса, Мугабе продолжает настаивать, что именно Великобритания, прежде всего правительство бывшего премьер-министра Тони Блэра, виноваты в возникших в Зимбабве проблемах. Самого Т. Блэра за его утверждения о репрессиях в Зимбабве Мугабе называл лжецом и напрямую, и иносказательно, обыгрывая фамилию британского политика, которая при произношении на английском языке созвучна со словом liar «лжец»[291]. Досталось и бывшему госсекретарю США К. Райс, объявившей в свое время Зимбабве «плацдармом тирании»[292]. К тому же, выступая в 2005 г. на митинге в Хараре, Мугабе назвал К. Райс «слугой белых господ»[293], намекнув на ее предков-рабов. После опубликования в конце 2009 г. данных, свидетельствующих о снижении заболеваемости СПИДом в стране, некоторые западные аналитики объяснили это падением спроса зимбабвийцев на секс-услуги из-за нехватки денег. Эти комментарии дали Мугабе основания снова выступить с критикой Запада, который, по его мнению, пытается зачеркнуть успехи политики правительства в борьбе со СПИДом.

Следует признать, что некоторые политические заявления Мугабе в отношении Запада выглядят порой не только недипломатичными, но даже эпатажными. Тем не менее нельзя не заметить настойчивость попыток режима создать образ Зимбабве как страны, пострадавшей от политики Запада. И хотя в нынешней ситуации кризиса миллионы зимбабвийцев вопросы имиджа страны интересуют мало, национальные СМИ продолжают транслировать и печатать материалы, в которых руководители ЗАНУ-ПФ выглядят стойкими политиками. Президент Мугабе сознает необходимость пропаганды и рекламы (в том числе политической), это проявилось в наличии в правительстве должности министра информации и рекламы (в коалиционном правительстве ее занимает Вебстер Шаму). Интересно, что на Юге Африки Зимбабве является практически единственной страной, где это направление поручено специальному министру.

Африканскому политику сформировать требуемый имидж намного сложнее, чем его западному коллеге: его образ должен быть понятным и воспринимаемым большинством малообразованных, живущих еще во многом по традиционным представлениям граждан, а также быть убедительным в глазах западных доноров. Своеобразный дуализм проявляется во многом. На митингах в ходе предвыборных кампаний, например в Зимбабве, политики провозглашают лозунги западной демократии, а сами митинги часто сопровождаются местными традиционными танцами и песнями. Облаченные в накидки из шкур диких животных лидеры политических партий перед кинокамерами западных СМИ обещают с трибуны согражданам решить многие социальные проблемы. Во всех этих ситуациях африканский политик должен быть убедительным, уверенным и внушать доверие. Привлекательный имидж не обеспечивает победу на выборах, но помогает завоевать голоса избирателей самого разного возраста и социального положения.

Политику важно, чтоб его выслушали, но для этого, как минимум, необходим контакт с аудиторией (личный или при помощи телевидения), основанный на доверии к нему. Оно не возникнет, если внешний вид и манеры политика не будут к нему располагать слушателей. Таким образом, для формирования положительного имиджа политика в своей стране и за рубежом его внешность и манеры поведения (так называемый «габитарный имидж» /от лат. *habitus* – внешность, внешний вид/) играют не последнюю роль и могут ему или помочь, или помешать в карьере. Фактор личного обаяния вместе с чрезвычайной твердостью в сущностных, принципиальных вопросах во многом способствовал утверждению высокого авторитета президента Т. Мбеки, в том числе международного. Как отмечает российский исследователь В.Н. Тетекин, «одним из важных инструментов политической деятельности Табо Мбеки является его сильное человеческое обаяние»[294]. Это стало одним из факторов, сделавших бывшего президента ЮАР настолько эффективным в ведении международных переговоров и в приобретении новых сторонников.

О внешней привлекательности современных лидеров стран Юга Африки можно составить приблизительное представление, используя данные интерактивного сайта привлекательности мировых лидеров www.hottestheadsofstate.wordpress.com, где оцениваются их внешность и манеры поведения. В 2009 г. в списке из 172-х лидеров (первое место занимала Ю. Тимошенко, а последнее – Ким Чен Ир) главы государств южноафриканского региона распределились следующим образом: самым привлекательным их них считают президента Анголы Ж.-Э. душ Сантуша (23-е место), а наименее привлекательным оказался президент Зимбабве Р. Мугабе, занявший 168-е место. Остальные лидеры заняли

также одни из самых последних мест в списке: А. Гебуза (Мозамбик) – 132-е место, Дж. Зума (ЮАР) – 133-е, Х. Похамба (Намибия) – 141-е, король Летсие III (Лесото) – 154-е, Бингу ва Мутарика (Малави) – 163-е[295]. Весной 2011 г. в списке из 210 политиков Ж.-Э. душ Сантуш остался в числе особо привлекательных лидеров (28-е место), к ним же причислили президента Ботсваны Я. Кхаму (35-е место). С учетом расширения списка остальные лидеры стран южноафриканского региона остались практически на прежних местах, за исключением Р. Мугабе, оказавшегося на 205 месте (210-е место отдали М. Каддафи)[296]. Располагающий или не располагающий облик лидера не может значительным образом повлиять на восприятие страны, но, по мнению психологов и политтехнологов, накладывает (на основе ассоциативного восприятия) определенный отпечаток на него.

Прямых свидетельств того, что политики стран Юга Африки пользуются услугами известных ПР-технологов, мало. Это неудивительно, так как конфиденциальность в этом случае отвечает интересам обеих сторон. Это относится к тем, кто хочет предстать перед международным сообществом вопреки реальной ситуации в стране эффективными президентами или лидерами партий, пытается убедить электорат, что именно они, победив на выборах, улучшат жизнь населения. Не нуждаются в излишней рекламе и сами специалисты по ПР. Но на практике встречается слишком много похожих пассажей в предвыборных речах разных политиков, ходов в агитационной тактике в СМИ, повторений одних и тех же приемов в ходе дебатов кандидатов в президенты и пр., которые дают поводы усомниться в отсутствии работы с политиками опытных специалистов по имиджу.

С другой стороны, хорошо известно, что к таким услугам в 1990-е годы прибегал лидер оппозиционной партии Анголы УНИТА сепаратист Жонас Савимби, пытаясь улучшить имидж своей партии в глазах международного сообщества. Этим занимался известный американский политтехнолог Пол Манафорт – соучредитель вашингтонской лоббистской фирмы Black, Kelly, Scruggs & Healey (BKSH)[297]. Необходимо отметить, что за 25 лет деятельности в послужном списке Манафорта накопился удачный и не очень удачный опыт работы как с американскими (Дж. Фордом, Дж. Бушем и с Д. Маккейном, но уже в качестве соучредителя американской лоббистской фирмы Davis Manafort), украинским (в 2005–2007 гг. он отвечал за имидж Партии регионов премьер-министра Украины В. Януковича)[298], так и африканскими политиками, например диктатором С. Мобуту (Заир, ныне ДРК). Однако дорогостоящие услуги известного американского имиджмейкера ожидаемого Ж. Савимби результата не принесли. Одна из причин неудачи состояла в том, что искусственные (хотя и очень искусные) методы ПР не смогли

убедить нового президента США Б. Клинтона в необходимости продолжить, по выражению российского исследователя А.А. Токарева, «медовый месяц между администрацией Буша и реакционными партиями типа УНИТА…»[299], так как к тому времени поведение Савимби стало непредсказуемым.

Некоторые лидеры стран региона придают значение роли национальных СМИ в формировании позитивного имиджа континента в мире. В июле 2009 г. в столице Уганды Кампале президенты Р. Банда (Замбия), Р. Мугабе (Зимбабве), король Свазиленда Мсвати III и бывший президент Ботсваны Кетумиле Масире приняли участие в открытии центра по интеллектуальному партнерству, на котором в том числе обсуждалась эта тема с африканскими журналистами. Р. Мугабе снова воспользовался случаем выступить против критикующих его западных СМИ. В то же время он поставил перед журналистами вопрос о необходимости объективно освещать события африканской жизни. Обращаясь к журналистам-африканцам, работающим на компании BBC и CCN, он спросил: «Вы можете освещать факты правдиво или вы боитесь потерять работу?»[300].

В современных условиях национальный и международный имидж политической элиты, прежде всего ее лидеров, имеет стратегическое значение для внешней политики государства. Он также является важным фактором коллективной идентификации народа, так как представляет собой один из важнейших аспектов политической коммуникации на национальном и международном уровне. За пределами страны образ ее президента часто воспринимается как совокупный общий образ всех граждан, и от вызванных им эмоций зависит отношение (положительное, настороженное или отрицательное) к данной стране. Большую роль в формировании имиджа страны играет также деятельность посольств и поведение послов – части правящей политической элиты. В условиях проявления в российском обществе ксенофобии, а иногда и расизма (о нападениях скинхедов на послов и дипломатов африканских стран, а также на африканских студентов несколько раз заявляли некоторые аккредитованные в РФ посольства стран Африки и писали российские СМИ) очень важно, как в нем воспринимается современный образ государств Африки. Благодаря активной деятельности Чрезвычайного и Полномочного Посла Анголы в РФ Роберто Леал Рамуша Монтейру («Нгонго») в 2000–2005 гг. (многочисленные конференции, выставки, организация преподавания португальского языка в одной из московской школ и пр.) многие москвичи смогли познакомиться с историей, традициями и культурой этой страны. Очень важно, если образ африканской страны, например Анголы, формируется у молодежи посредством такой информации. Иначе на основании ассоциативного восприятия он может быть ограничен только поверхностными данными, взятыми, к примеру,

из фильма режиссера Эдварда Цвика «Кровавый алмаз» (Blood Diamond, США, 2006 г.). В первом случае Ангола предстает в образе страны с глубокими историческими корнями и традициями, в другом – в образе страны, где военные группировки в борьбе используют так называемые «грязные алмазы»[301]. Приехавший в Москву в 2005 г. новый посол Анголы Самуэл Тито Арманду (ныне покойный) продолжил начинания своего предшественника, участвуя также в благотворительных мероприятиях (в апреле 2007 г. – по сбору средств для Щепкинского театрального училища[302]).

Положительный имидж политика, независимо от того, разработан ли он ПР-специалистами или возник спонтанно, эффективно «работает» длительное время только при условии реальной, активной деятельности на благо общества его носителя (политика). Пример тому – деятельность бывших президентов Н. Манделы и Ж. Чиссано.

В условиях глобализации вопросы имиджа власти встают чрезвычайно остро. Не в последнюю очередь это вызвано изменениями этических стандартов государственного управления в африканских странах, которые все больше становятся похожими на стандарты бизнес-менеджмента (например, эффективность и соревновательность). В результате трансформации госслужбы граждане рассматриваются в качестве потребителей, а принципы равенства и представительности нивелируются. Эта проблема была в центре внимания XVIII всемирного конгресса Международной ассоциации политической науки (МАПН), который проходил в 2000 г. в Квебеке (Канада). Участница форума, российский политолог О.В. Гаман-Голутвина, отмечала, что «рационализация на основе рыночных принципов ставит под сомнение этическую идентичность госслужбы в целом»[303], а это, в свою очередь, может привести к падению доверия граждан к институту государственной службы как представляющему их интересы. Эта тенденция служит угрозой власти правящей элиты и требует решения.

Таким образом, в начале XXI в. значительно возросло значение фактора имиджа политической элиты, влияющего на восприятие континента в целом. В деятельности правящих и оппозиционных политических элит государств Юга Африки значительно увеличилась роль СМИ и ИКТ как средств формирования имиджа отдельных политиков и партий, а также власти в целом.

Связи политических элит Юга Африки с Россией и их значение для перспектив сотрудничества

Необходимо отметить еще одну особенность правящих политических элит государств Юга Африки. Судьбы многих видных политических и государственных деятелей ЮАР, Анголы, Мозамбика и Намибии тем или иным образом связаны с нашей страной. Помимо президентов ЮАР, Анголы и Намибии (Т. Мбеки, Ж.-Э. душ Сантуша и Х. Похамбы, получивших в том числе и в России, высшее образование), в СССР, а потом в России получили высшее образование и ученую степень, проходили военную подготовку, находились на лечении, приезжали с визитами в качестве лидеров стран многие министры и видные государственные деятели Юга Африки. А ангольский президент во время учебы в СССР был даже женат на русской девушке – своей сокурснице по Институту нефти и газа Татьяне. Чрезвычайные и Полномочные Послы Республики Ангола в России Роберту Леал Рамуш Монтейру (2000–2005 гг.) и Самуэль Тито Арманду (2005–2009 гг.) также получили высшее образование в России, а второй из них защитил здесь кандидатскую диссертацию. За время работы этих послов в России совместно с Институтом Африки РАН и региональной общественной организацией Союз ветеранов Анголы было проведено несколько десятков научных конференций, выставок и пр. Эти мероприятия сыграли важную роль не только в укреплении дружеских связей между нашими странами, но и в деле информирования общественности о заслугах российских воинов-интернационалистов и сохранения памяти о погибших.

Особенно много выпускников наших вузов среди новой политической элиты ЮАР. В 2001 г. три первых лица ЮАР – президент Т. Мбеки, заместитель президента Джекоб Зума и министр по делам президента Э. Пахад – в разное время находились в СССР на краткосрочных курсах военной и политической подготовки. У нас обучался и командующий Южноафриканскими национальными силами обороны (САНДФ) генерал Сипиве Ньянда. Нынешний министр внутренних дел Нкосазана Дламини-Зуму приезжала в Москву в 1970–1980-х годах по приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. В 2008 г. она, находясь в Москве с официальным визитом в качестве министра иностранных дел ЮАР, сказала, что в ЮАР сохраняют «чувство признательности за то, что ваша страна (СССР/Россия – *Л.П.*) сделала для поддержки нашей борьбы за демократию и человеческое достоинство»[304]. Не удивительно, что многие из политиков ЮАР, в том числе Т. Мбеки, в той или иной степени владеют русским языком, знакомы с историей и культурой нашей страны. Некоторые из них считают Россию второй родиной. Об этом коротко, но емко сказал президент Т. Мбеки во время своего визита в Москву в 1999 г.: «... некоторые наши люди выросли здесь»[305]. При спонсорской помощи некоторых бизнесменов в стране гастролируют российские мастера искусств. Так в 2000 г. алмазодобывающая компания «Мвелапанда даймондс», президентом которой является Мосима Сехвале[306] (в правительстве Дж. Зумы

занимает пост министра по делам жилых поселений) стала спонсором турне Большого театра по ЮАР[307].

Встречи с двумя видными государственными деятелями ЮАР в 2001 г. дали автору возможность на личном опыте убедиться в их знании истории России и русского языка, а также умении этих политиков вести дискуссию. Один из них – член Национального Исполкома АНК Джеффри Радебе. В свое время он также обучался в Москве в Институте общественных наук при ЦК КПСС. Соратник Н. Манделы, так же как и он содержался в тюрьме на острове Роббен. После победы АНК на выборах в 1994 г. в правительстве Н. Манделы он был назначен министром общественных работ[308], в правительстве Т. Мбеки стал министром общественных предприятий, а президент Дж. Зума назначил его министром юстиции и конституционного развития. Второй – Ронни Кассрилс – в прямом смысле слова один из героев борьбы против апартеида. Он был начальником разведки боевого крыла АНК «Умконто ве сизве» («Копье нации»)[309]. В правительстве Н. Манделы в 1994–1999 гг. был назначен заместителем министра обороны ЮАР, а при Т. Мбеки занимал пост министра водных ресурсов и лесного хозяйства (1999–2004 гг.) и министра разведывательных служб (2004 – 2008 гг.)[310].

С нашей страной связаны также судьбы Чрезвычайных и Полномочных Послов Южно-Африканской Республики в Российской Федерации Сипо Маканы (в 1968 г. окончил Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, проходил военную подготовку в СССР, посол в 1995–2000 гг.), Мочубелы Джекоба Секу (защитил кандидатскую диссертацию в МГУ, посол в 2000–2005 гг.) и нынешнего посла Беки Уинстона Джошуа Ланги (в 1978 г. также окончил Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук). Всего в ЮАР в конце 1990-х годов жили около тысячи человек, находившихся в СССР сравнительно длительное время[311]. Добрая воля и понимание необходимости развития дружественных отношений и взаимовыгодного сотрудничества многих из них стали хорошей основой для расширения разносторонних связей и улучшения взаимопонимания между нашими странами. Новый президент страны Дж. Зума в самом начале своего пребывания на этом посту подтвердил готовность к дальнейшему развитию сотрудничества с Россией во всех областях. Министр природных ресурсов и экологии РФ Юрий Трутнев, представлявший Россию на состоявшейся 9 мая 2009 г. церемонии инаугурации Зумы, был одним из первых, кого принял новый президент ЮАР в своей резиденции в Йоханнесбурге[312].

Некоторые лидеры государств южноафриканского региона награждены высокими российскими государственными наградами. Например,

в ноябре 2006 г. во время официального визита в Москву президент Анголы Ж.-Э. душ Сантуш был награжден орденом Дружбы[313].

Россия и большинство стран Юга Африки преодолевают сложный переходный период в своем развитии. Происходящие в каждой из них перемены открывают большие возможности для налаживания прочных двусторонних связей и наполнения их новым содержанием. Результаты визитов президентов России В.В. Путина в ЮАР (2006 г.) и Д.А. Медведева в Анголу и Намибию (2009 г.) внушают определенный оптимизм в вопросе дальнейшего более эффективного двустороннего сотрудничества наших государств. Так, посол Намибии в РФ Самуэль Мбамбо, комментируя итоги визита в страну российского президента, сказал, что «Россия услышала наш призыв поучаствовать во второй фазе нашей борьбы за экономическую эмансипацию и взяла обязательства налаживать с Намибией серьезный бизнес»[314]. Значительным событием стал визит президента ЮАР Дж. Зумы в Москву в августе 2010 г. В составе делегации прибыли 11 министров и около сотни представителей бизнес-элиты Южной Африки.

Роль политических элит в процессе дальнейшего развития всесторонних отношений исключительно велика[315]. В сходных условиях политического плюрализма в поведенческих стереотипах российской элиты и политических элит государств Юга Африки прослеживаются некоторые параллели. Сравнительный анализ их эволюции, группового менталитета и корпоративных интересов обнаруживает общность, «интернациональность» ряда явлений в судьбе обеих стран, в том числе болезней, присущих нашим обществам (например, коррупция), и способствует поиску путей их преодоления.

* * *

Исследование правящих элит в государствах на Юге Африки позволяет сделать вывод о том, что в странах региона, кроме Свазиленда, во властных отношениях наблюдается своеобразное соединение элементов демократии и автократии на фоне политического плюрализма. В большинстве стран доминирующими остаются патронажно-клиентельные отношения, а сама власть часто рассматривается ее «носителями» в качестве источника более широких прав и привилегий. Изменение действующего законодательства с целью удержания власти в некоторых странах постепенно становится нормой.

На рубеже веков и в начале XXI в. в Африке усилилась роль политических элит как фактора воздействия на формирование политики национальных государств. Наличествуют как положительные, так и деструктивные тенденции развития переходного общества в зависимости от уровня компетентности, коррумпированности правящих элит, а также

харизматичности политических лидеров. Заметна также тенденция возрастания роли африканских политических элит в формировании внешней политики национальных правительств, в т.ч. их позиции в ООН. Бывшие президенты Т. Мбеки (ЮАР), Л. Мванаваса (Замбия), Ж. Чиссано (Мозамбик) и нынешние президенты Х. Похамба (Намибия), Ж.Э. душ Сантуш (Ангола) и др. предпринимали и продолжают предпринимать активные попытки по координации взаимодействия с ООН в сфере урегулирования региональных конфликтов. Внешняя политика лидеров некоторых государств южноафриканского региона направлена на укрепление позиций страны в международном сообществе.

[1] См.: Африка: власть и политика. М.: Институт Африки РАН, 2004. С. 26.
[2] Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М.: Наука, 1996. С. 16.
[3] *Косухин Н.Д.* Легитимность власти как фактор политической стабильности // Нестабильность в Африке: уроки прошлого и современные процессы. М.: Институт Африки РАН, 2006. С. 174.
[4] Общественная мысль в независимой Африке. М.: Институт Африки РАН, 2000. С. 201.
[5] *Gumede W.M.* Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC. L.: Zed Books, 2007. P. 394.
[6] http://thereport.amnesty.org/rus/regions/africa/mozambik
[7] http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B5F682D17-B8CB-4A6B-90B3-224B3B56BA1D
[8] *Позднякова А.П.* Малави. Справочник. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004. С. 69.
[9] *Von Doepp P.* The Survival of Malawi's Enfeebled Democracy, Current History, Blantyre: CLAIM, 2001. P. 232.
[10] http://www.anc.org.za/ancdocs/history/conf/conference52
[11] http://www.newsru.com/world/20sep2008/mb.html
[12] Там же.
[13] *Gumede W.M.* Op. cit. C. 393.
[14] http://www.un.org/russian/ga/59/plenary/mozambique.pdf
[15] Африка: особенности политической культуры. М.: Институт Африки РАН, 1999. С. 56.
[16] Время новостей. № 212. 2004. 19 ноября – http://old.strana.ru/ stories/04/01/06/3461/233093.html
[17] www.yandex.net/yandbtm?url=http%3A%2F%2Fwww.journal-apologia.ru
[18] Цит. по: Африка: власть и политика. С. 194.
[19] *Хазанов А.М.* История Мозамбика в Новое и Новейшее время. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. С. 173.
[20] https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ao.html

[21] Компас. ИТАР-ТАСС. 2008. № 41. С. 65.
[22] http://electionresources.org/za/provinces.php?election=1994
[23] http://electionresources.org/za/provinces.php?election=1999
[24] http://electionresources.org/za/provinces.php?election=2004
[25] http://electionresources.org/za/provinces.php?election=2009
[26] http://www.electoralgeography.com/new/en/countries/m/mozambique/mozambique-presidential-election-2009.html
[27] http://africanpress.wordpress.com/2009/12/08/namibia-swapo-wins-elections-new-opposition-grows
[28] ipu.org/parline/reports/2359_Ehtml
[29] http://www.unaids.org/ru/KnowledgeCentre/Resources/FeatureStories/archive/2006.
[30] http://www.anc.org.za/ancdocs/anctoday/2007/at50.htm
[31] http://www.mg.co.za/article/2008-10-07-the-downfall-of-mbeki-hidden-truth
[32] Mail & Guardian. 2010. January 24.
[33] Страны Африки. М., 2002. С. 326–327.
[34] http://www.statehouse.gov.zm/index.php/component/content/article/48-featured-items/703-lungu-posting-rb-commended
[35] *Hudleston S.* Face of Courage. A Biography of Morgan Tsvangirai. Cape Town: Double Storey, 2005. P. 102.
[36] Ibid. P. 103.
[37] Ibid. P. 95.
[38] *Садовская Л.М.* Парламентаризм как одна из форм осуществления политической модернизации // Современная Африка: метаморфозы политической власти. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 238.
[39] См.: Африка: власть и политика. С. 73.
[40] http://www.ifex.org/malawi/2001/05/22/newspaper_faces_several_civil_defamation
[41] http://thereport.amnesty.org/rus/regions/africa/malawi
[42] Компас. ИТАР-ТАСС. 2003. № 5. С. 79.
[43] Constitution of the Republic of South Africa, 1996. Chapter 8 (Courts and Administration of Justice), 165 (2) – http://www.info.gov.za/documents/constitution /1996/96cons8.htm#165
[44] *Calland R.* Anatomy of South Africa. Who Holds the Power? South Africa: Zebra Press, 2006. P. 277.
[45] www.news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_6149000/6149272.stm
[46] Lusaka Times. Lusaka. 2011. March 18.
[47] http://www.gov.sz/home.asp?pid=4592
[48] Sunday Independent. Pretoria. 2001. April 15.
[49] *Косухин Н.Д.* Африка: поиски обновления. Динамика политических изменений в конце XX – начале XXI в. М.: Институт Африки РАН, 2007. С. 127.
[50] Constitution of the Republic of South Africa, 1996. Chapter 12 (Traditional Leaders), 211 (1) – http://www.info.gov.za/documents/constitution/1996/96cons12.htm
[51] Цит. по: Современная Африка: метаморфозы политической власти. С. 255.

[52] *Рытов Л.Н.* Традиционные и новые слои в процессе демократизации на Юге Африки // Эволюция традиционных институтов в колониальной и постколониальной Африке. М.: Институт Африки РАН, 2001. С. 45–46.
[53] Африка: многовариантность развития. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. С. 228.
[54] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2008. 30 октября.
[55] www.cipe.org/regional/eurasia/pdf/Strategies_RUSSIAN.pdf
[56] www.zimbabwetoday.co.uk/2007/12/special-report.html
[57] Mail & Guardian. Johannesburg. 2005. 31 Oktober.
[58] *Calland R.* Op. cit. P. 262.
[59] Ibid.
[60] Ibid.
[61] См.: Современная Африка: метаморфозы политической власти. С. 399.
[62] http://www.armsdeal-vpo.co.za/articles06/fat_land.html
[63] Bua Komanisi. Johannesburg. Vol. 5. № 1. 2006. May. Special edition.
[64] *Calland R.* Op. cit. P. 265.
[65] www.policyinnovations.org/innovators/people/data/richard_calland
[66] *Calland R.* Op. cit. P. 269.
[67] Цит. по: *Гевелинг Л.В.* Клептократия: социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. М.: Издательство «Гуманитарий», 2001. С. 235.
[68] Цит. по: *Gumede W.M.* Op. cit. P. 63.
[69] См.: *Косухин Н.Д.* Политология развития африканских стран. М.: РУДН, 2009. С. 373.
[70] Африканская интеграция: социально-политическое измерение. М., 2003. С. 53.
[71] http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf
[72] *Косухин Н.Д.* Политология развития африканских стран. С. 84.
[73] *Carthright J.* Political Leadership in Africa. L.-N.Y., 1983. P. 2.
[74] *Высоцкая Н.И.* Африканская культурная самобытность: преодоление кризиса и развитие межафриканской интеграции // Африка: поиск идентичности. М.: Институт Африки РАН, 2001. С. 13.
[75] *Мирзеханов В.С.* Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 167.
[76] См.: *Косухин Н.Д.* Африка: поиски обновления. С. 68.
[77] См.: *Neocosmos M., Suttner R., Taylor I.* Political Cultures in Democratic South Africa. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 2002.
[78] http://www.polity.org.za/article/da-zille-speech-by-da-leader-helen-zille-at-the-launch-of-the-partys-2009-election-campaign
[79] Африка: особенности политической культуры. С. 158.
[80] См.: *Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999. С. 354.
[81] www.guardian.co.uk/world/2008/aug/05/southafrica
[82] http://www.capetimes.co.za/index.php?fArticleId=3434319
[83] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2008. 28 ноября.

[84] The Constitution of Zambia (Amendment) Act, 1996. Lusaka: Government Printer, 1996. Preamble.
[85] The International Who's Who 2003. L.-N.Y.: Europa Publications, 2002. P. 1141.
[86] New African. L., 1998. March. P. 21.
[87] *Ирхин Ю.В.* Социология культуры. М.: АСТ, 2006. Глава 15.
[88] Цит по: *Косухин Н.Д.* Африка: поиски обновления. С. 74.
[89] www.zimdaily.com 07.06.2007
[90] *Mazrui A.* Africa in Search of Self-pacification // African Affairs. Vol. 93 (370). P. 39.
[91] www.interfax.ru/politics/news.asp?id=35612
[92] http://www.theelders.org/elders
[93] www.zambianchronicle.com/?tag=hakainde-hichilema
[94] *Притворов А.В.* Южная Африка и другие страны южноафриканского региона в эпоху перемен. М.: Институт Африки РАН, 2002. С. 47.
[95] Zambia Daily Mail. Lusaka. 2002. January 3.
[96] The Post. Lusaka. February 25.
[97] The Post. Lusaka. October 24.
[98] http://president.dreab.com/p-Zambian_presidential_election,_2006
[99] http://thereport.amnesty.org/rus/regions/africa/namibia
[100] Legacies of Power. Ed. by Roger Southall and Henning Melber. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 2006. P. 169.
[101] http://www.news.bbc.co/uk/2/hi/africa/7912077.stm
[102] http://www.inosmi.ru/print/209035.html
[103] http://www.sagoodnews.co.za/general/mandela_day_gains_momentum.html
[104] www.news.webmoskva.ru/news/3515020
[105] Ежемесячный бюллетень Посольства ЮАР в Москве. 1999. № 1. С. 1.
[106] The Constitution of Zambia (Amendment) Act, 1996. Lusaka: Government Printer, 1996. Part IV. Article 34.3 (b).
[107] www.npc.gov.na/vision/vision__2030bgd.htm
[108] http://www.planning.go.ke
[109] http://www.electionwatch.org.na/node/208?q=parliamentary2009
[110] См.: *Прокопенко Л.Я., Шубин В.Г.* Африканский ренессанс // Африка: поиск идентичности. М.: Институт Африки РАН, 2001, С. 58.
[111] Современная Африка: метаморфозы политической власти. С. 433–435.
[112] http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2010_RU_Tables_reprint.pdf
[113] *Потемкин Ю.В.* Социальный кризис в Африке: безысходность или переходность? // Восток. 1999. № 4. С. 75.
[114] http://data.worldbank.org/country/
[115] https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ao.html
[116] http://data.un.org/CountryProfile.aspx?crName=ZIMBABWE
[117] http://www.cato.org/zimbabwe
[118] http://www.un.org/russian/esa/hdr/2007/hdr_20072008_indicators.pdf
[119] www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/sps/1AEDF7F558CF1EB8C32574FF00531CC1
[120] www.rian.ru/politics/20080915/151291217.html

[121] http://www.bulawayo24.com/index-id-news-sc-national-byo-295-article-PM+Tsvangirai+wants+only+presidential+vote+in+2011.html

[122] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2011. 4 февраля.

[123] *Шубин Г.В.* Проблемы развития демократической Южной Африки. М.: Институт Африки РАН, 2006. С. 194.

[124] http://data.un.org/CountryProfile.aspx?crName=South%20Africa

[125] http://www.weforum.org/issues?issuetype=Financial_Systems

[126] Проблемы развития ЮАР и Зимбабве (Сборник статей). М.: Memories, 2007. С. 13.

[127] *Ю.В.Потемкин.* Миграция в Африке // Страны Африки 2002. М., 2002. С. 61.

[128] Там же.

[129] Современная Африка: метаморфозы политической власти. С. 422.

[130] См.: Проблемы развития ЮАР и Зимбабве (Сборник статей). С. 24.

[131] *Seekings J. and Nattrass N.* Class, Race, and Inequality in South Africa. Yale University Press, 2005. P. 374–375.

[132] President's State of the Nation Address. 3 June 2009 – http://www.info.gov.za/speeches/2009/09060310551001.htm

[133] Mail & Guardian. Johannesburg. 2009. October 15.

[134] http://www.africa-confidential.com/article-preview/id/3374/No-Title

[135] *Дейч Т.Л., Шубин В.Г.* Китай и Южная Африка: эволюция взаимоотношений. М.: Институт Африки РАН, 1999. С. 47.

[136] См.: *Дейч Т.Л.* Африка в стратегии Китая. М.: Институт Африки РАН, 2008. С. 290.

[137] http://www.news.xinhuanet.com/english/2009-01/20/content10773853.htm

[138] http://www.southafrica.info/news/international/eusummit-101207.htm

[139] *Вишневский М.Л.* Африканская «империя» в Африке: миф или реальность? М.: Институт Африки РАН, 2007. С. 143.

[140] Там же. С. 139.

[141] Там же.

[142] The Times of Zambia. Ndola. 2003. April 16.

[143] Интервью министра иностранных дел ЮАР Нкосазаны Дламини-Зумы «Российской газете» в сентябре 2007 г. // www.civilg8.ru/6471.php

[144] См.: *Le Pere G., Van Nieuwkerk.* Who Made and Makes Foreign Policy? // Aparteid Past, Renaissanse Future. Ed. by Elizabeth Sidiropoulos. Johannesburg, 2004. P. 124.

[145] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2007. 22 ноября.

[146] http://allafrica.com/stories/200908270074.html

[147] The Times of Zambia. Ndola. 2007. September 27.

[148] *Hudleston S.* Op. cit. P. 95

[149] http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsid=9946

[150] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 14 августа.

[151] *Васильев А.М.* Гражданское общество в Африке: реалии и мифы. Доклад на VI конференции африканистов. (Москва, 16–18 ноября 1994 г.). М.: Институт Африки РАН, 1995. С. 32.

[152] http://www.unaids.org/ru/KnowledgeCentre/Resources/FeatureStories/archive/2008

[153] Там же.

[154] См.: *Scott C.* Nelson Mandela. A Force for Freedom. Carlton Books Limited, 2005. P. 154.

[155] http://www.guardian.co.uk/world/2008/jun/23/nelsonmandela.southafrica

[156] http://www.reuters.com/article/idUSTRE5611PA20090719

[157] http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/3439784/Carla-Bruni

[158] http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/results

[159] http://www.unaids.org/ru/KnowledgeCentre/Resources/FeatureStories/archive/2007/20071018_Progress_and_challenges_for_Botswana.asp

[160] http://www.unaids.org/ru/KnowledgeCentre/Resources/FeatureStories/archive/2009/20090212_champions.asp

[161] http://www.unaids.org/en/regionscountries/countries/zambia

[162] https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/lt.html

[163] https://www.aids.ru/news/2005/07/15-4330.htm

[164] http://www.news.bbc.co.uk/2/hi/africa/1692217.stm

[165] http://www.bbc.co.uk/2/hi/8483116.stm

[166] *Bond P.* Elite Transition: From Apartheid to Neoliberalism in South Africa. L.: Pluto Press, 2000. P. 264.

[167] http://mednovosti.ru/news/2000/07/11/aids

[168] http://www.unaids.org/ru/KnowledgeCentre/Resources/FeatureStories/archive/2006

[169] www.fwdeklerk.com/cause_data/images/2137/South_Africa_Looking_Back_Looking_Forward.pdf

[170] http://www.aids.ru/news/2006/10/30-6039.html

[171] См.: *Susser I.* AIDS, Sex and Culture: Global Politics and Survival in Southern Africa. Wiley-Blackwell, 2009. P. 79.

[172] http://www.aids.ru/news/2007/05/29-6745.htm

[173] http://thereport.amnesty.org/ru/regions/africa/south-africa

[174] www.bbc.co/uk/2/hi/africa/4879822stm

[175] http://www.cato.org/pub_display.php?pub_id=8866

[176] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2007. 24 мая.

[177] Там же.

[178] www.topix.com/za/gauteng/2009/09

[179] Беженцы в Африке. М.: Институт Африки РАН. 2004. С. 74.

[180] *Громова О.Б.* Беженство как фактор политической нестабильности в странах Африки // Нестабильность в Африке: уроки прошлого и современные процессы. М.: Институт Африки РАН, 2006. С. 193.

[181] Broad-Based Black Economic Empowerment Act, 2003 // Government Gazette. 2004. № 25899. 9 January.

[182] См.: *Шубин Г.В.* Проблемы развития демократической Южной Африки. М.: Институт Африки РАН, 2006.

[183] *Давидсон А.Б.* Антирасистский расизм? // Новая и новейшая история. 2002. № 2.

[184] См.: Африка: поиск идентичности. Ученые записки Института Африки РАН. Вып. 24. М., 2001. С. 45.

[185] *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Южная Африка: власть, демонтаж апартхейда, новые политические ориентиры // Современная Африка: метаморфозы политической власти. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 398.

[186] *Грибанова В.В.* Образование в Южной Африке. М.: Институт Африки РАН, 2003. С. 115.

[187] http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/zimbabwe/1416167/Mugabe-issues-new-threat-to-white-kith-and-kin-over-Wests-hostility.html

[188] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 13 августа.

[189] http://www.news.bbc.co.uk/2/hi/africa/6624547.stm

[190] Цит. по: *Герасимчук И.В.* Значение концепции устойчивого развития для Юга Африки // Юг Африки. Наследие прошлого и настоящее. М.: Институт Африки РАН, 2006. С. 160–161.

[191] См.: *Герасимчук И.В.* Международное экологическое сотрудничество на Юге Африки. М.: Институт Африки РАН, 2003. С. 72.

[192] *Васильев А.М.* Африка: виден ли свет в конце тоннеля? // Азия и Африка сегодня. 2008. № 9. С. 7.

[193] *Притворов А.В.* Опыт осуществления проектов развития на Юге Африки (технико-экономические аспекты, 1970–2006 гг.). М.: Институт Африки РАН, 2007. С. 87.

[194] Там же. С. 68–89.

[195] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 5 марта.

[196] См. подробнее: *Прокопенко Л.Я.* Социально-политическая атмосфера становления гражданского общества // Африка: проблемы становления гражданского общества. М.: Институт Африки РАН, 2009. С. 96–103.

[197] *Шубин В.Г.* ЮАР после апартеида: достижения и проблемы // Год планеты: экономика, политика, безопасность. Выпуск 2007 г. М.: Наука, 2007. С. 291.

[198] Компас. ИТАР-ТАСС, 2003. № 5. С. 79.

[199] Цит. по: *Good K.* Realizing Democracy in Botswana, Namibia and South Africa. Africa Institute of South Africa, 1997. P. 75.

[200] http://www.safod.org/&prev=

[201] *Винокуров Ю.Н.* Демократическая Республика Конго: власть и оппозиция. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2003. С. 9.

[202] Компас. ИТАР-ТАСС. 2003. № 5. С. 79.

[203] Lusaka Times. Lusaka. 2009. March 12.

[204] *Глухова А.В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 73.

[205] См.: *Зайцев А.К.* Социальный конфликт. М.: Academia, 2000. С. 53.

[206] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2007. 19 ноября.

[207] http://www.electionwatch.org.na/official_results

[208] Страны Африки 2002. М., 2002. С. 638.

[209] *Hudleston S.* Op. cit. P. 101–102.

[210] http://archive.amnesty.org/air2008/rus/regions/africa/zambia.html

[211] http://thereport.amnesty.org/rus/regions/africa/zimbabwe

[212] http://thereport.amnesty.org/ru/regions/africa/swaziland

[213] http://report2007.amnesty.org/rus/Regions/Africa/swaziland

[214] http://www.amnesty.org/en/library/asset/AFR55/005/1990/en/ce4a494f-ee67-11dd-96f1

[215] Страны Африки 2002. С. 638.

[216] Проблемы развития ЮАР и Зимбабве (Сборник статей). М.: Memories, 2007. С. 54–55.

[217] http://www.jus.uio.no/smr/english/about/programmes/nordem/publications/nordem-report/2002/0502.pdf

[218] http://www.iol.co.za/index.php?from=rss_Southern&set_id=1&click_id=84&art_id=nw20090728233042253C702450

[219] См.: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48.

[220] См.: *Глухова А.В.* Указ. соч. С. 144.

[221] *Hudleston Sarah.* Op. cit. P. 62–65.

[222] Ibid. P. 63.

[223] Ibid. P. 75–76.

[224] Ibid. P. 104.

[225] Ibid. P. 101.

[226] www.danielmolokele.blogspot.com/2009/02/zimbabwes-news-pm-tsvangirais-first-day-html

[227] www.france24.com/20090213-tsvangirai-swear-zimbabwes-cabinet

[228] http://www.zimbabwemetro.com/news/tsvangirai-told-khamaaccident-was-an-assassination-attempt

[229] http://uk.reuters.com/article/idUKL930019120090309

[230] The Sunday Times. 2001. September 2.

[231] http://top.rbc.ru/politics/13/06/2008/183353.shtml

[232] Africa Confidential. L., 1998. Vol. 39. № 19. P. 8.

[233] http://thereport.amnesty.org/rus/regions/africa/namibia

[234] *Тетекин В.Н.* ЮАР: трудный путь от апартеида к демократии // Африка: многовариантность развития. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. С. 217.

[235] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 13 марта.

[236] http://thereport.amnesty.org/ru/regions/africa/south-africa

[237] http://amnesty.org.ru/node/671

[238] http://thereport.amnesty.org/ru/regions/africa/swaziland

[239] http://amnesty.org.ru/node/671

[240] http://www.iol.co.za/index.php?click_id=79&art_id=iol986224911490B200&set _id=1

[241] http://www.amnesty.org/en/library/asset/ACT50/003/2009

[242] http://www.mozambique.mz/awepa/eextra23.htm

[243] Страны Африки 2002. С. 656.

[244] См.: *Ортега-и-Гассет Хосе.* Восстание масс. М.: Изд-во АСТ, 2003.
[245] http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/4457814.stm
[246] http://thereport.amnesty.org/rus/regions/africa/swaziland
[247] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2011. 8 февраля.
[248] http://www.un.org/russian/news/subject_bydate.asp%3Fsubj%3DHR
[249] http://www.amnesty.org.ru/report2006/zaf-summary-rus
[250] Там же.
[251] http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=21595&Cr=children&Cr1=conflict
[252] См.: Советская Россия. № 50 (12393). 2003. 13 мая.
[253] http://electionresources.org/za/provinces.php?election=2004
[254] http://electionresources.org/za/provinces.php?election=2009
[255] http://www.reuters.com/newsArticle.jhtml?type=topNews&storyID=8011555
[256] http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/06/01/AR2005060100908.html
[257] http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid=a..JjYVba15w&refer=home
[258] http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/7433069.stm
[259] http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/zimbabwe/2085522/Vote-or-eat-Robert-Mugabe-asks-Zimbabweans-to-choose.html
[260] *Усачева В.В.* Управление в сфере вещания. Опыт ЮАР //Юг Африки. Наследие прошлого и настоящее. С. 234.
[261] Там же. С. 233.
[262] См.: *Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. С. 273.
[263] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 20 апреля.
[264] http://www.mg.co.za/article/2008-01-17-zuma-goes-after-rapport-again
[265] Mail and Guardian. Johannesburg. 2008. September 8.
[266] www.saflii.org/za/casez/ZAGPHC/2007/161.html
[267] http://thereport.amnesty.org/rus/regions/africa/namibia
[268] http://thereport.amnesty.org/rus/regions/africa/angola
[269] http://report2007.amnesty.org/rus/Regions/Africa/Zambia
[270] http://thereport.amnesty.org/rus/regions/africa/mozambique
[271] www.news.bbc.co.uk/hi/russian/business/newsid_3303000/3303035.stm
[272] *Абрамова И.О., Поликанов Д.В.* Интернет и Африка: параллельные реальности. М.: Институт Африки РАН, 2001. С. 137.
[273] www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook2009
[274] Ibid.
[275] Ibid.
[276] http://data.un.org/CountryProfile.aspx?crName=ZIMBABWE
[277] *Притворов А.В.* Опыт осуществления проектов развития на Юге Африки… С. 153.
[278] www.newsru.com/russia/22jun2004/kremlin.htm
[279] См.: *Абрамова И.О., Поликанов Д.В.* Указ. соч. С. 150 и 161.

[280] http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/0/7/2/6/9/p72695 _index.html
[281] См.: Современная Африка: метаморфозы политической власти. С. 442.
[282] Цит. по: *Шашлов М.Н.* Политический имидж как актуальный предмет исследования // Актуальные проблемы политологии. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 84.
[283] *Панасюк А.Ю.* Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. М.: Издательство «Омега-Л», 2007. С. 136.
[284] http://www.afp.com//afpcom/fr/mandela
[285] http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/southafrica/2233256/Nelson-Mandela-removed-from-US-terror-list.html
[286] www.usatoday.com/news/world2008-04-30-watchlist_Nhtm
[287] www.france24.com/en/20090718-nelson-mandela-celebrates-91st-birthday
[288] www.bbc.co.uk/2/hi/8485730.stm
[289] The Zambian Chronicle. 2007. December 31.
[290] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 8 мая.
[291] http://www.alertnet.org/thenews/newsdesk/L1747954.htm
[292] http://www.izvestia.ru/world/article3098855/?print
[293] www.newszimbabwe.com/pages/powell21.12256.html
[294] *Тетекин В.Н.* Табо Мбеки: трудный путь к победе // Современные африканские лидеры. Политические портреты. М.: Издательский дом «XXI век-Согласие». 2001. С. 168.
[295] www.hottestheadsofstate.wordpress.com
[296] www.hottestheadsofstate.wordpress.com/list
[297] www.i1.democracynow.org/.../african_dictatorships_and_double_standards_where
[298] http://www.rbcdaily.ru/2007/09/26/focus/294998
[299] *Токарев А.А.* Кто вы, доктор Савимби? // Современные африканские лидеры. Политические портреты. С. 213.
[300] http://www.uganda.ru/news_rus.htm
[301] В 2000 г. Генеральная Ассамблея ООН единогласно проголосовала за резолюцию о роли алмазов в разжигании вооруженных конфликтов. Кимберлийский процесс, объединивший 71 страну, предполагает сертификацию алмазов на внешних рынках, что позволяет бороться с их нелегальным экспортом.
[302] http://www.novayagazeta.ru/data/2007/color14/13.html
[303] http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/2000/6/16.html
[304] Азия и Африка сегодня. М., 2008. № 9. С. 40.
[305] Ежемесячный бюллетень Посольства ЮАР в Москве. 1999. № 12. С. l.
[306] http://www.sahistory.org.za/pages/people/bios/sexwale-mg.html
[307] www.theatre.ru/news/2000/10/20
[308] http://www.sa2010.gov.za/person/jeff-radebe
[309] См.: *Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. С. 75, 124.
[310] http://www.sahistory.org.za/pages/people//bios/kasrils,r.htm

[311] *Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. С. 410.

[312] http://www.dfa.gov.za/docs/speeches/index.htm

[313] www.izvestia.ru/politic/article3098053

[314] www.rian.ru/analitics/20090626/175496825.html

[315] См.: Российско-африканские отношения и образ России в Африке. М.: Институт Африки РАН. 2007; *Притворов А.В.* Опыт осуществления проектов развития на Юге Африки…

Глава III

РОЛЬ ОППОЗИЦИОННЫХ ЭЛИТ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Методы и формы борьбы за власть

Оппозиционная элита находится в определенном антагонизме с правящей элитой, прежде всего, из-за того, что вторая обладает той властью, к которой стремится первая. Исходя из этого, американский политолог П. Бахрах назвал оппозиционную, то есть не правящую элиту, контрэлитой[1]. Таким образом, под тождественными названиями «оппозиционная политическая элита» и «элита политической оппозиции» в основном следует подразумевать верхний слой всех оппозиционных сил, главной целью деятельности которых является как завоевание власти, так и воздействие на правящую элиту.

Оппозиция представляет собой устойчивый тип и форму социальной деятельности по развитию политической системы и изменению политического режима. Оппозиционные элиты являются основным каналом выражения недовольства различных групп общественности экономическим и социально-политическим курсом существующего политического режима. Оппозиция является также важным фактором политического обновления общества. События последних десятилетий в государствах Юга Африки наглядно показали, что в регионе оппозиция постепенно формируется как организованная политическая сила, поддерживаемая определенными слоями общества. Этот процесс в различной степени развития наблюдается во всех странах данного региона.

В последнее время одним из ареалов наиболее напряженного политического противоборства является Зимбабве. В ситуации, когда результаты президентских выборов, состоявшихся 29 марта 2008 г., не были обнародованы в течение недели, оппозиция в Зимбабве потребовала проведения второго тура выборов. 7 апреля Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун призвал власти Зимбабве «безотлагательно и открыто» обнародовать результаты выборов президента страны. Интересно, что главная оппозиционная партия Зимбабве – Движение за демократические перемены (ДДП) – еще в начале марта, то есть задолго до выборов, объявила, что будет оспаривать их результаты, обвинив президента Р. Мугабе в откровенном использовании административного ре-

сурса, а также в подкупе избирателей беднейших сельских районов страны. В ходе переговоров с властью по урегулированию политического и экономического кризиса в стране (при активном посредничестве тогдашнего президента ЮАР Табо Мбеки) оппозиция потребовала отложить выборы до момента достижения политического компромисса. Однако переговоры провалились, и оппозиция была уверена, что результаты выборов будут фальсифицированы. В перипетиях этого открытого противостояния, затянувшегося на несколько месяцев и включавшего второй тур выборов, президент Мугабе все же «продавил» свою победу, что, однако, не означало завершения кризиса. Непримиримость оппозиции во главе с лидером ДДП Морганом Тсвангираи привела к тому, что за дальнейшим разворачиванием событий наблюдали не только страны региона, но и мировое сообщество. Более того, в урегулировании политического кризиса в Зимбабве приняли активное участие политические лидеры некоторых государств региона (прежде всего президенты ЮАР Т. Мбеки и К. Мотланте), ООН и другие международные организации.

Влияние оппозиции наиболее существенно в тех странах, в которых партии имеют значительный опыт политической борьбы, в том числе вооруженной. На Юге Африки таких стран большинство – ЮАР, Ангола, Мозамбик, Ботсвана, Зимбабве, Замбия, Намибия и Лесото. Главные силы оппозиции в этих странах несколько различаются друг от друга: в ЮАР – основная оппозиционная правая партия Демократический альянс (ДА) представляет главным образом интересы белого и цветного населения, в Замбии – бывшая правящая (на протяжении почти 30 лет) партия ЮНИП, в Мозамбике и Анголе – бывшие военно-политические формирования, долгое время боровшиеся с правящей партией за власть вооруженным путем, а в Зимбабве с властями борются оппозиционеры, вышедшие в свое время из правящей партии ЗАНУ-ПФ. Поэтому в силу исторических причин методы борьбы оппозиционных элит различаются как по форме, так и по интенсивности.

Состав оппозиционных сил очень разнообразен не только по своим историческим корням, уровню претензий, наличию четких программ, но и по силе воздействия на общество как потенциальный электорат. Наряду с бывшими правящими в течение длительного периода времени партиями (например, ЮНИП в Замбии) существуют партии, созданные политиками, не сумевшими из-за своих амбиций найти общий язык с другими лидерами (Патриотический фронт в Замбии, Партия конгресса Ботсваны), или партии, созданные буквально накануне выборов для борьбы за места в парламенте или за президентский пост (например, партия Конгресс народа /КН/ в ЮАР). Сильные оппозиционные политики часто формируются в среде самой правящей элиты. Например, председателем новой южноафриканской оппозиционной партии КН, созданной в декабре 2008 г. в результате раскола в правящем АНК и занявшей третье место на парламентских выборах в апреле 2009 г., стал видный в прошлом ее деятель и бывший министр обороны Мосиуоа Лекота.

Институт оппозиции необходимо рассматривать в системе отношений «оппозиция – власть» и «оппозиция – общество». В центре борьбы оппозиционных элит с правящими элитами остается, естественно, власть. Борьба за нее на определенных этапах приводит как к положительным, так и отрицательным результатам. Противостояние правящих и оппозиционных элит при наличии внутренних (например, антиправительственные выступления) и внешних факторов (дипломатическое давление, экономические санкции) иногда приводит к началу стабилизации политической ситуации. Так, 15 сентября 2008 г. в Зимбабве была достигнута договоренность о создании коалиционного правительства, в котором лидер оппозиционного ДДП М. Тсвангираи получил должность премьер-министра[2]. В некоторых случаях, например в Замбии, использование правящей элитой для сохранения власти этнического фактора во второй половине 1990-х годов привело к дестабилизации политической обстановки. А в Мозамбике в 2000 г. борьба политических элит могла поставить страну на грань гражданской войны.

В странах Юга Африки все более очевидно встает вопрос о необходимости расширения взаимодействия и сотрудничества между властью и оппозицией, а также обретения оппозицией эффективных рычагов влияния на власть. Одним из самых важных направлений деятельности законодательной власти (парламента) является контроль над работой правительства. Поэтому основная борьба оппозиционных элит направлена на расширение своего представительства в парламенте, и бесспорным показателем силы и влияния оппозиции является наличие у нее мест в парламенте, количество этих мест и факт создания парламентских фракций. Несомненного успеха в этом отношении после длительной и упорной борьбы добились оппозиционные силы Зимбабве. Если на выборах 2000 г. в 150-местный парламент (120 из них занимают депутаты, избранные на всеобщих выборах) прошли партия М. Тсвангираи ДДП (57 мест) и ЗАНУ-Ндонга (1 место)[3], то в результате выборов, состоявшихся весной 2008 г., ДДП обогнала правящую партию президента Р. Мугабе ЗАНУ-ПФ, получив в парламенте на 2 места больше (99 мест)[4]. До недавнего времени примером поступательного и наиболее успешного продвижения к парламентскому представительству могла послужить деятельность главной оппозиционной партии Ботсваны – Национального фронта Ботсваны (НФБ). Если на выборах в Национальную ассамблею в декабре 1999 г. она получила 6 мест, то в 2004 г. ее парламентская фракция состояла уже из 12 человек. Однако на состояв-

шихся 16 октября 2009 г. очередных парламентских выборах численность ее депутатской фракции сократилась вдвое и снова составила 6 чел.[5] В то же время в законодательном органе усилила свое присутствие другая оппозиционная партия – ПКБ (Партия конгресса Ботсваны), – получившая 4 места (для сравнения: в 2004 г. у нее было 1 место).

В ЮАР за последние годы значительно увеличился политический вес партии Демократический альянс (ДА). В сентябре 2008 г. на выборах президента страны после досрочного ухода в отставку Т. Мбеки представитель ДА набрал 50 (из 400) голосов депутатов парламента. А на парламентских выборах в апреле 2009 г. ДА получила 67 мест[6] (для сравнения: на выборах 2004 г. партия завоевала 50 мест)[7].

По-прежнему слабыми остаются позиции оппозиционных партий в Намибии, Мозамбике и Анголе. В Намибии на парламентских выборах 1999 г. оппозиционные партии добились всего 16 мест (Конгресс демократов /КД/ и Демократический альянс Турнхалле /ДТА/ по 7 мест каждая и Объединенный демократический фронт /ОДФ/ – 2 места), в то время как правящая партия Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО) получила из 72 мест в парламенте 55. На следующих выборах, состоявшихся 15–16 ноября 2004 г., положение оппозиции несколько улучшилось – 17 мест[8]. При этом влияние оппозиции в парламенте было ослаблено из-за увеличения числа вошедших в него партий: теперь, кроме вышеперечисленных, их было 6. Очередные выборы, состоявшиеся в ноябре 2009 г., практически не изменили соотношения сил в парламенте, с той лишь разницей, что СВАПО потеряла одно место (54 места), а оппозиция получила на одно место больше (18 мест)[9].

В Мозамбике главная партия оппозиции Мозамбикское национальное сопротивление (МНС)[*], возглавляемая Афонсу Длакамой, с начала 1990-х годов настойчиво борется за власть с правящей партией ФРЕЛИМО (Фронт освобождения Мозамбика). На выборах 1994 г. в 250-местном парламенте МНС получила 112 мест. Если на тот момент помимо нее в парламенте были представлены также некоторые другие партии оппозиции, то после выборов 1999 г., получив 117 мест, она оказалась там единственной. Ситуация не изменилась и после выборов 2004 г. (на них право войти в парламент оспаривали 25 политических партий и коалиций), так как главная борьба развернулась между традиционными политическими соперниками – ФРЕЛИМО и МНС. На этот раз партия МНС вместе с другими партиями созданного выборного альянса получила в парламенте всего 90 мест. Несмотря на оглушительное поражение на муниципальных выборах осенью 2008 г., когда она одержала победу лишь в одном из 43-х муниципалитетов, до всеобщих выборов 2009 г. МНС оставалась единственной партией оппозиции (из 40 партий страны), представленной в парламенте. Похожая ситуация сложилась и в Анголе: нескольким партиям оппозиции, прежде всего УНИТА (Национальный союз за полное освобождение Анголы), Партии социального обновления и ФНЛА (Национальный фронт освобождения Анголы) в 2008 г. в парламенте принадлежали только 29 из 191 депутатского места[10]. Сложившееся соотношение политических сил правящих и оппозиционных элит в Анголе показывает слабость последних, не сумевших сплотиться за 17 лет, прошедших с момента проведения предыдущих выборов. Более того, по сравнению с первыми парламентскими выборами в 1992 г. силы оппозиции в парламенте в результате противостояния с властями значительно «растаяли» – тогда у них было 91 место, из них 70 – у УНИТА[11].

[*] В литературе часто также встречается ее сокращенное название на португальском языке –RENAMO.

А в Свазиленде оппозиция пока вообще лишена возможности не только влиять на принятие политических решений, но и участвовать в их обсуждении, так как из-за запрета деятельности политических партий, законодательно закрепленного в 1973 г., она снова не смогла принять участие в очередных выборах, состоявшихся в сентябре 2008 г.

Степень представительства оппозиции в законодательной власти является важным индикатором ее политической роли в обществе. В этом плане оппозиционные политические элиты некоторых стран Юга Африки добились за последние годы существенных успехов. Активные усилия оппозиционных партий Замбии, прежде всего Патриотического фронта (ПФ) и нескольких партий, составивших так называемый «Объединенный демократический альянс» (ОДА), привели к установлению абсолютного равновесия сил в парламенте – по 75 мест у партии власти Движение за многопартийную демократию (ДМД) и у оппозиции. По состоянию на 2009 г. поддерживать относительный баланс парламентского представительства удается оппозиции в Малави (в парламенте ей принадлежит 79 из 193 мест), в ЮАР (136 из 400 мест) и в Ботсване (13 из 57 мест).

В то же время опыт развития Мозамбика и Намибии в конце 1990 – начале 2000-х годов показывает, что оттеснение оппозиции на периферию политической системы, в частности за границы парламентского участия, приводит к росту радикализма и политического экстремизма, что в результате усиливает риск дестабилизации политической системы. В Мозамбике недовольство оппозиции результатами выборов 1999 г. привело к вооруженным столкновениям в столице и в других областях страны, а лидер основной оппозиционной партии Мозамбикское национальное сопротивление (МНС) Афонсу Длакама даже заявил о намерении вновь начать партизанскую войну[12]. (Как отмечалось выше,

после очередных выборов в 2004 г. соотношение сил в парламенте еще больше изменилось в сторону увеличения числа депутатов от правящей партии ФРЕЛИМО /160 мест/, а МНС получила только 90 мест.) Раскол в МНС накануне выборов 28 октября 2009 г. привел к резкому ослаблению ее позиций в парламенте, в котором она получила всего 48 мест[13]. А в Намибии из 98 мест в парламенте партиям оппозиции принадлежит только 19 мест, причем в верхней палате оппозиция представлена только двумя партиями (Демократический альянс Турнхалле Намибии /ДТА/ и Объединенный демократический фронт /ОДФ/) по одному депутату от каждой[14].

Политикам очень часто не удается достигнуть понимания и после разделения власти. Так, в Зимбабве в июле 2009 г. из-за конфликта между участниками разных делегаций была сорвана конференция по внесению поправок в конституцию. Лидер оппозиции и новый премьер-министр М. Тсвангираи не явился в зал заседаний, президент страны Р. Мугабе, который должен был открыть работу конференции, также не пришел, а выступление спикера парламента Лавмора Мойо (он поддерживает М. Тсвангираи) было заглушено сторонниками действующего президента Р. Мугабе, которые начали петь революционные песни. Инцидент закончился настоящей потасовкой между представителями делегаций, в которую вынуждена была вмешаться полиция.

В случае поражения парламентской оппозиции при принятии важных политических решений оправданными оказываются даже проявления ее демонстративного несогласия. В Малави в 2001 г. депутаты-члены оппозиционного Альянса за демократию (AFORD) после того, как парламент двумя третями голосов принял решение об отмене Сената (верхняя палата парламента), в знак протеста демонстративно покинули зал заседания. Лидер партии Чакуфва Чихана заявил, что это решение означает возвращение Малави к однопартийности. Подобные демарши депутатов оппозиции имели место также в работе парламентов ЮАР, Замбии, Зимбабве и Мозамбика.

Опыт развития стран южноафриканского региона в 1990–2000-е годы показывает, что парламентская оппозиция играет стабилизирующую роль в развитии политической системы, так как ее существование и нормальное функционирование снижают политические риски перехода от парламентских методов борьбы за власть к радикальным действиям.

Результаты анализа представительства оппозиционных партий в парламентах стран Юга Африки и деятельность их парламентских фракций за последние 10–15 лет свидетельствуют об освоении большинством из них парламентских форм борьбы. А это, в свою очередь, доказывает понимание ими значения парламентаризма для демократического развития. В этом смысле для стран данного региона справедливо утверждение Л.М. Садовской, что «процесс развития парламентаризма это не только препятствие на пути укрепления авторитарных режимов, но и мощный импульс к объединению демократических сил как в пределах одной страны, так и континента в целом»[15].

Методы и направления борьбы. В борьбе за власть элиты оппозиции в странах Юга Африки используют широкий спектр методов – от различных форм критики властей, агитации на митингах, публикаций в СМИ компрометирующих правительство материалов, борьбы за места в парламенте на выборах и применение бойкота выборов до призывов к неповиновению властям, не исключающему в некоторых случаях использование физического насилия.

Критика властей со стороны оппозиции касается различных аспектов деятельности правящих элит – демонстративно расточительного образа жизни монарха (Свазиленд), неоднократного откладывания даты всеобщих выборов (Ангола), изменения конституции, противоречащего демократическим нормам (Замбия). Но основной критический заряд направлен обычно на неспособность правящих элит решать широкий комплекс социально-экономических проблем, прежде всего голода, безработицы и СПИДа, а также инфляции (в первую очередь это касается Зимбабве, Анголы и Намибии). Особо следует выделить тему коррупции, в которой оппозиция обвиняет власти постоянно и последовательно, особенно накануне президентских и парламентских выборов. В плане критики властей деятельность оппозиционных элит всех стран региона, независимо от того, критикуют ли монарха (Лесото и Свазиленд), президента Ботсваны, которую считают «витриной» африканской демократии, или президентов Анголы и Замбии, имеет много общего.

Самой острой критике подвергаются власти за неэффективность внутренней политики на фоне проявлений элементов авторитаризма. Высокий уровень инфляции (Зимбабве), коррупции (Ангола, Замбия), безработицы (ЮАР) и стремительно возрастающие темпы заболеваемости СПИДом (ЮАР, Свазиленд, Лесото) являются постоянными темами выступлений оппозиционных лидеров на митингах, собраниях и в СМИ. Стремясь к власти, один из лидеров партии ДМД в Замбии Ф. Чилуба в ходе предвыборной кампании 1991 г. обвинял режим президента Кеннета Каунды в тяжелом экономическом положении страны, в узурпировании законодательной и исполнительной власти, в попрании прав человека и т. д. Но уже через два года пребывания у власти Чилубы почти те же претензии прозвучали в его адрес и от оппозиционеров, и от недавних друзей по партии. Град критических высказываний обрушился на президента за введение в марте 1993 г. чрезвычайного положения на три месяца и аресты среди оппозиции. Причиной послужила публикация руководством ставшей теперь оппозици-

онной партии ЮНИП двух документов, озаглавленных «Нулевой вариант» и «Радикальная программа действий», которые призывали к гражданскому неповиновению[16]. Подобная схема поведения оппозиционных лидеров, пришедших к власти, на Юге Африки характерна не только для Замбии. Иногда «забывали» о своих требованиях к критикуемым властям после прихода к власти и оппозиционные политики Анголы, ЮАР, Зимбабве.

Постоянная критика оппозиции направлена на экономическую политику властей. Например, в Мозамбике при обсуждении государственного бюджета на 2010 г. члены парламента от оппозиционного МНС выступили с резкой критикой правительства ФРЕЛИМО, заявив, что «как бы хорошо ни был подготовлен проект бюджета, реализация его утопична»[17].

Стала уже почти традиционной критика расточительства правящих элит. В Свазиленде, последней в Африке абсолютной монархии, оппозиция продолжает выражать недовольство расходами 43-летнего короля Мсвати III. В коллекции автомобилей монарха – многочисленные «Мерседесы», «Майбах» за полмиллиона долларов, у каждой из его 13-ти жен находится в распоряжении собственный автомобиль «БМВ» последней модели, традиционно широко в стране празднуются дни рождения короля[18].

Обвинения властей в коррупции стали частью предвыборной агитации оппозиции Анголы, Зимбабве, ЮАР и Замбии в ходе нескольких последних президентских парламентских и местных выборов. Именно тактике обвинения верховной власти в коррупции обязано появление в Зимбабве новой оппозиционной партии: в 1988 г. из правящей ЗАНУ-ПФ исключили генерального секретаря этой партии Эдгара Текере, разоблачавшего коррупцию и требовавшего реформы партии. В 1989 г. он создал партию Зимбабвийское движение единства (ЗДЕ), завоевавшую на всеобщих выборах 1990 г. 20% голосов[19]. Э. Текере активно поддерживал М. Тсвангираи.

Часто в центре критики оппозиции стоит вопрос финансирования правящих партий. Не секрет, что правящие элиты часто оказывают содействие фирмам, финансирующим их предвыборные кампании. В ЮАР в условиях действия закона, позволяющего партиям не объявлять источники своего финансирования, такие обвинения иногда приводят к крупным скандалам. По некоторым сведениям, одним из финансистов правящего Африканского национального конгресса является южноафриканская компания Chancellor House, работающая в сфере разработки и добычи месторождений минерально-сырьевых ресурсов. Именно она при поддержке главы министерства Пумзиле Мламбо-Нгкуки (член АНК) в 2006 г. получила права на разработку марганцевого месторождения в пустыне Калахари, где сосредоточено 80% всех мировых запасов марганца[20].

В то же время сами оппозиционные элиты охотно используют финансовую поддержку крупного бизнеса и частных лиц. Иногда это происходит без афиширования имен конкретных источников. В числе финансистов созданной в ЮАР в 2008 г. новой партии под названием «Конгресс народа» (КН) фигурируют крупнейший банк страны «Абса» и некоторые черные миллиардеры. По сведениям некоторых местных СМИ, именно на их деньги учредительное собрание партии состоялось в престижном международном центре Сэндтона (самый богатый район Йоханнесбурга), в котором участие делегатов из провинций оплачивалось самими организаторами[21].

Не пытаются скрыть источники финансирования своих партий политики в Мозамбике. Давний лидер оппозиционной партии МНС в Мозамбике А. Длакама в одном из предвыборных выступлений заявил: «Я обещаю вам миллиарды долларов от наших друзей в Америке»[22]. Лидер новой оппозиционной партии Демократическое движение Мозамбика (ДДМ) Давиш Симангу также не скрывает источники финансирования своей партии и открыто заявлял о финансовой поддержке со стороны португальского бизнесмена Жайме Ногейры Пинту – владельца крупнейшего охранного агентства в Мозамбике под названием «Мосег»[23].

Практика последнего десятилетия показывает, что в вопросе финансирования деятельности партий оппозиционные элиты региона проявляют особое единодушие с правящими элитами. Прозрачность в этой сфере способствует эффективному функционированию как многопартийной системы, так и демократической системы управления государством в целом. Тем не менее в странах Африки, в том числе на Юге континента, нередки случаи, когда сами власти создают условия для того, чтобы избирательный процесс становился далек от таких понятий, как «честные» и «свободные» выборы. Даже в ЮАР до сих пор не принят закон, который регулировал бы систему частных пожертвований политическим партиям. В 2002 г. при разработке законопроекта о предупреждении коррупции проблема политических пожертвований была из него выведена. В апреле 2005 г. суд Кейптауна признал за политическими партиями страны право не раскрывать информацию о частных источниках финансирования их деятельности. Более того, в решении суда подчеркивалось, что раскрытие финансовых источников партий не является «необходимым условием проведения демократических выборов»[24]. Интересно, что это решение суда одобрили партии обоих лагерей – и власти и оппозиции.

Иногда критика оппозиции бывает предвзятой и лишенной конструктивности. Так, в начале 2000-х годов замбийская оппозиция неодно-

кратно критиковала тогдашнего президента Ф. Чилубу за то, что в парламенте и особенно в кабинете министров было засилье представителей деловых кругов. Действительно, около 40% членов Национальной ассамблеи (парламента страны) созывов 1991 и 1996 гг. были бизнесменами[25]. Но, возможно, именно компетентность деловых консультантов позволила правительству находить в тот период правильные решения важных экономических вопросов. Ведь в середине 1990-х годов исследователи рассматривали Замбию в числе «надежно реформирующихся африканских стран, привлекательных для иностранного капитала»[26]. Примечательно также то, что сам президент Чилуба имел достаточный багаж экономических знаний: он, как сказано в его официальной биографии, «прошел курс экономических наук», а до 1990 г. работал менеджером компании Atlas Copper Company Limited.

Более высокий уровень критики оппозиции часто по существу является их призывом к смене власти, не выполнившей своих обещаний и приведшей страну к кризису. Бывший член правящей партии в Зимбабве ЗАНУ-ПФ Морган Тсвангираи, возглавив оппозицию, начал ратовать за использование достоинств капиталистической экономики при постоянном улучшении положения бедных слоев населения. В июле 2002 г. он заявлял: «Без вознаграждения индивидуальной инициативы нет мотивации. У общества должна быть социальная совесть. А у нас правящая партия предает принципы африканской справедливости. Правящая элита предает идеалы освободительной борьбы»[27]. В течение второго срока пребывания Т. Мбеки на посту президента ЮАР оппозиция утверждала, что он оторвался от реальности. В частности, подвергалась критике правомочность высказываемых им во время частых зарубежных поездок требований постоянного места в СБ ООН для страны, в которой реальная безработица находилась на довольно высоком уровне, а армия нищих, несмотря на экономический рост, постоянно увеличивалась.

Нередко оппозиция, заручившись поддержкой широких слоев населения, ведет открыто конфронтационные действия по отношению к правительству. В создавшейся после избрания лидером партии АНК Дж. Зумы (декабрь 2007 г.) ситуации – наличия двух центров власти оппозиция в ЮАР выступила с требованием распустить парламент и провести досрочные выборы, мотивируя это тем, что президент Т. Мбеки и его правительство утратили доверие нации. В феврале 2008 г. Сандра Бота – глава парламентской фракции главной оппозиционной партии страны Демократический альянс (ДА) – внесла в парламент законопроект, суть которого состояла в необходимости принять срочные меры по борьбе с коррупцией, преступностью и некомпетентностью. Большое значение оппозиция придавала необходимости роспуска прокурорского «спецназа» под названием «Скорпионс» (он самостоятельно возбуждает

уголовные дела, производит обыски, аресты и передает материалы в суд) и его включения в состав полиции.

Большой массив критики и обвинений в адрес властей со стороны оппозиции связан с выборами. За последние 10 лет практически во всех странах региона президентские, парламентские или местные выборы проходят в условиях выражения оппозицией недовольства их результатами или ходом подготовки и проведения. Еще во время подсчета голосов СМИ, в том числе зарубежные, изобилуют высказываниями оппозиционных политиков по поводу нарушений прав избирателей, разнообразных нарушений процедуры выборов, а также обвинениями властей в использовании административного ресурса в своих интересах. Иногда такая критика звучит еще до начала выборов. Напомним: оппозиционная партия Зимбабве ДДП еще в начале марта 2008 г., задолго до начала президентских выборов, объявила, что будет оспаривать их результаты, обвинив Р. Мугабе в использовании административного ресурса, а также в подкупе избирателей беднейших сельских районов страны. Несмотря на посредничество тогдашнего президента ЮАР Табо Мбеки, переговоры с властью по урегулированию политического и экономического кризиса в стране затянулись, и оппозиция с уверенностью утверждала, что результаты выборов будут подтасованы и не будут соответствовать действительности.

После длительных перипетий с парламентскими выборами 2008 г., добившись под влиянием международного сообщества решения о формировании коалиционного правительства, оппозиция продолжала критиковать Р. Мугабе. М. Тсвангираи обвинил главу государства в намерении сохранить все ключевые министерские посты за собственной партией ЗАНУ-ПФ. Дело в том, что две непримиримые политические силы, подписав 15 сентября 2008 г. соглашение о разделе власти, оказались в тупиковой ситуации из-за споров о распределении портфелей в новом кабинете министров. Руководство ДДП неоднократно настаивало на том, чтобы в случае сохранения министерства обороны за партией Р. Мугабе ведомство, в руках которого находится полиция, должно отойти оппозиционному движению.

Проигравшая оппозиция часто пытается сразу же обвинить в этом власти, чинящие, по их мнению, препятствия нормальному демократическому выборному процессу. Антиправительственные высказывания в интервью корреспондентам иностранных СМИ, выступления на митингах, призывы к массовым беспорядкам на улицах городов стали уже стандартным набором послевыборной реакции оппозиции. Тем не менее в последние годы критика оппозицией предвыборных кампаний и проведения выборов все чаще бывает аргументированной и взвешенной. В Анголе накануне неоднократно откладывавшихся парламентских

выборов главная партия оппозиции Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА) обвиняла власти в запугивании ее сторонников и монополизации СМИ. После парламентских выборов, состоявшихся 5–6 сентября 2008 г., УНИТА, получивший 10,5% голосов избирателей, пытался доказать, что эти выборы нельзя было назвать свободными и справедливыми. В качестве доводов партия выдвигала следующие аргументы. Прежде всего, выборы затянулись на не запланированный ранее второй день (6 сентября), потому что 320 избирательных участков просто не открылись из-за проблемы с доставкой туда избирательных бюллетеней. Видимым нарушением, по их мнению, было также и то, что многие избиратели получили разрешение голосовать без предоставления документов, удостоверяющих их личность[28]. Лидер УНИТА Исаиаш Самакува утверждал, что в столице страны Луанде при голосовании наблюдалась полная неразбериха – многие избиратели получили фальшивые бюллетени, в которых были указаны несуществующие адреса избирательных бюро. К большинству участков выстроились огромные очереди, поэтому многие, простояв в них по нескольку часов, просто возвращались домой[29].

На парламентских выборах в Зимбабве в 2008 г. оппозиция заявляла, имея на руках документальные доказательства, что на одном из избирательных округов г.Хараре были зарегистрированы 8,5 тысяч несуществующих избирателей – жители квартала, который на самом деле является пустырем с несколькими сараями[30], а чернила, которые использовались при голосовании, можно легко вывести с бюллетеней с помощью пятновыводителя. Необходимо отметить, что об использовании правящей партией голосов «мертвых душ» упомянутый выше архиепископ Римской католической церкви из г. Булавайо Пиус Нкубе заявлял также и в ходе парламентских выборов в 2005 г.

Критика оппозиции по поводу выборов распространяется не только на свои власти, но и на правящую элиту поддерживающих их стран. Лидер ДДП М. Тсвангираи после парламентских выборов 2000 г. резко критиковал южноафриканский АНК за высказывания, преуменьшающие насилие в ходе выборов в Зимбабве, и за поддержку земельной политики Мугабе. Отзываясь о газетной статье генсека партии АНК Кгалемы Мотланте, он заявил: «Поддержка АНК ЗАНУ-ПФ вредна. А мы надеялись, что они сделают все возможное для поддержки свободных и справедливых выборов!»[31]. Несколько позже, откликаясь на международное осуждение электоральной тактики Мугабе, президент ЮАР Т. Мбеки был вынужден заявить: «Мы хотим свободных и честных выборов в Зимбабве! Мы против украденных выборов»[32].

Возможности оппозиции выразить критику властей в СМИ в разных странах Юга Африки часто отличаются кардинальным образом. В Свазиленде лидеры запрещенных законодательным путем политических партий не могут через подконтрольные правительству СМИ выразить свое несогласие с результатами выборов в парламент. А оппозиционные политики ЮАР эту возможность широко реализуют на практике посредством независимых СМИ, а также своих собственных печатных органов. Например, оппозиционная Новая национальная партия* имела печатный орган «Бюргер» (Die Burger – «Гражданин»), помимо этого ее взгляды выражали газеты «Трансвалер» (Die Transvaler – «Трансвалец») и «Фадерланд» (Die Vaderland – «Родина»). Таким образом, у бывшего лидера этой партии Мартинуса ван Скалвика (теперь он член АНК) и его соратников возможности обращения к электорату были значительно шире, чем у оппозиционеров не только Свазиленда или Лесото, но и Анголы, Замбии или Мозамбика, где независимых СМИ практически нет. То же касается и местных информационных агентств, радио и телевидения. Поэтому в Анголе лидеру партии УНИТА И. Самакуве, например, достаточно проблематично было бы высказывать свое недовольство результатами парламентских выборов 2008 г. в программе национального телевидения, которое находится в руках младшей дочери президента страны Ж.-Э. душ Сантуша Велвичии душ Сантуш.

Антагонизм правящих и оппозиционных элит проявляется обычно в периоды избирательных кампаний, когда проигравшая сторона, недовольная результатами выборов, требует их пересмотра. За последние 10–15 лет в странах южноафриканского региона у оппозиционных лидеров очень популярной стала тактика непризнания итогов выборов. Обвинения оппозиции в фальсификации выборов в Замбии, Мозамбике и в Зимбабве стали почти традицией. Инициаторами обвинений являются в основном оппозиционные лидеры, потерпевшие поражение на президентских выборах. В Замбии лидер оппозиционной партии Патриотический фронт (ПФ) Майкл Сата (его часто называют «королевской коброй». – *Л.П.*) к этому испытанному методу борьбы с властями и с целью ее дискредитации прибегает на протяжении более 15 лет. В этом виде борьбы с политическими противниками в регионе он является своеобразным рекордсменом: он оспаривал результаты выборов во время нахождения у власти всех трех президентов периода существования в стране политического плюрализма – Фредерика Чилубы, Леви Мванавасы и Рупиа Банды. Имея за спиной опыт тюремного заключения именно за обвинения властей в фальсификации результатов выборов, он, тем не менее, не отказывается от этой тактики. Проиграв в очередной раз на президентских выборах осенью 2008 г., М. Сата обвинил

* Партия самораспустилась в 2008 г.

нового президента Рупиа Банду «в краже у него победы» и снова потребовал пересмотра результатов голосования[33].

Необходимо отметить, что в силу своей амбициозности Майкл Сата также непримирим иногда и к соратникам по политической борьбе, то есть другим оппозиционным лидерам страны. Он часто восхищается личностью президента Зимбабве Роберта Мугабе. В одной из предвыборных речей в 2008 г. он сказал, что даже К. Каунда (первый президент независимой Замбии) не стал таким великим, как зимбабвийский лидер. Этот резкий выпад Саты в сторону лидера партии ЮНИП, которая в свое время дала его политической карьере мощный старт*, можно объяснить тем, что Каунда не поддержал кандидатуру Саты на президентских выборах в 2008 г. Он заявил, что М. Сата не сможет руководить страной, так как «у него нет качеств лидера»[34].

В Мозамбике лидер партии МНС Афонсу Длакама, уже четыре раза (последний раз в 2009 г.) неудачно участвовавший в президентской гонке, не признавал итоги голосования на выборах в 1994, 1999 и 2004 гг. После обнародования официальных результатов выборов в 2004 г. он подал апелляцию в суд с требованием аннулирования итогов выборов, сохранения тогдашнего президента Жоакима Алберту Чиссано на посту главы государства на шесть месяцев и проведения повторных выборов в 2005 г. Лидер оппозиции заявил, что выборы прошли в обстановке массовых фальсификаций, и «признать их было бы убийством демократии»[35].

Иногда обвинения оппозиции базируются на фактах, озвученных самими властями. Так, в ЮАР на праздничном банкете Независимой избирательной комиссии (НИК) в связи с завершением парламентских выборов 2004 г. председатель НИК Бригалия Бам сказала, что «на этих выборах негативно показала себя молодежь»[36]. Действительно, около 7 миллионов молодых людей, большинство из которых впервые должны были участвовать в голосовании, просто не зарегистрировались как избиратели, что дало оппозиции повод сомневаться в победе АНК на выборах.

Наказание за критику выборов со стороны оппозиционеров из рядов самих правящих партий, как правило, происходит путем их исключения. В Замбии, например, за дачу на суде показаний в пользу трех оппозиционных партий, оспоривших результаты президентских выборов 2001 г., из правящей ДМД был исключен министр по делам молодежи, спорта и детского воспитания Левисон Мумба[37]. Иногда тактика прямых обвинений властей в фальсификации результатов выборов (в том

* В 1985 г. в качестве кандидата от ЮНИП М. Сата стал сначала губернатором столицы г.Лусаки, а потом депутатом парламента.

числе в западных СМИ) имеет для оппозиции более серьезные последствия. Например, лидер ДДП М. Тсвангираи, оспоривший официальные результаты парламентских выборов в 2000 г., был арестован по обвинению в государственной измене[38]. При этом необходимо добавить, что любая публичная критика Роберта Мугабе в Зимбабве карается тюремным заключением. В 1999 г. в Мозамбике недовольная результатами всеобщих выборов оппозиция во главе с лидером МНС А. Длакамой спровоцировала в столице Мапуту и в северных и центральных провинциях страны волнения, в результате которых были арестованы 83 активиста этой партии.

В арсенале методов оппозиции есть также требование импичмента действующего главы государства. Так поступили активные оппозиционеры в Замбии (лидер партии Патриотический фронт М. Сата после президентских выборов в 2001 г.), в Мозамбике (лидер партии МНС А. Длакама сделал это дважды – после всеобщих выборов 2004 г. и в 2005 г.) и в Зимбабве (лидер ДДП М. Тсвангираи). Последний призвал к импичменту президента Р. Мугабе сразу после парламентских выборов 2000 г. из-за насилия в ходе предвыборной кампании, в результате которого погибли не менее 30 человек[39]. Необходимо отметить, что причиной требований импичмента президента становится не только традиционное недовольство оппозиции результатами выборов или обвинения властей в физическом насилии. В Замбии, например, дополнительной причиной этого послужили активные действия президента Л. Мванавасы по разработке антикоррупционного кодекса в 2002 г. Только через год, в августе 2003 г., Верховный суд страны закончил разбирательство по искам оппозиции и отклонил их как необоснованные.

Таким образом, выдвигаемые оппозицией обвинения в фальсификации правящей элитой результатов выборов независимо от выбранной формы критики (выступления на митингах и в СМИ или иски в суды), а также требования импичмента действующего главы государства по сути являются попыткой подвергнуть сомнению легитимность власти.

В среде оппозиции весьма распространен метод бойкотирования выборов. В 1995 г. в Зимбабве большинство оппозиционных партий, лишенных принятым накануне дискриминационным законом о финансовой поддержке партий государством, бойкотировали парламентские выборы. В знак протеста против отстранения от участия в президентских выборах 1996 г. экс-президента страны и лидера бывшей правящей партии ЮНИП Кеннета Каунды ЮНИП и шесть других оппозиционных партий бойкотировали выборы. (Как уже упоминалось, К. Каунда, отец которого был выходцем из соседнего Малави, не смог участвовать в выборах из-за принятия властями накануне новой дискриминационной статьи конституции, запрещавшей баллотироваться на пост президента

страны замбийцам менее чем в третьем поколении[40].) И в том и в другом случае бойкот выборов оппозицией облегчил и обеспечил правящим элитам победу. Так, тактика бойкотирования выборов, демонстрирующая непримиримое несогласие с действиями властей, на деле приводит к отрицательному для оппозиции результату – отсутствию мест в законодательном органе. Не приносит ощутимого успеха также тактика выхода оппозиции из различных национальных комиссий и советов, призванных решать важные вопросы общественной жизни страны. Например, в Анголе в мае 2004 г. после неудачных попыток убедить правительство провести выборы в 2005 г. представители оппозиционных партий вышли из состава комиссии по разработке новой конституции. Уступчивость и отсутствие активных действий разрозненной оппозиции привели к тому, что после многократных переносов парламентские выборы состоялись только в сентябре 2008 г. Неоднократно переносились и президентские выборы. В феврале 2010 г. президент Ж.-Э. душ Сантуш, подписывая закон о вступлении в силу новой конституции, заявил, что выборы главы государства состоятся не ранее 2012 г.[41]

Иногда оппозиция в борьбе с властями использует те же методы, которые власти применяют к ней. Идея Ф. Чилубы об «истинном замбийце», которая помогла ему победить на президентских выборах 1996 г., бумерангом ударила по нему самому летом следующего года. ЮНИП и еще пять оппозиционных партий пытались, используя указанную выше поправку к конституции, доказать неправомерность участия Ф. Чилубы в президентских выборах на том основании, что он сам не является «истинным замбийцем». Свои доводы они строили на том, что его отец родился на территории бывшего Заира (ныне Демократическая Республика Конго, ДРК). Однако с самого начала дело больше походило на фарс, чем на серьезное судебное разбирательство. Оппозиция настолько увлеклась, что даже «нашла» и представила суду 8 кандидатов в отцы президента Чилубы: большинство из них были из ДРК, но были также мозамбикцы и даже один выходец из Малави[42]. Последнее выглядело уже совсем неправдоподобно, так как Ф. Чилуба принадлежит к тому племенному союзу народности бемба, который никогда не жил на территории Малави. Иски оппозиции Верховным судом Замбии были признаны несостоятельными, а дело было закрыто. Тем не менее этот ход оппозиции позволил ей долгое время оставаться в центре внимания не только местных, но и зарубежных СМИ, внимательно следивших за ходом политического скандала в стране.

Иногда требования оппозиции касаются изменения символики страны, не отвечающей, по ее мнению, имиджу страны. Например, в Мозамбике оппозиция не один год пытается изменить государственный флаг, на котором изображено автоматическое оружие – автомат Калашникова[*]. В 2002 г., прислушавшись к требованию оппозиционного МНС привести государственные символы в соответствие с изменившимися реалиями, парламент Мозамбика проголосовал за изменение гимна страны, так как старый был официальным гимном правящей партии ФРЕЛИМО. Однако, согласно новой конституции страны, принятой в начале 2005 г., теперь заменить гимн можно только по решению парламента, а в нем после всеобщих выборов 2009 г., как уже упоминалось выше, из 250 мест 192 принадлежат правящей партии ФРЕЛИМО. Вопрос остается открытым, так как власти до сих пор отказываются внести коррективы в государственный флаг страны, а именно убрать изображение автомата Калашникова.

В политической жизни государств Юга Африки в последние годы новые технологии активно внедряются не только в области выборного процесса. Правящие политические элиты для удержания власти все чаще и шире используют новые ПР-технологии. Подача исков в суд на оппозиционную партию – метод борьбы с ней надежный и не новый, а вот судебный иск по поводу присвоения партией чужого бренда является в Африке практически ноу-хау. Именно таким путем пошла правящая партия ЮАР Африканский национальный конгресс, чтобы нейтрализовать влияние создаваемой ее бывшими видными политиками новой партии под названием «Конгресс народа» (КН). АНК через суд пытался запретить КН использовать слово «конгресс», считая его частью своего бренда[43]. Доля справедливости в таком необычном требовании правящей партии есть, так как название партии является важной составляющей ее имиджа. Более того, по законам ПР «стоимость» имиджа АНК, в которую входит многолетняя борьба людей, в том числе погибших, при использовании новой партией части ее названия автоматически переходит к ней. В результате новая партия с названием, похожим на название старого и сильного политического игрока, в силу ассоциативного восприятия без особых затрат и очень быстро начинает людям казаться знакомой и вызывает у них доверие.

Скорее всего, лидеры АНК, не вникая в тонкости ПР-технологий, таким образом пытались ослабить влияние новой оппозиционной партии накануне выборов. Но, следуя логике иска, поданного АНК, многие партии (и не только на Юге Африки) могут подать в суд на политических противников за использование в названии их партий таких слов, как «демократическая», «национальная», «либеральная» и пр.

Рассматривая методы борьбы оппозиции за власть, необходимо также затронуть тему насилия. В некоторых странах региона (Ангола, Мозамбик, Лесото) оппозиционные элиты имеют достаточный опыт его

[*] Наряду с Буркина-Фасо это единственный случай в мировой практике.

применения. С начала 1990-х годов оппозиционные элиты Анголы и Мозамбика применяли его в ходе ведения политической борьбы. В Анголе такая борьба вылилась в длительную гражданскую войну, закончившуюся только после гибели 22 февраля 2002 г. в результате военной операции правительственных войск в провинции Мошику лидера партии УНИТА Ж. Савимби. 4 апреля того же года руководство УНИТА, ослабленное после гибели своего лидера, подписало соглашение о прекращении огня. Однако отдельные группировки боевиков в отдаленных районах по-прежнему грабили и убивали мирных жителей. В Мозамбике в начале 2000-х годов крайне обострились отношения между правительством и оппозицией, недовольной результатами всеобщих выборов, состоявшихся в декабре 1999 г. Как уже отмечалось выше, лидер оппозиционного МНС А. Длакама даже заявил тогда о намерении вновь начать партизанскую войну. Ситуация изменилась после того, как президент страны Ж. Чисссано провел с ним несколько встреч, в результате которых была достигнута договоренность о постоянных консультациях между правительством и оппозицией. Отдельные случаи насилия, однако, снова имели место в ходе подготовки к выборам в 2004 г. Например, в провинции Софала в применении насилия обвиняли телохранителей Афонсу Длакамы[44].

В ходе предвыборных кампаний и проведения парламентских выборов в Анголе (сентябрь 2008 г.) и всеобщих выборов в Мозамбике (октябрь 2009 г.) оппозиция впервые не призывала к насилию, как это было на прошлых выборах в этих странах. Тем не менее в Анголе преследования правозащитников и запрещение некоторых общественных организаций (например, «Мпалабанду» /Гражданская ассоциация Кабинды/ в 2006 г. и Ассоциацию за справедливость, мир и демократию /АСМД/ в 2007 г.) усилили напряжение в обществе, и наблюдатели не исключали новой вспышки гражданской войны[45]. Накануне голосования из-за боязни беспорядков в Луанде закрылись многие магазины, а иностранные компании рекомендовали своим сотрудникам в этот день не выходить из дома. Однако выборы прошли спокойно, без эксцессов и применения физического насилия.

Оппозиция Лесото, прежде всего Национальная партия басуто и Партия свободы Мареметлу, в 1998 г. оспорила результаты выборов и организовала беспорядки и мощные демонстрации протеста. Заручившись поддержкой армейских офицеров, оппозиция даже приняла участие в попытке государственного переворота. Для урегулирования ситуации в стране премьер-министр страны Пакалитха Мосисили был вынужден обратиться за помощью к правительству ЮАР. В других странах региона наряду с развитием парламентских методов борьбы в действиях оппозиции также отмечаются проявления насилия или призывы

к нему. В Зимбабве в ответ на репрессии властей по отношению к членам оппозиционного ДДП в период подготовки и в ходе парламентских выборов 2000 г. лидер оппозиции Морган Тсвангираи прямо заявлял о готовности к ответным насильственным действиям: «Мы ответим насилием на насилие против сторонников ДДП...»[46]. В 2008 г. представители оппозиции заявляли, что после первого тура парламентских выборов было убито 86 их сторонников, а еще 200 тыс. человек были вынуждены стать беженцами. Некоторые соратники М. Тсвангираи высказывали в связи с этим свою готовность отомстить за насилие правительства. В том числе из-за репрессий властей Тсвангираи заявил о снятии своей кандидатуры во втором туре президентских выборов. Он утверждал, что его решение продиктовано предсказуемостью итогов голосования и нежеланием провоцировать новый всплеск насилия[47].

К методу насилия постепенно обратился упомянутый выше католический епископ в Зимбабве Пиус Нкубе, получивший широкую известность как давний и жесткий критик Р. Мугабе и правящей партии ЗАНУ-ПФ. По его мнению, политический и экономический кризис в стране напрямую связан с земельной реформой. В 2005 г. он призвал население страны к мирному народному восстанию: «Сменить его (Р. Мугабе. – *Л.П.*) путем выборов нет никакой возможности. Мугабе уже все спланировал»[48]. Он повторил свои призывы и в 2007 г., но уже не исключал применения силы. 11 марта оппозиция организовала в Хараре массовую молитву, которая была разогнана, полиция арестовала около 50 лидеров протестующих. Нкубе считал, что, если на улицы Хараре и других городов выйдут тысячи людей и потребуют отставки Мугабе, спецслужбы не смогут прекратить такие акции протеста. Его высказывания накануне парламентских выборов 2008 г. также были довольно радикальными. В Замбии за последнее десятилетие протесты оппозиции приобретали не только форму митингов, но и выливались в кровавые столкновения, поджоги храмов и мечетей, как это происходило после президентских выборов в 2006 г.

Главным для оппозиции по-прежнему остается борьба за голоса избирателей на выборах всех уровней. Обобщая обширный материал, касающийся действий оппозиции в ходе подготовки и проведения президентских, парламентских выборов и выборов в местные органы власти в странах Юга Африки за последние полтора десятка лет, необходимо выделить некоторые общие моменты. Прежде всего, это неспособность оппозиционных элит практически во всех странах региона (за исключением Зимбабве) составить серьезную конкуренцию правящим элитам. Серьезной проблемой является также неспособность элит оппозиции к объединению и скоординированным действиям на выборах. Лозунги, выдвигаемые ими в ходе предвыборных кампаний, часто включают эле-

менты популизма, мало предлагается хорошо проработанных конкретных программ действий. Например, в Мозамбике программа лидера оппозиционного МНС А. Длакамы на президентских выборах 2004 г. провозглашала своей целью «повышение уровня веры мозамбикцев в самих себя и в страну, ценность человеческой жизни, равные возможности, а также национальное сплочение»[49]. В Анголе партия УНИТА вела избирательную кампанию парламентских выборов 2008 г. под лозунгами социальной справедливости и перераспределения нефтяных доходов в пользу бедняков, в первую очередь сельских жителей[50]. Однако кроме обвинений в адрес правительства и президента душ Сантуша, по мнению оппозиционеров «погрязшего в коррупции», четких планов экономических реформ партия не предложила.

Новым направлением является выступление оппозиции против экономического присутствия Китая. Антикитайская тема использовалась в Замбии партией Патриотический фронт (ПФ) во главе с М. Сатой во время президентских выборов 2006 г. и привела к вспышкам насилия по отношению к китайским рабочим. Развернув активные дебаты об усилившемся присутствии этой азиатской страны в Замбии, оппозиция пообещала в случае прихода к власти депортировать из страны многочисленных китайских торговцев и рабочих. По заявлению Гая Скотта, бывшего министра сельского хозяйства страны, возглавлявшего в 2006 г. фракцию ПФ в парламенте, «китайские строительные фирмы вытесняют местные компании, а замбийские текстильные предприятия не в состоянии конкурировать с дешевым китайским импортом»[51]. По словам оппозиционеров, одна из проблем заключается в том, что неизвестно даже конкретное число китайцев, находящихся в стране. Правительство утверждало, что их на тот момент насчитывалось 2300 человек, но, по оценкам экономистов, реальная цифра измерялась десятками тысяч. Правительство выступило с критикой ПФ за его антикитайскую пропаганду, а посол Китая в Замбии Ли Бао Донг заявил о намерении китайских властей в случае победы на выборах оппозиции прекратить осуществление строительных проектов в Замбии[52]. На выборах ПФ все же набрала большое количество голосов в городах, где очень сильны антикитайские настроения, так как считается, что иностранные работники отнимают рабочие места у местного населения.

Успех борьбы оппозиционных лидеров зависит от множества факторов: их умения сплотить сторонников, способности к активной, последовательной и длительной борьбе, к компромиссному сотрудничеству с лидерами других партий, и не в последнюю очередь этот успех зависит от финансовой поддержки заинтересованных в деятельности данных лидеров оппозиции со стороны влиятельных корпораций, в том числе зарубежных. Поэтому, чтобы достигнуть желаемого результата, политикам потребовалось разное время. В странах южноафриканского региона некоторые представители оппозиционной элиты, составляя политическую конкуренцию правящей элите, борются за власть активно и настойчиво на протяжении десятилетий. Безусловно, одним не только самым ярким, но и самым успешным представителем оппозиции в этом отношении является председатель партии Движение за демократические перемены Морган Тсвангираи, ставший в результате в 2008 г. премьер-министром Зимбабве. Не приносит пока успеха активная деятельность крупных деятелей оппозиции Майкла Саты (Замбия) и Афонсу Длакамы (Мозамбик). Лидер партии Патриотический фронт М. Сата уже трижды баллотировался на президентских выборах, причем с каждым разом набирая все больше голосов избирателей – в 2001 г. – 3,35%, в 2006 г. – 29,4%, а в 2008 г. – уже 38,1% голосов[53]. Руководимая им партия на парламентских выборах 2006 г. завоевала наибольшее среди оппозиции количество мест (43) и составляет в парламенте основную конкуренцию правящей ДМД, имеющей там 75 мест. В Мозамбике Афонсу Длакама, председатель Мозамбикского национального сопротивления (МНС), начиная с 1994 г. предпринимал четыре попытки победить на президентских выборах. Если на первых из них, в 1994 г., он завоевал 33,7% голосов избирателей, а в 1999 г. – 47,71% голосов избирателей, то в 2004 г. количество его избирателей сократилось до 31,70%. Тем не менее он снова баллотировался на очередных президентских выборах в октябре 2009 г. Но на этот раз оппозиционный политик понес сокрушительное поражение, получив всего 14,9% голосов избирателей[54].

В то же время лидеры некоторых новых оппозиционных партий за достаточно короткий срок их существования сумели добиться более значительных результатов на всеобщих выборах, чем силы старой оппозиции. Так, в Замбии Объединенная партия за национальное развитие (ОПНР), созданная в 1998 г., на выборах в октябре 2008 г. получила в парламенте 21 место, в то время как бывшая правящая Объединенная партия национальной независимости (ЮНИП), созданная в 1959 г., получила всего 2 места. А лидер ОПНР – Хакаинде Хичилема – на выборах 2008 г. стал одним из четырех претендентов на президентский пост и набрал 19,7% голосов избирателей, обогнав по результатам бывшего вице-президента Годфри Миянду, лидера созданной в начале 2000-х годов партии «Наследие»[55]. В ЮАР в парламентских выборах в апреле 2009 г. участвовала новая оппозиционная партия Конгресс народа (КН), созданная в декабре 2008 г. группой членов АНК, сторонников ушедшего в отставку Т. Мбеки. Эта партия под руководством бывшего министра обороны Мосиуоа Лекоты завоевала 7,42% голосов избирателей[56]. Новая партия оппозиции не смогла оказать правящему АНК серьезного

сопротивления, тем не менее ее парламентская группа стала третьей по численности (30 депутатов) после группы АНК (264) и Демократического альянса (67 депутатов)[57].

Оппозиционные политические лидеры часто становятся таковыми в результате борьбы с соперниками за власть внутри самих правящих партий. Недовольные расстановкой политических сил видные представители властвующих элит прибегают к испытанному приему – созданию собственной новой партии. Подобную практику использует политическая элита Замбии. В 2001 г. маневр по созданию партии для получения возможности баллотироваться на президентский пост произвел видный замбийский оппозиционный политик Майкл Сата: выйдя из правящей ДМД, он стал лидером новой партии Патриотический фронт (ПФ). В том же году вице-президент Кристон Тембо, недовольный намерением президента Ф. Чилубы в третий раз баллотироваться на этот пост, с той же целью основал партию Форум за демократию и развитие и оставался ее лидером вплоть до своей кончины в марте 2009 г. В ЮАР уже в первые дни существования партии Конгресс народа ее лидер М. Лекота подверг критике политику правящего АНК и заявил, что новая партия будет участвовать в парламентских выборах весной 2009 г. В своей речи на учредительном съезде партии, состоявшемся 16 декабря 2008 г. в городе Блумфонтейне, он на всех 11-ти государственных языках страны провозгласил: «КН – это партия во имя будущего!»[58] В Намибии так же поступил один из лидеров правящей партии СВАПО Бен Уленга. Обвинив президента С. Нуйому в авторитаризме, он в марте в 1999 г. создал новую партию под названием «Конгресс демократов» (КД), которая, получив на выборах 1999 г. 9,9% голосов избирателей[59], стала главной силой оппозиции. А нынешний президент Малави Бингу ва Мутарика этот политический маневр удачно произвел дважды. Он основал вместе с Бакили Мулузи в 1992 г. партию Объединенный демократический фронт (ОДФ), после его избрания президентом страны критиковал новое правительство, а для участия в следующих президентских выборах в 1999 г. создал новую Объединенную партию. Проиграв на этих выборах с оглушительным результатом (менее 1% голосов избирателей), Мутарика снова вернулся в ОДФ и занял в правительстве пост министра экономического планирования и развития. Но, став президентом страны в 2004 г. как официальный преемник Мулузи, он снова вышел из ОДФ и создал еще одну партию – Демократическую прогрессивную партию (ДПП). Именно она стала правящей в Малави после новой победы Мутарики на очередных выборах, состоявшихся в мае 2009 г.

Оппозиционные элиты, так же как и правящие, используют тактику устранения политических оппонентов посредством выдвижения против

них обвинений в коррупции. Необходимо отметить, что на Юге Африки этот метод за последнее десятилетие оппозицией практикуется часто и бывает довольно результативным, о чем речь пойдет в четвертой главе.

В ЮАР в течение всей избирательной кампании накануне парламентских выборов 2009 г. оппозиция утверждала, что, если АНК получит в парламенте 2/3 голосов, то правительство Дж. Зумы, возможно, попытается изменить конституционное устройство страны, то есть преобразует ее из парламентской республики в президентскую, урезав тем самым полномочия провинций. Лидер партии Демократический альянс (ДА) Хелен Зилле, бывшая тогда мэром Кейптауна (кстати, единственный в ЮАР белый мэр крупного города), свою предвыборную кампанию построила именно под лозунгом «Остановим Зуму – спасем конституцию». Говорил об «угрозе конституционному строю» также лидер партии Конгресс народа Мосиуоа Лекота. В.Г. Шубин назвал эти заявления предвыборной демагогией, отметив, что «АНК находится у власти в ЮАР с 1994 г., партия участвовала в разработке и принятии в 1996 г. действующей конституции страны, и ей незачем ее менять»[60]. Действительно, накануне парламентских выборов 2009 г. АНК в составе парламента располагал большинством в две трети мест, тем не менее не предпринял никаких попыток изменить конституцию.

Связь оппозиционных элит с массами

Политическая роль оппозиции в обществе во многом зависит от степени ее связи с массами, от того, насколько адекватно, реализуя принцип социальной справедливости, она отражает их интересы и потребности. В большинстве случаев лозунгами оппозиционных элит становятся призывы и требования борьбы с голодом, нищетой и СПИДом, увеличение количества рабочих мест, а также снижение инфляции. Такие требования отражают интересы большинства населения, поэтому деятельность оппозиции в этом направлении является прогрессивной и гуманной. Пытаясь завоевать голоса избирателей на будущих выборах, оппозиция привлекает также внимание общественности к проблемам, которые затрагивают интересы беднейших слоев населения, например людей с физическими недостатками. В сентябре 2006 г. бывший президент Замбии К. Каунда, чья партия ЮНИП находилась в оппозиции, выступил на национальном семинаре с докладом, в котором акцентировал внимание на роли общественных организаций в решении данной проблемы[61]. Его позицию поддержали представители других оппозиционных партий. Оппозиция ЮАР критикует власти за то, что, несмотря на разработку политики по предупреждению пыток и противоправного обращения с лицами, находящимися под стражей, а также корректировку

дисциплинарного устава полиции, до сих пор имеют место многочисленные нарушения со стороны правоохранительных органов.

Однако массовую поддержку бедняков оппозиционные элиты иногда используют для достижения целей, совершенно далеких от интересов бедных слоев. Например, в январе 2007 г. в столице Замбии Лусаке прошла трехтысячная демонстрация протестовавших против продажи крупнейшего коммерческого банка страны Zambia National Commercial Bank нидерландскому Rabobank[62]. Акцию протеста возглавил лидер оппозиционной партии Патриотический фронт Майкл Сата, проигравший на президентских выборах в сентябре 2006 г. Леви Мванавасе. Несмотря на заверения правительства, что у него остается пакет акций банка и его сотрудники не потеряют работу, Сата заявлял, что продажа банка не соответствует интересам служащих и страны в целом. Его позицию поддержал представитель демонстрантов Джойс Нонде, давший интервью по этому поводу нескольким западным СМИ. По мнению аналитиков, поведение Саты было популистским и продиктовано намерением снова предстать перед электоратом в образе защитника национальных интересов.

Иногда позиции оппозиционных элит по некоторым вопросам тактики совпадают с позицией правящих элит. Например, в Зимбабве на протяжении политического кризиса 2000-х годов и те и другие спекулятивно использовали страх перед голодом беднейших слоев электората. Власти в условиях чудовищной инфляции и нехватки продовольствия пытались накануне и во время парламентских выборов 2008 г. оказать давление на беднейшую часть населения через систему распределения продуктов питания. Оппозиция во время так называемых «хлебных бунтов» весной 2008 г. обвиняла режим Р. Мугабе в создании продовольственного кризиса и обещала в случае своей победы решить многие социальные вопросы. Этот пример свидетельствует о том, что «разыгрывание продовольственной карты» оппозицией фактически стало частью апробированных политических технологий, прежде всего выборных.

Ставка оппозиции на обещания решить жизненно важные проблемы общества не всегда приводит к желаемому результату. Как уже упоминалось ранее, в ЮАР на выборах 2004 г. оппозиционный Демократический альянс, несмотря на предвыборные обещания бесплатных лекарств от СПИДа, не сумел заручиться поддержкой черных избирателей, а ведь именно они составляют основную массу больных и ВИЧ-инфицированных в стране.

Без поддержки масс населения – социальной основы формирования кадров оппозиции, невозможны ни ее эффективная борьба за власть, ни пополнение ее рядов. Именно поэтому таким важным является отношение оппозиции к становлению гражданского общества. Сам факт существования политической оппозиции в стране указывает на ростки гражданского общества. В рядах оппозиции представители различных социальных групп в зависимости от своей социально-политической ориентации имеют возможность объединяться на основе общих ценностей и взглядов на проблемы общественной жизни. Наличие гражданского общества позволяет социальным группам выражать свое несогласие с политическим и социально-экономическим курсом властей, политическим режимом в целом, а также формировать парламентскую и иную оппозицию.

Правительства и парламенты некоторых стран Юга Африки проводят консультации с неправительственными организациями (НПО) по актуальным проблемам развития, затрагивающим жизненные интересы широких масс (например, бедность, образование, борьба со СПИДом и пр.). Часто эти проблемы активно обсуждаются именно благодаря инициативе и усилиям депутатов парламентов, избранных от оппозиции. Например, в Замбии парламентарии, представляющие оппозиционные партии Объединенная партия национального развития (ОПНР) и Патриотический фронт (ПФ), активно сотрудничают с национальными НПО, принимая участие в некоторых проводимых ими акциях. Их работа в этом направлении общественного развития освещается местными и зарубежными СМИ. В августе 2007 г. неправительственные организации «Гражданское общество и сокращение бедности» (CSPR), «Неправительственная организация Координационный Совет» (NGOCC) и др. направили правительству и в парламент письмо с выражением удовлетворения и благодарности названным партиям оппозиции за поддержку их деятельности[63]. Оппозиция, поддерживая некоторые инициативы общественных организаций, пытается через СМИ сообщать об этом, и это положительно влияет на ее образ защитника интересов населения.

Часто позиции властных и оппозиционных элит в вопросе поддержки деятельности НПО расходятся. Так происходит в ЮАР, Анголе и Замбии в отношении общественных организаций, работающих в сфере реабилитации жертв сексуального насилия (как правило, женщин и детей) и профилактики этих противоправных актов. Например, в ЮАР в 2004 г. оппозиционная партия ДА поддержала общественные организации, оказывающие помощь жертвам сексуального насилия, которые активно выражали недовольство задержкой окончательного принятия «Закона о сексуальных преступлениях»[64]. Как показывает практика, правящие элиты, имеющие в своем распоряжении необходимые рычаги формирования внутренней политики, далеко не всегда предпринимают меры для правового регулирования в этой сфере. Более того, в большинстве стран региона они избегают сотрудничества с организациями гражданского общества в борьбе с сексуальным насилием. Это становится

хорошим поводом для критики властей со стороны оппозиции, а также формирует и укрепляет ее образ в глазах общественности в качестве защитника прав человека.

Процесс становления гражданского общества требует перехода от так называемой «культуры конфликта» к «культуре согласия», а это требует осознания различными группами граждан общности базовых интересов. Прежде всего, это касается политических элит. К сожалению, политическая история стран Юга Африки в последние десятилетия не изобилует свидетельствами отказа политических элит от конфликтных методов решения вопросов и эффективного перехода к толерантности в отношениях как с политическими оппонентами, так и своими соратниками. Это проявляется в недостаточном внимании оппозиции к выборам в органы местного самоуправления (части гражданского общества), что приводит к потере ею влияния на значительную часть электората. Перечисленные недостатки тактики оппозиции наглядно демонстрируют события последних лет в Мозамбике. Оглушительное поражение главной оппозиционной партии страны МНС на муниципальных выборах осенью 2008 г. (она одержала победу лишь в одном из 43 муниципалитетов), несомненно, негативно сказалось на результатах, полученных ею на всеобщих выборах в октябре 2009 г. Ситуацию осложнил также произошедший раскол в рядах партии. Раскол в МНС всего за несколько месяцев до выборов из-за недовольства (или боязни соперничества) лидера А. Длакамы своим преемником Д. Симангу* и создание последним собственной партии Демократическое движение Мозамбика заметно ослабили позиции основной оппозиционной силы страны. В результате этого раскола произошел «отток» голосов потенциальных избирателей МНС к ДДМ как на президентских, так и на парламентских выборах 2009 г. В результате на выборах главы государства Длакама получил 14,9% голосов[65], а на парламентских выборах его партия смогла завоевать только 48 мест. Таким образом, парламентская фракция МНС сократилась практически вдвое, так как после предыдущих выборов в 2004 г. она получила 90 мест. Этот пример демонстрирует, как борьба политических лидеров за влияние внутри самих оппозиционных партий приводит к их дроблению и ограничивает влияние оппозиции в парламенте.

Понимание того, что именно в сфере местного самоуправления отчетливо прослеживается ответственность членов общества за результаты своего политического, прежде всего электорального, поведения (что, в свою очередь, способствует усилению демократического элемента в

* Именно он был тем единственным представителем МНС, выигравшим на выборах мэра второго по величине города страны Бейра.

политической культуре общества) показывает деятельность партии Демократический альянс в ЮАР. При подготовке к муниципальным выборам 2006 г. партия учла недовольство населения Кейптауна партией АНК, которое было вызвано скандалами, связанными со злоупотреблениями и взяточничеством городской администрации, а также недостаточным обеспечением жителей базовыми услугами[66]. ДА мобилизовалась и выставила на выборах мэра кандидатуру достаточно известного политика Хелен Зилле, провела эффективную предвыборную кампанию и сформировала в глазах избирателей имидж чистой от обвинений в крупных злоупотреблениях деньгами и властью партии. Ее новый лидер (с 2007 г.) Хелен Зилле, занимающая теперь пост премьера Западного Кейпа[67], продолжает эту политику. (Кстати, в 2008 г. независимая организация City Mayors, занимающаяся исследованиями в сфере политики, экономики и образования, признала Х. Зилле лучшим главой городской администрации в мире; в список входили 820 мэров.)[68]

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в некоторых странах Юга Африки, несмотря на различие конкретных политических целей, оппозиционные элиты, так же как и правящие элиты, сообща взаимодействуют с НПО в ряде вопросов на пути становления гражданского общества. Однако оппозиция пока не в состоянии добиться того, чтобы накопленный опыт стал основой для пересмотра или совершенствования правящей элитой действующего законодательства. Как правило, деятельность оппозиции приводит (а иногда только на это и направлена) лишь к повышению положительного имиджа ее политиков и партий накануне предвыборных кампаний. А гражданам, живущим за чертой бедности, сложно осознать общность базовых интересов с борющимися за их голоса политиками, которые одеты в дорогие костюмы от известных дизайнеров и приезжают для предвыборной агитации в районы трущоб на супердорогих автомобилях.

Признавая определенные успехи оппозиционных элит ЮАР, Замбии, Ботсваны и Зимбабве во взаимодействии с местными и международными НПО, необходимо отметить, что поддержка оппозиционными элитами региона тех или иных общественных организаций в основном носит эпизодический характер и связана с возможностью использования социальной энергии активной части общества для достижения электорального успеха и компрометации политических противников. Перейдя из разряда оппозиционных в разряд правящих, политические элиты часто игнорируют интересы большей части общества, чинят препятствия и даже запрещают деятельность общественных организаций, выражающих несогласие с их политикой.

Есть примеры эффективного взаимодействия оппозиции с общественностью. Например, благодаря усилиям общественности Зимбабве (в

том числе и ее финансовой поддержке), симпатизирующей оппозиционной партии ДДП, М. Тсвангираи удалось дважды освободить из-под ареста: в марте 2002 г. он был освобожден под залог в 1,5 млн зимб. долларов, а сумма залога после его повторного ареста в июне 2003 г. не афишировалась. Генсек партии Уэлшман Нкубе только уточнил, что «зимбабвийцы охотно собирали деньги на залог для Тсвангираи. Люди не позволили государству обанкротить нас»[69]. Урегулирование конфликта между ЗАНУ-ПФ и ДДП после освобождения Тсвангираи путем так называемой «челночной дипломатии» также проходило при посредничестве церковных групп и НПО Зимбабве и ЮАР[70].

Практика последних десятилетий показывает, что, за исключением ЮАР и Зимбабве, в других странах региона оппозиционные политические элиты, так же как и правящие, пока не готовы к поддержке становления гражданского общества. Более того, зачастую они вообще не заинтересованы в нем, фактически полностью концентрируясь на борьбе за власть[71].

Интеграция оппозиционных элит и эффективность их борьбы в 2000-е годы

В государствах Юга Африки необходимость политической интеграции оппозиции как одного из гарантов социальной стабильности объективно доказана ходом исторического развития в последние десятилетия. Объединение сил оппозиции позволяет несколько снизить накал межпартийного соперничества, а также минимизировать вероятность резких перепадов в политическом курсе страны при смене администраций или при переходе власти от одной партии к другой.

Наглядным примером успешной тактики борьбы оппозиционных элит за власть именно на основе интеграции ее сил может служить история становления главной оппозиционной партии ЮАР Демократический альянс. Партия, созданная в 2000 г. как предвыборный альянс Демократической (ДП) и Новой национальной (НПП) партий, имеет не только солидные исторические «корни», но и опыт политический борьбы – ДП сыграла немаловажную роль в ходе переговоров о создании переходной конституции. Если на первых демократических выборах 1994 г. ДП набрала всего 1,7% голосов избирателей и получила 10 мест в парламенте, то после смены лидера (Зах де Биера сменил сторонник защиты прав человека, федеративного устройства и свободного предпринимательства Тони Леон) в 1999 г. получила уже 9,6% голосов и 38 мест в парламенте. Таким образом, она сменила Новую национальную партию в роли лидера официальной оппозиции. Руководство партии ДА проявило достаточную стойкость в условиях утраты влияния в Кейптауне и других муниципалитетах Западного Кейпа после заключения ННП альянса с АНК в 2001 г. Продолжив тактику объединения, ДА на выборы 2004 г. снова пошла в союзе с несколькими мелкими оппозиционными партиями. В результате она набрала 12,4% голосов избирателей и получила в парламенте 50 мест, став второй политической партией по величине фракции[72]. А под руководством Хелен Зилле, сменившей в 2007 г. Тони Леона на посту лидера партии, ДА на парламентских выборах 2009 г., как уже указывалось ранее, увеличила количество депутатских мандатов до 67[73].

Для достижения политических целей оппозиции необходимы не только желание, но и умение и решительность ее лидеров договориться с руководителями других партий о совместных действиях и убедить своих соратников по партии в правильности данной тактики в конкретный исторический момент. Все эти качества демонстрирует оппозиционная элита Ботсваны. Накануне парламентских выборов 2004 г. три основные оппозиционные партии – Национальный фронт Ботсваны (НФБ, президент – Отсвелетсе Моупо), Народная партия Ботсваны (НПБ, президент – Бернард Баликане) и Ботсванское движение альянса (БДА, лидер – Л. Сеташваело) – смогли объединить свои силы и завоевать в парламенте 12 мест. А действовавшая самостоятельно Партия конгресса Ботсваны (ПКБ) под руководством своего лидера Г. Салешандо завоевала только одно место. Кстати, именно это послужило причиной того, что он не был переизбран на этот пост, и теперь партию возглавляет Отлаадиса Коосалетсе.

Примеры результативного интеграционного процесса в среде политической оппозиции есть также в Замбии. С середины 1990-х годов лидеры замбийской оппозиции неоднократно заявляли о необходимости объединения, но реальных результатов было мало. После поражения на президентских выборах 1996 г. оппозиционная элита вновь попыталась объединить свои усилия, но созданная летом 1997 г. Национально-патриотическая коалиция, в которую формально вошли 12 партий, уже через несколько недель начала разваливаться. Весной 1999 г. начался массовый исход из правящей партии ДМД не только активистов, но и рядовых членов партии. Это произошло в результате выхода из партии сторонников национального казначея ДМД Сильвии Масебо. Ею была создана так называемая Группа давления, которая в числе других оппозиционных партий вошла в Замбийский альянс за прогресс (ЗАП). Создание в мае 1999 г. этого интеграционного объединения оппозиции можно считать ее определенной удачей. В него, помимо упомянутой выше Группы давления, вошли шесть оппозиционных партий: Замбийский демократический конгресс (ЗАДЕКО), Повестка дня Замбии (ПДЗ), Партия Лима (ПЛ), Национальная партия (НП), Партия труда (ПТ) и

Национальная христианская коалиция (НХК). Цель объединения оппозиции – победа на всеобщих выборах 2001 г. и создание правительства национального единства[74]. Но ЗАП было отказано в официальной регистрации в качестве самостоятельной политической партии. Причиной отказа явилось то обстоятельство, что ни одна из партий, вошедших в альянс, не пожелала самораспуститься, а это противоречит замбийской конституции. Удивляет тот факт, что подобная неудача оппозиции вызвана недостаточной подготовкой юридической базы, хотя многие видные деятели вышеназванных партий являются профессиональными юристами.

Однако ЗАП не представляла серьезной угрозы режиму Ф. Чилубы. Объединение носило формальный характер, более того, к ЗАП не присоединилась крупнейшая из оппозиционных сил – партия ЮНИП, которая после убийства сына ее лидера К. Каунды, Уези Каунды, находилась на грани раскола. Генеральный секретарь ЮНИП Себастьян Зулу тогда заявил, что «партия не намерена присоединяться ни к какой коалиции»[75].

В начале 2000-х годов серьезных успехов в деле объединения не было. К 2008 г. ситуация изменилась коренным образом. Накануне досрочных выборов в октябре 2008 г. была создана оппозиционная коалиция под названием «Объединенный демократический альянс» (ОДА) во главе с лидером Объединенной партии за национальное развитие (ОПНР) Хакаинде Хичилемой. В нее также вошла бывшая правящая партия ЮНИП, во главе которой находился долгие годы первый президент независимой Замбии Кеннет Каунда. Выступая по замбийскому радио, он призвал избирателей голосовать за Хакаинде Хичилему, который, по его мнению, обладает качествами лидера[76]. Выступив единым фронтом на выборах, партии коалиции выдвинули своим кандидатом Х. Хичилему, и он набрал 19,7% голосов избирателей[77].

В 2009 г. партии ПФ и ОПНР объединили свои усилия в борьбе на предстоящих в 2011 г. президентских выборах. Однако к середине 2010 г. в рядах этих оппозиционных партий стало проявляться недовольство отсутствием прогрессивных идей у Х. Хичилемы и М. Саты. В мае из ОПНР вышло и присоединилось к правящему ДМД более 100 человек[78]. А в январе 2011 г. подобным образом поступило более 700 членов ПФ[79].

В Мозамбике оппозиционная партия Мозамбикское национальное сопротивление перед выборами 1999 г. смогла объединить вокруг себя 11 других партий и выступить с ними единым блоком. Кандидатом от него был выдвинут лидер МНС Афонсу Длакама. А вот на всеобщих выборах, состоявшихся в октябре 2009 г., оппозиция не только не смогла выступить единым блоком, но и за несколько месяцев до них в ее рядах произошел серьезный раскол, о котором уже шла речь. В результате два кандидата от оппозиции на пост президента – Афонсу Длакама (МНС) и Давиш Симангу (Демократическое движение Мозамбика) – набрали, как упоминалось ранее, всего 14,9% и 8,8% голосов избирателей соответственно. Не располагая внушительной этнической и социальной базой, мозамбикская оппозиция рассчитывала только количественно расширить свое представительство в органах власти всех уровней. Но по причине раскола это оказалось неосуществимым. Крупное поражение оппозиции на парламентских выборах, проходивших одновременно с президентскими (прежде всего поражение МНС, получившей вдвое меньше мест в парламенте по сравнению с выборами 2004 г.), еще раз доказало пагубность раздробленности и неспособности оппозиционных сил страны выступить в борьбе за власть единым блоком. В то же время поражение оппозиции на выборах имело и положительные моменты. Сразу после выборов 12 мелких партий оппозиции объединились в коалицию под названием «Группа двенадцати» (G-12) и заявили о своем намерении продолжать дальнейшую политическую борьбу совместно[80]. Единственной целью, которая объединяла тогда не участвовавшие в выборах крошечные партии нового альянса, – это желание бороться за власть и невозможность соблюсти все требования закона для самостоятельного участия в выборах. Насколько жизнеспособно новое интеграционное объединение оппозиции в условиях существующей политической культуры в стране покажет время, тем более что уже в течение первой недели существования альянса две партии из него вышли.

В Лесото в 1999 г. был создан союз оппозиционных партий под названием «Демократический альянс Хоканяна-Пхири», в который вошли 13 партий[81]. Накануне президентских выборов 2002 г. сумели объединиться также оппозиционные силы Зимбабве и выдвинуть единым кандидатом на пост главы государства лидера ДДП Моргана Тсвангираи.

Разрозненность большинства оппозиционных сил остается серьезной политической проблемой в странах Юга Африки. Причина происходящего кроется, прежде всего, в отсутствии у большинства лидеров оппозиции четких программ, а также наличии больших амбиций, мешающих объединению. Как отмечает израильский социолог Ш. Эйзенштадт, так происходит в тех обществах, «…где преобладают относительно изолированные и несплоченные элиты», которые пытаются «… усилить свою власть популистскими призывами»[82].

Среди оппозиционных лидеров в странах южноафриканского региона немало ярких и харизматических личностей. Однако на протяжении многих лет лидерство в оппозиции принадлежит практически одним и тем же политикам (например, Г.М. Бутелези в ЮАР, М. Тсвангираи в

Зимбабве, А. Длакама в Мозамбике, М. Сата в Замбии). Практически все они применяют авторитарные методы в управлении партиями. Некоторые, например лидер Инкаты Г.М. Бутелези, построили партии и используют их довольно длительный период времени «как базу своей личной власти»[83]. В то же время на политическом поле появляются новые сильные «игроки» из числа оппозиции, например Х. Зилле в ЮАР. В рядах оппозиционных лидеров действует все больше молодых политиков. Яркий пример – мозамбикский лидер Давиш Симангу, которому 47 лет. Исключение из МНС сыграло на руку Симангу, который в качестве лидера новой партии смог выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах в октябре 2009 г. Перед выборами энергичный молодой политик с целью расширения круга сторонников за счет мозамбикских иммигрантов уже в первый месяц существования своей партии посетил Португалию, Бельгию, Голландию, Германию и Швецию. В Замбии одним из видных оппозиционных лидеров является Хакаинде Хичилема. У аналитиков личность этого успешного бизнесмена и политика вызывает неоднозначные оценки, и для этого есть некоторые основания. Например, в книге *Levy Patric Mwanawasa. An Incentive For Posterity*, написанной исполнительным редактором замбийской газеты The Post Амосом Малупенгой, приводятся свидетельства того, что в 2006 г. президент страны Л. Мванаваса высказывал сожаление в связи с невыполнением Хичилемой его обещаний присоединиться после президентских выборов к правящей партии ДМД[84].

Несомненным свидетельством овладения оппозицией парламентскими формами борьбы является отсутствие с начала 2000-х годов в регионе кровопролитных конфликтов, не считая завершающего этапа урегулирования ситуации в Анголе и Мозамбике. А в Малави в условиях крайней политической напряженности оппозиция сумела добиться законодательного закрепления положения, согласно которому второй вице-президент обязательно должен принадлежать не к той партии, что сам президент и его первый заместитель.

Наиболее эффективной в регионе на сегодняшний день является оппозиция Зимбабве и Ботсваны. Оппозиция в Зимбабве накануне президентских выборов 2002 г. была еще недостаточно сильной и сплоченной, тем не менее становилось все более очевидным, что для правящих кругов она уже стала реальной силой и представляла угрозу. Несомненным успехом оппозиции в Зимбабве стало создание коалиционного правительства в 2008 г. и назначение в начале 2009 г. лидера оппозиции М. Тсвангираи премьер-министром. Однако положение осложняется продолжающимся непониманием между М. Тсвангираи и президентом Р. Мугабе. По поручению САДК посредником в регулировании политического диалога между ними выступает президент ЮАР Дж. Зума. А в

Ботсване оппозиция, прежде всего представленная в парламенте, в результате острой внутриполитической борьбы сумела стать реальной политической силой, которая влияет на принятие важных государственных решений.

Как уже отмечалось, с середины 2000-х годов в ЮАР значительно упрочила свои позиции оппозиционная партия Демократический альянс. В 2007 г. ее новый лидер Х. Зилле, выступая в Центре международных политических исследований в Университете Претории, заявила, что партия решительно пересмотрит свою политику перед выборами 2009 г. Если до сих пор ее главной целью было сохранение оппозиции в стране как таковой, то настало время проведения политики равных возможностей для всех. Это меняет устоявшееся мнение о ДА как о партии исключительно белых, пренебрегающей интересами черного большинства. Зилле отмечала, что в ближайшие годы дебаты между ДА и АНК будут сконцентрированы вокруг проблемы роли государства. ДА выступает за поощрение, распространение и расширение возможностей в сфере политики для всех сил, которые «отдают приоритет экономическому росту»[85].

В октябре 2007 г. Хелен Зилле обвинила тогдашнего президента страны Т. Мбеки в нарушении конституции. По поводу решения президента отправить в отставку генпрокурора Вуси Пиколи и заместителя министра здравоохранения Носизве Мадлалу-Раутледж она заявила: «Мы имеем дело с кризисом общественного доверия, а, может быть, и с конституционным кризисом, которому не видно конца»[86]. Т. Мбеки на тот момент оставалось менее половины его второго и последнего, согласно конституции, президентского срока. Независимые аналитики утверждали, что Пиколи лишился поста потому, что ему удалось получить ордер на арест главы полиции Джеки Селеби по обвинению его в связях с организованной преступностью, а Селеби считался близким союзником президента Т. Мбеки. В это время Пиколи как раз активно и успешно работал по делу обвинения бывшего заместителя президента Джекоба Зумы в коррупции. Скорее всего, его слишком усердное расследование истории о взятках высокопоставленным чиновникам во время оформления контрактов на поставку в ЮАР оружия из Германии и Франции в 1999 г. на несколько миллиардов долларов США привели к неожиданным результатам. В СМИ тогда писали, что расследование могло затронуть и президента Мбеки. Гнев оппозиции по поводу отставки замминистра здравоохранения Мадлалы-Раутледж поддержали даже союзники АНК – компартия страны и КОСАТУ.

Оппозиционная элита ЮАР с начала 2000-х годов предпринимает более активные попытки повлиять на политический процесс. Прежде всего, это касается парламентской оппозиции. Ее выступления часто

поддерживаются различными организациями гражданского общества. В оппозиции в лице партии Конгресс народа появился новый политический актор, сумевший за короткое время составить серьезную конкуренцию старой оппозиции. Именно представитель КН Мвуме Дандала стал основным соперником Зумы на выборах в парламенте в апреле 2009 г. (за М. Дандалу проголосовали 47 из 400 депутатов парламента). Накануне выборов Мвуме Дандала заявил, что «голосуя за партию Конгресс народа, южноафриканцы голосуют за будущее»[87].

Длительное время несогласие членов АНК с отдельными фактами в деятельности партии, независимо от их положения в ней, оставалось в основном в сфере эмоций. С момента завоевания власти в 1994 г. только единицы решились покинуть ряды партии. По мнению российского исследователя А.Н. Касимовой, основная причина такого положения состояла в том, что выход из АНК или переход в другие партии расценивался правящей партией как отказ от участия в общем деле и «переводил инакомыслящих однопартийцев в разряд предателей и изменников»[88]. Таким образом, для известных партийных деятелей АНК, несогласных с политикой его руководства, уход из партии на тот момент был равносилен окончанию политической карьеры. Победа Дж. Зумы и его сторонников на съезде в Полокване в декабре 2007 г. дали несогласным пример возможности активно действовать, а выход видных членов АНК во главе с М. Лекотой и создание ими в декабре 2008 г. новой оппозиционной партии Конгресс народа указали путь и направление этих действий.

Хотя оппозиционные элиты в странах Юга Африки и добились определенных успехов в борьбе за власть, в целом они еще не представляют серьезной конкуренции правящим элитам. Прежде всего, это относится к Анголе и Мозамбику. Особо показателен пример Мозамбика. Длительное время, несмотря на существование в стране около 40 политических партий, в парламенте были представлены только две из них – бессменно правящая ФРЕЛИМО и Мозамбикское национальное сопротивление во главе с А. Длакамой, являвшееся избирательным альянсом. В предвыборную борьбу на президентских выборах, состоявшихся 28 октября 2009 г., из 40 партий вступили только 17 партий и 2 коалиции. Из трех кандидатов на президентский пост вновь победу одержал действующий президент А. Гебуза, набравший 76,3% голосов избирателей[89].

Оппозиционные элиты стран региона, также как и властвующие элиты, сохраняют черты традиционных отношений. Они используют в своей деятельности различные традиционные ритуалы, символы и пр. В государствах Юга Африки к харизматическим лидерам можно отнести Гатша Мангосуту Бутелези (Инката фридом парти – ЮАР), Моргана Тсвангираи (партия ДДП – Зимбабве), Майкла Сату (партия Патриотический фронт – Замбия), а также Афонсу Длакаму (партия МНС – Мозамбик). Некоторые лидеры оппозиции (например, А. Длакама в Мозамбике) активно выступают за признание роли традиционных институтов власти в качестве посредника между государством и общественностью, и это обеспечивает им поддержку старейшин и вождей на выборах.

* * *

Анализ состава и деятельности оппозиционных элит в государствах Юга Африки позволяет сделать вывод, что в большинстве стран региона оппозиция пока не сложилась как организованная политическая сила. Для оппозиции характерны, прежде всего, раздробленность, формирование в основном на этнорегиональной основе, распространение патронажно-клиентельных отношений. Действия оппозиции в основном малоэффективны, так как в результате раздробленности партий и слабой разработки программных установок ей не удается сплотиться и выступить единым фронтом в период избирательных кампаний. Особенности развития современной политической оппозиции (как внутренне противоречивого социального явления) в государствах южноафриканского региона во многом объясняются характерным для переходного общества сочетанием демократических норм и ценностей с авторитарными подходами и методами.

При отсутствии в странах региона отлаженной системы постоянной ротации политических сил у власти, оппозиция, являясь основным каналом выражения социального недовольства в обществе, выполняет в политическом процессе следующие функции: ограничивает злоупотребления властью, пытается добиваться уступок от властных структур и корректировать политику, препятствует нарушению гражданских и политических свобод населения. В конечном счете оппозиция выступает в качестве важного фактора политического обновления общества, а ее усилия в некоторых случаях приводят к поддержанию социальной стабильности в обществе.

На сегодняшний день реальную политическую силу представляет собой оппозиция в Ботсване, Замбии, Зимбабве и ЮАР. По отношению к другим странам Юга Африки правомернее говорить о борьбе разных фракций политической элиты за власть. Многопартийность в таких условиях, по мнению Н.Д. Косухина, выражается в «институционализации оппозиции на базе этнических, региональных или конфессиональных интересов»[90].

---

[1] *Bachrach P.* The Theory of Democratic Elitism; A Critique. Boston: Little, Brown and Company, 1967. P. 7.

[2] Africa South of the Sahara 2009. L.: Routledge, 2008. P. 1287.
[3] Страны Африки 2002. М., 2002. С. 644.
[4] http://www.newzimbabwe.com/pages/electoral203.17984.html
[5] http://www.africanelections.org/botswana/news/page.php?news=4326
[6] http://www.parliament.gov.za/live/content.php?Item_ID=153
[7] http://www.elections.org.za/Elections2004_Static.asp?radResult=0
[8] http://www.electionwatch.org.na/results?q=node/15
[9]http://www.swapoparty.org/spotlight_2009_namibia_presidential_and_national_assembly_elections_results.html
[10] http://www.angola.org/190908.html
[11] Страны Африки 2002. С. 626.
[12] Там же. С. 656.
[13] http://allafrica.com/stories/200910201093.html
[14] ИТАР-ТАСС. Страны мира сегодня. 2009 г.
[15] Современная Африка: метаморфозы политической власти. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 233.
[16] Политические партии современной Африки. М., 1998. С. 68.
[17] http://allafrica.com/stories/201004150800.html
[18] http://www.news24.com/Africa/News/Swazi-king-takes-new-teen-wife-20050612
[19] *Hudleston S.* Face of Courage. A Biography of Morgan Tsvangirai. Cape Town: Double Storey, 2005. P. 44.
[20] Mail&Gardian. 2006. October 24.
[21] Компас. ИТАР-ТАСС. 2008. № 49. С. 70.
[22] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2004. 29 ноября.
[23] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 20 марта.
[24] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2005. 22 апреля.
[25] См.: Democracy in Zambia: Challenges for the Third RepubIic / Ed. Owen Sichone and Bornwell Chikulo. Harare, 1996. P. 46.
[26] См.: *Rakner L. and Skalnes T.* Political Institutions and Economic Reform: Zambia and South Africa in Comparative Context. Bergen, 1996. P. 7–8.
[27] Цит. по: *Hudleston S.* Op. cit. P. 43.
[28] Компас. ИТАР-ТАСС. 2008. № 39. С. 55.
[29] http://www.euronews.net/ru/article/05/09/2008/claims-of-chaos-in-angola-s-election
[30] http://www.reuters.com – 2008. March 29.
[31] Цит. по: *Hudleston S.* Op. cit. P. 66.
[32] Ibid. P. 67.
[33] Times of Zambia. Ndola. 2008. November 7.
[34] www.zambianchronicle.com/?tag=hakainde-hichilema
[35] Компас. ИТАР-ТАСС. 2005. № 2. С. 23.
[36] Цит. по: *Calland R.* Anatomy of South Africa. Who Holds the Power? South Africa: Zebra Press, 2006. P. 266.
[37] Компас. ИТАР-ТАСС. 2003. № 44. С. 83.
[38] BBC News. 2000. March 14.
[39] *Hudleston S.* Op. cit. P. 72.

[40] The Constitution of Zambia (Amendment) Act, 1996. Lusaka: Government Printer, 1996. Part IV. Article 34.3 (b).
[41] http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B5F682D17-B8CB-4A6B-90B3-224B3B56BA1D
[42] См.: Современные африканские лидеры. Политические портреты. М.: Издательский дом «XXI век-Согласие», 2001. С. 134.
[43] Компас. ИТАР-ТАСС. 2008. № 49. С. 72.
[44] http://www.amnesty.org.ru/report2005/moz-summary-rus
[45] http://amnesty.org.ru/node/147
[46] Цит. по: *Hudleston S.* Op. cit. P. 62.
[47] http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7474000/7474606.stm
[48] www.allafrica.com/stories/200503290018.html
[49] Manifesto Eleitoral. RENAMO-União Eleitoral. Por uma Mudança Tranquila, 2004. С. 2.
[50] http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/7594353.stm
[51] The Guardian Weekly. L. 09.02.2007.
[52] http://www.africa-confidential.com/whos-who-profile/id/3123
[53] http://www.zambian.com/html/zambia-elections-results.html
[54] http://www.poptel.org.uk/mozambique-news/newsletter/aim389.html
[55] http://www.zambian.com/html/zambia-elections-results.html
[56] http://www.elections.org.za/NPEPWStaticReports/reports/ReportParameters.aspx? catid=6
[57] http://www.elections.org.za/NPEPWStaticReports/reports/ReportParameters.aspx? catid=9
[58] Mail & Gardian. Johannesburg. 2008. December 15.
[59] Страны Африки 2002. С. 666.
[60] http://www.rbcdaily.ru/2009/04/23/focus/411927
[61] http://zambianchronicle.com/?cat=250
[62] http://www.rabobank.com/content/about_us/rabodevelopment/zncb_zanaco.jsp
[63] www.sarpn.org.za/documents/d0002775)
[64] http://www.universalhumanrightsindex.org/documents/828/1042/document/ru/text.html
[65] http://www.poptel.org.uk/mozambique-news/newsletter/aim389.html
[66] Cape Times. 2003. November 14.
[67] http://www.whoswhosa.co.za/user/3528
[68] http://www.bbc.co.uk/2/hi/africa/7998328.stm
[69] *Hudleston S.* Op. cit. P. 108.
[70] Ibid. P. 109.
[71] См.: *Прокопенко Л.Я.* Социально-политическая атмосфера становления гражданского общества // Африка: проблемы становления гражданского общества. М.: Институт Африки РАН. 2009. С. 102.
[72] http://www.elections.org.za/Elections2004_Static.asp?radResult=45
[73] http://www.elections.org.za/NPEPWStaticReports/reports/ReportParameters.aspx?catid=6

[74] См.: *Прокопенко Л.Я.* Замбия: особенности становления многопартийной системы (90-е годы). Ученые записки. Вып. 17. М.: Институт Африки РАН, 2000. С. 48.

[75] Современные африканские лидеры. Политические портреты. С. 137.

[76] www.zambianchronicle.com/?tag=hakainde-hichilema

[77] http://www.zambian.com/html/zambia-elections-results.html

[78] Бюллетень Посольства РФ в Замбии. 2010. 21 мая.

[79] http://www.presidentbanda.com/inthenewsshow.aspx?id=179

[80] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 9 ноября.

[81] Страны Африки 2002. С. 653.

[82] *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. Пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 1999. С. 345.

[83] См.: *Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999. С. 225.

[84] http://panel-on-zed.blogspot.com/2009/12/levy-patrick-mwanawasa-incentive-for.html

[85]http://www.polity.org.za/article/da-zille-speech-by-da-leader-helen-zille-at-the-launch-of-the-partys-2009-election-campaign

[86] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2007. 20 октября.

[87] www.saelections.co.za/.../bishop-mvume-dandala-announced-as-copes-presidential-candidate

[88] *Касимова А.Н.* Политическая власть и оппозиция в современной ЮАР. М.: Институт Африки РАН, 2009. С. 102.

[89] http://www.poptel.org.uk/mozambique-news/newsletter/aim389.html

[90] *Косухин Н.Д.* Африка: поиски обновления. Динамика политических изменений в конце XX–начале XXI в. М.: Институт Африки РАН, 2007. С. 127.

Глава IV

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ РЕГИОНА И КОРРУПЦИЯ

Коррупция в политических элитах и ее влияние на политический процесс

В последние годы политические элиты некоторых государств южноафриканского региона не только привлекли к себе внимание СМИ, но и оказались в центре пристального внимания политиков, исследователей и международной общественности. Большая часть интереса к ним возникла из-за громких коррупционных скандалов: в ЮАР президентом был избран Джекоб Зума, в течение нескольких лет обвинявшийся властями в коррупции, в Замбии 6-летнее расследование причастности к коррупции бывшего президента Ф. Чилубы завершилось признанием его вины британским судом, а имя президента Анголы Ж.-Э. душ Сантуша с 2002 г. неоднократно упоминалось в западных СМИ в связи с международным скандалом, получившим с легкой руки французских журналистов название «Анголагейт»[*]. Даже если рассматривать обвинения в адрес названных глав государств в качестве одного из методов борьбы между элитами, прежде всего попыток их политической дискредитации, в регионе прослеживается усиление коррупции в среде правящих политических элит.

Коррупция, независимо от того, является она простой взяткой в виде денег в конверте или принимает более сложную форму, какой является политическая коррупция, приводит к возникновению клептократии – власти коррупционеров (дословно «власть воров»). Эта тема была детально и глубоко проработана российским исследователем Л.В. Гевелингом в монографии «Клептократия: социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики» (М.: Издательство «Гуманитарий», 2001). Он справедливо отмечает, что коррупция – «деструктивное, крайне опасное и широко распространенное в Африке явление», тесно связанное «с негативной экономикой и организованной преступностью»[1]. Подкуп политиков и государственных чиновников осуществ-

[*] Скандал связан с поставками оружия французскими бизнесменами в Анголу в 1990-е годы.

ляется или как банальное перечисление денег на специальные счета, или в виде внешне вполне легальной схемы, в рамках которой они получают солидные суммы в качестве консультантов или лекторов. В результате коррупция порождает слой политически влиятельных фигур, которые существуют и управляют во многом благодаря ей. В конечном счете эта часть коррупционной правящей политической элиты влияет на изменение внутри- и внешнеполитического курсов страны в интересах конкретных национальных или зарубежных промышленных групп. Этот процесс так или иначе происходит во всех странах Юга Африки.

Признание влияния коррумпированности правящей элиты той или иной страны на ее развитие уже вышло за рамки только научных исследований и сформулировано многими международными организациями. Например, в 2002 г. тогдашний председатель ведущей международной неправительственной организации в области исследования коррупции «Трансперенси интернешнл» (Transparency International) Питер Айген отмечал: «Политические элиты и их подручные продолжают брать взятки при каждой возможности. Рука об руку с коррумпированными предпринимателями они загоняют целые нации в ловушку нищеты и препятствуют устойчивому развитию»[2]. В Африке коррупция и неэффективность борьбы с ней часто перечеркивают многие реальные достижения политических лидеров.

Власть и богатство в африканских странах часто воспринимаются как синонимы. Часто тот, кто получает власть, одновременно получает возможность практически бесконтрольно распоряжаться национальным богатством страны. Тема власти и богатства в африканских обществах весьма обширна и достаточно полно изучена зарубежными и отечественными исследователями. Необходимо отметить, что у некоторых африканских народов власть традиционно ассоциируется с богатством, с ним связаны многочисленные церемонии и обряды. В наши дни идея личного обогащения, в том числе в результате доступа к государственным средствам, становится популярной и не вызывает особого общественного порицания. В этом заключается одна из трудностей создания в современном африканском обществе атмосферы нетерпимого отношения к социальному злу, каким являются коррупция и взяточничество.

События последних лет в Зимбабве (в том числе разразившийся гуманитарный кризис) и коррупционный скандал в Анголе вынесли тему взаимосвязи богатства, расточительства и коррупции далеко за рамки обычной критики в СМИ. Расточительство власть предержащих в африканских странах, в том числе и в южноафриканском регионе, не раз становилось предметом осуждения и насмешек в СМИ. В 2000-е годы в западной прессе часто появлялись публикации о расточительстве президента Зимбабве Р. Мугабе и его супруги Грэйс: например покупка через

подставных лиц особняка в Гонконге, размещение в самых дорогих гостиницах в ходе поездок в Сингапур и во Вьетнам, а также покупка там антиквариата и дорогих аксессуаров и пр.[3] Конкретные факты были якобы обнаружены в ходе журналистского расследования. Мугабе отвергал обвинения, а в феврале 2009 г. заявил, что особняк в Гонконге снимал для дочери, которая учится там в университете[4]. Власти без стеснения прибегают к своеобразному «государственному рэкету». Так, по утверждению некоторых западных СМИ, готовясь к празднованию 21 февраля 2009 г. 85-летия Мугабе, руководство правящего ЗАНУ-ПФ «рекомендовало» представителям крупного бизнеса Зимбабве принять участие в подготовке банкета, для которого им необходимо было обеспечить 2 тыс. бутылок французского шампанского, 8 тыс. лобстеров, 100 кг королевских креветок, 4 тыс. порций икры и 8 тыс. коробок шоколада «Ферреро роше»[5].

Подобные действия правительства страны, в которой большинство граждан не имеют работы и живут на средства от помощи международных организаций, а в декабре 2008 г. началась эпидемия холеры, сложно назвать просто некорректными по отношению к собственному народу. Политический кризис в Зимбабве еще раз показал некоторые причины кризиса власти в Африке, связанные, прежде всего, с личностью лидера. Сильный политический лидер имеет искренних сторонников и может эффективно управлять страной только при наличии у него идеи, воплощение в жизнь которой сопровождается его личной аскезой (например, Н. Мандела). В противном случае власть предержащие, занимаясь активным личным обогащением, дискредитируются как политики и сами разрушают основу своей власти.

В условиях длительного пребывания у власти одной политической элиты часто появляются коррупция и кумовство. В государствах региона экономическая коррупция (казнокрадство и взяточничество) тесно переплетается с коррупцией политической, проявлениями которой являются коммерциализация избирательных кампаний, усиление роли денег в партийном и государственном строительстве, распространение террора и политического вандализма.

В основе политической коррупции лежит неофициальный, бесконтрольный обмен ресурсами, прежде всего финансовыми, между властной элитой и другими структурами общества. Таким образом, субъектами политической коррупции являются чиновники аппарата политической власти. Политическая коррупция в африканских странах, в том числе во многих странах Юга Африки, существует как в так называемой «низовой», так и в «верхушечной» формах. Низовая коррупция охватывает низший и средний уровни власти и проявляется в таких видах, как дача рядовыми гражданами взяток при оформлении разного рода

регистраций и штрафов. Коррупция в высших эшелонах власти охватывает политиков, высшее и среднее чиновничество и связана с принятием важных социально-политических решений (законотворчество, изменение форм собственности, в частности, приватизация, государственные заказы). В большинстве случаев эти два уровня коррупции тесно взаимосвязаны, так как коррупция высших властных структур создает условия для существования низовой коррупции.

Питательной почвой для развития коррупции является система патронажно-клиентельных связей, которые присущи всем странам региона. Именно они значительно повлияли на процесс быстрой африканизации государственного аппарата и госсектора экономики, проходившего в 1990-е годы в ЮАР. Как отмечает Г.В. Шубин, «…при этом большинство бюрократических мест после 1994 г. стали занимать не просто черные южноафриканцы: чиновники усиленно комплектовали госаппарат своими соплеменниками (не представителями своих народностей, а именно соплеменниками, т. е. близкими и дальними родственниками – членами одного племенного клана)»[6].

Спектр коррумпированности стран южноафриканского региона очень широкий. Согласно данным «Трансперенси интернешнл», в 2009 г. Ангола, Зимбабве и Мозамбик входили в число наиболее коррумпированных стран мира (в списке из 180-ти стран они занимали 162-е, 146-е и 130-е места[7]), а степень вовлеченности ЮАР и Намибии в коррупцию оценивалась как выше среднего (55-е и 56-е места[8]). В Ботсване при общих низких показателях коррупции не только среди африканских стран, но и в мире (37-е место[9]), тем не менее распространен непотизм – раздача должностей родственникам. Американский аналитик Майкл Джонсон причисляет Ботсвану к типу стран (к ним относятся, например, Италия и Корея), в которых коррупция существует в форме элитных картелей. Они представляют собой небольшую группу кланов, которые сообща контролируют и политику, и экономику страны, при этом грань между политикой и экономикой провести очень сложно[10].

В 1990-е годы из-за отсутствия необходимых данных не все страны региона были включены в рейтинг «Трансперенси интернешнл» (ТИ), которая с 1995 г. ежегодно в своем докладе публикует так называемый «Индекс восприятия коррупции» (ИВК)[*]. ЮАР в 1996 г. в данном рейтинге из 54 мест занимала 23-е место, а через год заняла уже 33-е, то есть уровень коррумпированности значительно вырос.

[*] Отражает восприятие коррупции предпринимателями и аналитиками и оценивает его от 10-ти (коррупция практически отсутствует) до 0 баллов (высокий уровень коррупции).

В 2000-е годы в большинстве стран региона темпы развития коррупции ускорились. В 2002 г. Ангола наряду с Мадагаскаром и Нигерией была названа «Трансперенси интернешнл» в числе стран с сильно распространенной коррупцией[11]. В 2003 г. в списке ТИ из 133-х стран Анголу (124-е место), Зимбабве (106-е), Замбию (92-е), Мозамбик (86-е) и Малави (83-е) причисляли к наиболее коррумпированным странам мира. ЮАР тогда находилась на 48-м месте, Намибия – на 41-м, а Ботсвана – на 30-м.

Показатели уровня коррупции, однако, свидетельствуют часто не об уровне фактической коррупции, а об успехах антикоррупционной деятельности в стране специально созданных комиссий, правоохранительных органов, СМИ, прежде всего так называемой «журналистики расследований». Коррупция – это нарушение закона, преступление, в диапазон которого попадает не только взяточничество разного уровня, но и лоббизм, протекционизм, фаворитизм, а также использование государственных средств в коммерческих и преступных целях. Если о таких преступлениях никто не сообщил в полицию, не было публикаций в СМИ, не прозвучало обвинений в устных высказываниях каких-либо влиятельных политических или общественных деятелей, их как бы не существует. Поэтому большинство перечисленных преступлений не попадают в криминальную статистику, то есть не фиксируются.

Официальное существование политического плюрализма вынуждает лидеров поддерживать некоторую политическую открытость и выслушивать в свой адрес критику в злоупотреблении властью и в коррумпированности. То есть на повестке дня обществ в странах южноафриканского региона остро стоят проблемы гласности и транспарентности (прозрачности) деятельности государства. Периодически некоторые лидеры и высокопоставленные государственные деятели сами заявляют о намерениях усилить власть закона и бороться с коррупцией. Экс-президент ЮАР Т. Мбеки во время судебного процесса над Шабиром Шаиком[*] заявил, что «не потерпит коррумпированных деятелей в среде высших чиновников»[12]. Президент Анголы Ж.-Э. душ Сантуш после парламентских выборов, состоявшихся в сентябре 2008 г., уверял, что правительство намерено начать кампанию по реформированию системы управления и борьбе с коррупцией[13]. Под похожими лозунгами началось правление президентов Л. Мванавасы (Замбия) и Б. Мутарики (Малави). Именно под лозунгом борьбы с бюрократизмом и коррупцией победил в Мозамбике на президентских выборах в 2004 г. нынешний

[*] Друг и финансовый советник нынешнего президента ЮАР Дж. Зумы, осужденный в 2004 г. к 15-ти годам тюремного заключения за коррупцию, что привело в 2005 г. к отставке Зумы с поста заместителя президента страны.

глава государства Арманду Гебуза. Согласно данным британской исследовательской организации Economist Intelligence Unit, коррупция в Свазиленде в 2006 г. оценивалась в 54,3 млн долл. США ежемесячно[14]. А в Намибии в сентябре 2009 г. директор антикоррупционной комиссии Паулус Ноа, объясняя решение правительства принять участие в работе международной конференции «Борьба с коррупцией и надлежащее управление как условие для экономического и социального развития Восточной Европы и Центральной Азии» (Астана, Казахстан, 17–18 сентября 2009 г.)*, сказал: «Хотя в нашей стране населения всего 2 миллиона человек, коррупция все же есть, и мы не знаем, как ее побороть своими силами. Надеюсь, что с этой конференции я увезу домой ценный опыт»[15].

Основной блок критики по поводу коррумпированности властей содержится в выступлениях оппозиции и публикациях немногочисленных в странах региона независимых СМИ. Политические элиты, как правящие, так и оппозиционные, часто используют обвинения политических оппонентов в коррупции. Формой таких обвинений являются не только открытые заявления политиков в СМИ, на различных митингах и собраниях, но и дискредитация противника путем публикации компрометирующих материалов в печатных и электронных СМИ, а также умело распространяемые слухи, что довольно эффективно применяется специалистами так называемого «серого ПР». Последний из способов особенно часто используется политиками в ходе предвыборных кампаний. Например, в Мозамбике в 2004 г. лидер партии Мозамбикское национальное сопротивление А. Длакама заявлял, что если он придет к власти, то положит конец коррупции, финансовым махинациям и загадочным убийствам. При этом его самого обвиняли в том, что он истратил 150 тыс. евро на финансирование парламентской деятельности партии[16].

Часто сама борьба правящих элит с коррупцией начинается именно с обвинения в ней бывших глав государств. Например, в Замбии за последние 15 лет при смене президентов неизменно прежний глава государства поочередно обвинялся в коррупции или нецелевом использовании государственных средств: сначала Фредерик Чилуба обвинял в этом Кеннета Каунду, позже сам Чилуба в течение нескольких лет по требованию следующего президента Леви Мванавасы находился под следствием в результате коррупционного скандала. Похожая ситуация сложилась и в Малави. Победивший на президентских выборах в 1994 г. Бакили Мулузи пытался обвинить прежнего президента, 95-летнего Хастингса Камузу Банду, в растрате государственных средств. А

* В работе конференции приняло участие 60 стран.

сам Б. Мулузи, в свою очередь, в феврале 2009 г. по распоряжению следующего президента, Бингу ва Мутарики, был арестован по обвинению в присвоении денег, полученных Малави от Тайваня, Марокко, Ливии и других стран-доноров[17]. Кстати, Мутарика обвинял Мулузи в коррупции еще в 2005 г. и даже вышел из состава возглавляемой им партии Объединенный демократический фронт, назвав ее коррупционной.

Оппозиция обвиняет власти в коррупции практически во всех странах региона. В ЮАР в 1999 г. депутат парламента от оппозиции Патриция де Лилль обвинила президента Т. Мбеки в коррупции уже в первый год его пребывания у власти. Громко обвиняя власти в коррупции, оппозиция иногда сама прибегает к испытанному методу использования «золотого тельца». Именно предложениями новых должностей с очень высоким жалованьем пыталась привлечь в свои ряды депутатов парламента и провинциальных собраний перед парламентскими выборами 2009 г. новая партия ЮАР Конгресс народа[18]. Рассматривая ситуацию в ЮАР, необходимо отметить традиционность использования оппозицией обвинений властей в коррупции. По мнению почетного профессора южноафриканского университета Квазулу-Натала Ирины Филатовой, «оппозиция всегда использует любую возможность, чтобы обвинить правящую партию страны (АНК) в злоупотреблениях и коррупции»[19].

Правительства стран южноафриканского региона подвергаются критике в коррупции не только со стороны оппозиции, но и со стороны членов своих правительств. В Анголе в начале 2003 г. местная пресса публиковала много компрометирующих материалов о получении генералитетом и губернаторами провинций взяток и других нелегальных доходах. В ответ министр обороны обвинил Генеральный штаб и военную канцелярию президента в махинациях и коррупции при снабжении армии[20]. В результате конфронтации в апреле 2003 г. был назначен новый министр обороны и новый начальник Генштаба вооруженных сил Анголы.

Нередки ситуации, когда обвинения правящей элиты в коррупции членами той же элиты появляются накануне выборов или других важных общественно-политических событий и имеют ярко выраженный ПР-характер. Например, Велвичия душ Сантуш (как уже упоминалось, в ее руках находится национальное телевидение Анголы) в начале марта 2009 г. в статье для правительственной газеты «Жорнал ди Ангола» обвинила некоторых влиятельных и состоятельных граждан в обогащении за счет казны и в противодействии развитию конкуренции на рынке[21]. Не говоря уже о том, что она сама принадлежит к числу самых состоятельных людей страны и является дочерью президента страны, в которой отмечается один из самых высоких уровней коррупции, необходимо отметить удачный выбор момента для публикации такого мате-

риала. Статья появилась буквально накануне визита президента Анголы в Португалию, крайне заинтересованную в условиях финансового кризиса в развитии экономических отношений с бывшей колонией. Вскоре также в Анголе ожидали визита Папы Бенедикта XVI. И в том и в другом случае у душ Сантуша возникала необходимость продемонстрировать действенность антикоррупционной кампании, которую он обещал вести после парламентских выборов, состоявшихся в сентябре 2008 г. Следует отметить, что власти Зимбабве прибегли к подобной тактике с целью получения очередных траншей донорской помощи перед началом проведения земельной реформы в 2000 г.

Приведенные примеры показывают, что обвинения в коррупции политических оппонентов (которые часто соответствуют действительности) в странах Юга Африки в последние годы стало не просто выигрышным приемом, но и отдельным видом технологии ведения политической борьбы.

Некоторые члены правительств не ограничиваются только критикой властей, но и выражают свое отношение к царящей в стране коррупции путем добровольного и демонстративного ухода в отставку. Так поступили некоторые политики Замбии в середине 1990-х годов. Уже через два года после прихода к власти партии ДМД во главе с Ф. Чилубой, в 1993 г., подали в отставку министры иностранных дел, юстиции, социального развития, спорта. Некоторые из них объяснили свой шаг несогласием с методами руководства страной, в том числе нежеланием президента принимать жесткие меры против имеющих место в верхних эшелонах власти использования служебного положения в личных целях, коррупции и занятия наркобизнесом[22]. В 1995 г. ушел из кабинета министров также один из основателей ДМД А. Мбикусита-Леваника, обвинив правительство Ф. Чилубы в неспособности бороться с «угрожающей раковой опухолью финансовых нарушений, распространенных среди министров»[23]. Звучали обвинения оппозиции и в адрес самого Чилубы, которого обвиняли даже в том, что его семья якобы получает доходы от наркобизнеса. Почти демонстративно игнорируя общественное мнение, президент реагировал на критику в использовании служебного положения в личных целях довольно странным образом: за несколько месяцев до очередных президентских выборов в 1996 г. он организовал для 62-х членов правительства и их семей пикник в Сингапуре, наняв для этой цели «Боинг» у английской авиакомпании «Бритиш Эйруэйз».

Обобщая подобные факты поведения правящих элит стран континента, заместитель председателя Южноафриканского института международных отношений в Йоханнесбурге Моелетси Мбеки* в своей статье, опубликованной 5 июля 2005 г. в Wall Street Journal, отмечал, что «в основе проблем Африки лежит длинный и впечатляющий перечень нарушений правящих политических элит, которые систематически используют свое положение в том числе для личного обогащения»[24].

* Бизнесмен, аналитик и брат бывшего президента ЮАР Т. Мбеки.

В деле борьбы с коррупцией чрезвычайно важен фактор наказания за нее, в противном случае эта борьба остается только на уровне обещаний. Как показывает мировая практика, реальность неотвратимого и сурового наказания за коррупцию становится тормозящим фактором на пути ее дальнейшего распространения. В ЮАР, например, установлен минимальный срок за преступления, связанных с коррупцией, – 15 лет. (Именно на такой срок был осужден Ш. Шаик.)

В качестве одного из примеров реального наказания коррупционеров, в том числе из высшего эшелона власти, можно назвать Замбию. Большинство осужденных за коррупцию в этой стране принадлежит к ближнему кругу бывшего президента Ф. Чилубы: с 2006 г. в Центральной тюрьме в Лусаке отбывает уже второй срок за коррупцию (сначала за продажу государственных автомобилей, а позже за продажу дома, построенного на бюджетные средства) бывший его пресс-секретарь Ричард Сакала, в 2007 г. осудили бывшего директора банка Самуэля Мусонду, оказывавшему помощь Чилубе в незаконных финансовых операциях[25]. С 2006 г. длилось расследование по делу Регины Чилубы – супруги Ф. Чилубы, работавшей в его канцелярии и обвиняемой в растрате 120 тыс. долл. США из госбюджета. В марте 2009 г. она была приговорена к тюремному заключению на 3,5 года[26]. В 2009 г. были осуждены за коррупцию также бывший командующий армией Жоджаго Мусенгуле, бывшие командующий ВВС Кристофер Сингого (6 лет каторжных работ) и министр по делам земель Гладис Ньиронго (6 лет тюрьмы)[27].

В Мозамбике в июне 2004 г., буквально через две недели после введения в действие закона о борьбе с коррупцией, были осуждены семь человек за участие в афере в банковской сфере, ущерб от которой составил 14 млн долл. США. Факт коррупции подтверждался также и тем, что в числе подсудимых оказались два человека, признанных судом в 2003 г. виновными в убийстве Карлуша Кардозу, проводившего в конце 1990-х–начале 2000-х годов журналистское расследование крупной финансовой аферы[28]. Это один из немногих случаев, когда виновные в убийстве журналиста, расследовавшего коррупционный скандал, понесли наказание. Как отмечает Л.В. Гевелинг, подобная деятельность журналистов «разоблачает должностные преступления, призывает к проведению реформ и мобилизует общественность на борьбу с коррупцией»[29] и фактически заменяет действия властей.

Тем не менее представители оппозиции часто обвиняют судей в недостаточной твердости, когда идет речь о наказании за коррупцию лиц, находящихся у власти или обладавших ею ранее.

В большинстве случаев после судебных процессов над коррупционерами и должностными лицами, признанными виновными в хищении и нецелевом использовании государственных средств, даже в случае признания их вины похищенные средства в казну не возвращаются. В странах южноафриканского региона пока нет прецедента, подобного имевшему место в Нигерии: Федеральный суд в январе 2000 г. принял решение о необходимости возвращения денег клана С. Абаче[30]. Активные действия президента О. Обасанджо привели к тому, что в сентябре 2005 г. правительства Швейцарии и Нигерии подписали соглашение о возврате 458 млн долл. США, что составляет 90,7% всех средств, незаконно вывезенных и размещенных Абаче в банках Швейцарии[31].

Однако в странах региона чаще преследуют и отдают под суд не тех, кто замешан в коррупции, а тех, кто прямо о ней заявляет. Именно за выступления против коррупции впервые был арестован лидер зимбабвийской оппозиции Морган Тсвангираи: в 1989 г. его задержали на полтора месяца за протест против ареста студентов университета, обвинявших правительство Р. Мугабе в коррупции[32]. Кстати, это событие послужило причиной первого серьезного конфликта между М. Тсвангираи и Р. Мугабе и с правящей партией ЗАНУ-ПФ.

Подвергаются преследованию властей также представители зарубежных СМИ и международных неправительственных организаций, причем иногда против них выдвигаются очень серьезные обвинения. Например, в Анголе в феврале 2007 г. по обвинению в шпионаже была арестована член международной неправительственной организации Global Witness гражданка Великобритании Сара Уайкс, которая вела общественную кампанию по борьбе с коррупцией в нефтяной отрасли страны[33].

В число пострадавших в результате попыток бороться с коррумпированностью правящих элит попадают также их соратники, позволившие себе такие смелые выпады. В 1999 г. в Ботсване вице-президента Яна Кхаму президент Ф. Могае отправил на год в так называемый «отпуск», чтобы разрядить напряженность в правительстве, вызванную тем, что Кхама обвинил некоторых министров в потворстве коррупции[34].

Борьба с коррупцией часто становится смертельно опасной для тех, кто ступает на этот путь. В Мозамбике журналист Карлуш Кардозу был убит в ходе своего расследования в 2000 г.[35] В 2002 г. председатель крупнейшего коммерческого банка Мозамбика Антонио Сиа-Сиба Макуакуа, отвечавший за реприватизацию, отследил и аннулировал фик-

тивные договоры. Однако за два дня до отправки доклада о финансовом положении банка он был убит в своем офисе, и это убийство до сих пор остается нераскрытым. Заслуги в борьбе с коррупцией А. Макуакуа были посмертно отмечены наградой на 11-ой Международной антикоррупционной конференции, состоявшейся в Сеуле в 2003 г.[36]

Практика показывает, что случаи наказания представителей высшего эшелона власти за коррупционные преступления в большинстве государств региона остаются эпизодическими. При этом «государство чаще всего не упускает случая привлечь к ответственности за мелкие случаи коррупции, в то время как похитители миллионов, пользуясь своей властью, уходят от наказания»[37].

При получении донорской помощи западных государств правящие элиты региона оказываются перед необходимостью вводить прозрачность во всех сферах деятельности государства. По мнению сотрудников организации «Трансперенси интернешнл», именно прозрачность любого вида деятельности в обществе свидетельствует о его низкой коррумпированности[38]. Доходы от добычи нефти могут помочь правительствам стран Юга Африки (Ангола, ЮАР) решить многие социально-экономические проблемы. На практике же в условиях бесконтрольности нефтедоллары «тают» в финансовых и бюрократических структурах. По понятным причинам заинтересованные в личном обогащении африканские политики имеют веские причины избегать прозрачности в этой сфере. В 2006 г. Ангола в исполнение так называемой Инициативы обеспечения прозрачности в добывающей промышленности* опубликовала список компаний, которым разрешено разведывать и добывать нефть в ее морской экономической зоне[39]. Это стало ответом на критику в адрес ангольского правительства за недостаточную прозрачность нефтяного сектора. Подобный список был опубликован в третий раз с тех пор, как Ангола допустила иностранные компании к своим нефтяным ресурсам.

В деле борьбы с коррупцией правительства стран южноафриканского региона накопили определенный опыт. ЮАР одной из первых в регионе предприняла активные действия в этом направлении. Бывший президент Т. Мбеки довольно решительно выступал против коррупции и взяточничества, а также призывал к формированию класса честных предпринимателей. В 2001 г. для расследования коррупции и насилия в тюрьмах правительством Т. Мбеки была создана Следственная комиссия Джали. В ходе расследования было установлено, что

* Extractive Industries Transparency Initiative (EITI), ее положения содержат требования публиковать информацию о всех платежах правительствам нефтедобывающих стран, поступивших от международных нефтяных компаний.

коррупция и административные злоупотребления в тюрьмах носили систематический характер. В ноябре 2005 г. была создана новая Комиссия по борьбе с коррупцией. В рамках антикоррупционной кампании в стране в 2004–2005 гг. были уволены 66 чиновников министерства внутренних дел ЮАР. В 2002 г. был принят антикоррупционный закон в Замбии. В Мозамбике в 2003 г. начало действовать новое суровое законодательство, которое ужесточило борьбу с коррупцией: государственным чиновникам, злоупотребляющим своим положением, грозит тюремное заключение сроком на восемь лет. В 2005 г. президент Намибии Х. Похамба также заявил о твердом намерении правительства беспощадно бороться с коррупцией.

Политические элиты ряда стран континента осознают серьезность данной проблемы и признают опасность коррупции для целей развития. ЮАР стала инициатором появления программы APRM (Африканский механизм независимого взаимного контроля)[40]. В Зимбабве на внеочередном съезде правящей партии ЗАНУ-ПФ, состоявшемся 11–14 декабря 2007 г., коррупция была названа в числе главных факторов, вызвавших экономический кризис в стране[41]. Политику по борьбе с коррупцией поддержали местные НПО, а также некоторые ученые из стран Юга Африки. Например, профессор из Кейптауна Валери Мизрахи считает, что ее успешная реализация во многом способствует выработке африканскими государствами совместных принципов поддержки устойчивого развития[42].

Необходимо отметить, что активные меры, предпринимаемые некоторыми государствами Юга Африки в борьбе с коррупцией, получают международный резонанс. Например, в июле 1999 г. правительство Лесото объявило о предъявлении канадской компании «Эйкрс интернешнл лимитед» («Эйкрс») уголовных обвинений по фактам коррупции при реализации проекта по освоению водных ресурсов в горных районах Лесото (проект ВРГЛ), который финансировался Всемирным банком (ВБ). После вынесения Верховным судом Лесото в сентябре 2002 г. обвинительного приговора по делу о взяточничестве, ВБ начал свое расследование, завершившееся в 2004 г. применением санкций к компании «Эйкрс» (уголовный штраф и снятие виновных с занимаемых должностей)[43]. В 2007 г. в Лесото снова возник коррупционный скандал, в результате которого от реализации проекта в рамках программ Всемирного банка по строительству крупной плотины была отстранена франкфуртская инженерная фирма Lahmeyer International[44]. Результаты эффективной (по сравнению с некоторыми другими странами региона) деятельности властей Лесото по борьбе с коррупцией видны в рейтинге «Трансперенси интернешнл»: в 2009 г. эта страна вместе с Малави была на 89-м месте[45].

Международный резонанс получил скандал, разразившийся в Намибии летом 2009 г. Там началось следствие по подозрению в коррупции при сделке с китайской государственной компанией Nuctech (речь шла о продаже намибийской стороне партии сканеров для аэропортов)[46].

Приведенные примеры свидетельствуют не только об эффективности борьбы с коррупцией в названных странах. Они еще раз подтверждают факт, отмеченный Г. Бреттоном, что «с точки зрения минимизации риска и возможности быстрого обогащения в африканских странах предпочитают брать взятки у иностранных инвесторов»[47].

Государства Юга Африки пытаются найти методы борьбы с коррупцией, участвуя в международном обмене опытом антикоррупционой деятельности. Некоторые из них приняли участие в V международном форуме по проблемам борьбы с коррупцией, который состоялся в апреле 2007 г. в Йоханнесбурге. Выступая на форуме, президент ЮАР Т. Мбеки отметил, что в современных условиях «необходимо не просто осуждение взяткодателей и взяточников», а «необходимо понимать структуру коррупции и ее встроенность во взаимоотношения между чиновниками и организациями»[48].

В отсутствие практики предотвращения коррупции (например, кодекс руководства партии ЧЧМ в Танзании во времена правления Дж. Ньерере запрещал ее лидерам заниматься бизнесом) в условиях либерализации на Юге Африки повсеместно распространилось «увлечение» правящих элит бизнесом. Во многих странах региона руководство коммерческими фирмами при одновременном занятии государственных должностей стало довольно обыденным явлением. А замбийский «Кодекс лидера» (запрещал политикам, правительственным служащим и работникам предприятий, которые контролировало государство, заниматься бизнесом) был изменен, в результате чего бизнесмену-политику позволялось извлекать материальную выгоду из своего положения в системе политической власти[49].

Следует отметить, что резкое усиление коррумпированности государственного аппарата в некоторых странах, например в Замбии, ЮАР и Мозамбике, произошло в процессе проведения приватизации. А в Ботсване этого удалось избежать, в частности, в результате широкого обсуждения планов приватизации в СМИ, а также проведения различных политических дебатов.

Уровень коррупции политических элит региона, ее влияние на политический процесс и стабильность государства, эффективность и особенности методов борьбы с ней, а также использование элитами обвинений в коррупции в борьбе за власть рельефно просматриваются на примере Анголы, Зимбабве, Замбии, ЮАР и Малави.

По данным «Трансперенси интернешнл», самой коррумпированной из государств южноафриканского региона является Ангола[50]. По утверждению некоторых СМИ, семья президента Анголы Эдуарду душ Сантуша входит в число богатейших людей мира[51]. Две его дочери – Велвичия и Изабелл – принадлежат к числу самых богатых в Анголе. Старшая из дочерей, Изабелл, владеет банками, компаниями связи и цементными заводами[52]. С 2002 г. западная пресса стала обвинять ангольские власти в коррупции, разворовывании гуманитарной помощи и продовольственных поставок для сложивших оружие бывших членов оппозиционной партии УНИТА. Согласно публикации в газете «Совершенно секретно», в мае 2002 г. французская газета Le Monde писала, что президент Анголы и министр промышленности Элизиу ди Фигейреду заработали 40 млн долл. США на долге своего правительства России[53]. Совершенно очевидно, что такие обвинения требуют серьезной проверки и обоснованных доказательств.

В 2003 г. в Анголе была создана антикоррупционная комиссия, но реальные результаты ее работы были скромными. До недавнего времени серьезной проблемой для Анголы было сокращение объемов внешней помощи, так как Международный валютный фонд обвинял ангольское правительство в коррупции и плохом управлении.

В течение последних 10-ти лет в Швейцарии и Франции разгорался международный коррупционный скандал, связанный с поставками в Анголу в 1993–2000 гг. оружия при помощи посреднических услуг французского предпринимателя Пьера-Жозефа Фальконе и выходца из СССР А.А. Гайдамака*. Осенью 2008 г. в Париже состоялся суд над 42 обвиняемыми по этому делу, в числе которых были сын президента Миттерана Жан-Кристоф, бывший министр внутренних дел Шарль Паскуа и бывший советник Миттерана Жак Аттали (работавший также до недавнего времени в команде президента Франции Н. Саркози). В обвинительном заключении суда фигурировали выплаты наличными, оплата расходов на жилье и питание, отпуск, госпитализацию, а также различные подарки президенту Ж.-Э. душ Сантушу, ангольским послам, министрам, представителям военной верхушки и главам фирм-импортеров на общую сумму 56 млн долл. США, полученных ими в 1993–2000 гг. Согласно публикации в немецком журнале Der Spiegel, деньги президенту Анголы якобы перечислялись через банковский счет в Панаме, который был открыт на имя его старшей дочери Изабелл[54]. Правительство Анголы рассматривало эти обвинения как повод для отказа стране в донорской помощи со стороны Запада, в которой она нуждается. Парламентские выборы 2008 г. показали сильные позиции партии МПЛА и президента Ж.-Э. душ Сантуша. В ноябре 2009 г. ангольский президент заявил о необходимости ведения «политики абсолютной нетерпимости к коррупции»[55]. Время покажет, смогут ли они в условиях обвинений в коррумпированности убедить ангольцев отдать им свои голоса на очередных президентских выборах, которые после принятия новой конституции в феврале 2010 г. были снова перенесены.

* Предприниматель, гражданин Израиля, в 2008 г. баллотировался на пост мэра Иерусалима.

Зимбабве по уровню восприятия коррупции в 2010 г. находилась на 134-м месте[56]. Коррупция во многом стала причиной усугубления социально-экономического и политического кризиса в Зимбабве. Несмотря на антикоррупционную риторику президента Р. Мугабе с 1990 г., его продолжительное нахождение у власти (с 1980 г.) ознаменовано несколькими громкими скандалами, в которых оказались замешаны многие партийные и правительственные функционеры. В 1997–1998 гг. разгорелись крупные скандалы, связанные с коррупцией в высших эшелонах власти. В центре скандалов, которые начались после публичных заявлений нескольких видных членов ЗАНУ-ПФ, оказались некоторые министры и супруга самого Р. Мугабе, использовавшие для строительства собственных вилл средства из министерского фонда для помощи ветеранам освободительной борьбы[57]. Обвинение властей в коррупции исходит из самого близкого окружения президента не впервые. В 1988 г. из правящей ЗАНУ-ПФ исключили генерального секретаря этой партии Эдгара Текере, разоблачавшего коррупцию и требовавшего реформ[58]. В 2000 г. страна попала в черный список 45-и наиболее коррумпированных стран мира. Как отмечала российский исследователь Л.А. Демкина, «постоянное разворовывание государственных средств в Зимбабве и высокий уровень коррупции не могли не привести к серьезному социально-экономическому и политическому кризису»[59].

Некоторые антикоррупционные мероприятия проводились во второй половине 2000-х годов. Например, в 2007 г. был задержан по обвинению в коррупции генеральный прокурор Зимбабве Собуса Гула-Ндебеле, давший обещание не преследовать в случае возвращения на родину зимбабвийского банкира Джеймса Мушоре, который сбежал в Англию во время банковского кризиса в стране в 2004 г.[60] После длительного разбирательства в декабре 2008 г. Мугабе отстранил генерального прокурора от исполнения его обязанностей в связи с обвинением в злоупотреблении служебным положением[61].

На словах африканские политики все чаще призывают бороться с коррупцией. Но результативность этой борьбы невысока, а существующая схема власти приводит к тем же проблемам, которые политики обещали искоренить. В силу многих причин, в том числе и особенностей политической культуры, они оказываются не способными действовать в

соответствии с духом Индекса восприятия коррупции (ИВК). В реальной жизни процветают различные злоупотребления властью с целью извлечения личной выгоды, включая подкуп государственных должностных лиц при осуществлении государственных закупок. В Зимбабве сформировался порочный круг нищеты и взяточничества. Некоторые политики заявляют о необходимости бороться с коррупцией, например, на внеочередном съезде правящей партии ЗАНУ-ПФ в Зимбабве (11–14 декабря 2007 г.) управляющий Резервным банком Гидеон Гоно назвал коррупцию в числе главных факторов, вызвавших экономический кризис в стране. Он заявил о существовании в правительственной и партийной среде так называемых «денежных баронов», умело использующих создавшуюся ситуацию в стране в корыстных целях. По утверждению Гоно, из страны ежегодно незаконно вывозится 15 т золота общей стоимостью 400 млн долл. США и алмазов на 800 млн долл.[62] Позиция Гоно нашла поддержку у организации «Трансперенси интернешнл», считающей начавшийся кризис в Зимбабве в том числе результатом введенной Мугабе системы привилегий. В том же году министр Оберт Мпофу заявил на заседании парламента страны, что некоторые высокопоставленные чиновники участвуют в разграблении национальных ресурсов, например алмазов, месторождение которых было недавно обнаружено в провинции Маникаленд. Однако ни один из политиков не назвал конкретных имен. И это в Зимбабве уже становится своеобразной традицией – общие обвинения без конкретных виновных.

Согласно информации на сайте зимбабвийской эмиграции в Англии www.zimbabwetoday.co.uk за 2007 г., Гидеон Гоно, говоря о так называемых денежных баронах, при этом скрывает, что сам владеет доходной фермой в Мазове (к востоку от Хараре) и отправляет оттуда в Малайзию цветы, зарабатывая 3 млн долл. США в неделю[63]. На том же сайте говорится, что Гоно тесно связан с Мозесом Чингвеной, хозяином компании по торговле автомобилями Croco Motors, а также с Мирираи Чирембой, который якобы занимается валютными сделками, а именно незаконным путем приобретает золото через специально созданную для этого Резервным банком страны компанию Carslone[64]. Однако на указанном сайте не приводятся какие-либо доказательства по поводу опубликованных обвинений в адрес перечисленных зимбабвийских политиков.

На том же Интернет-сайте в коммерциализации обвиняют и вице-президентов этой страны. Так, указывается, что вице-президент Зимбабве Джойс Муджуру и ее близкий друг министр информации и рекламы Вебстер Шаму в 2007 г. ежедневно отправляли грузовиками сахар корпорации Starafrica в Малави; таким образом, из страны, испытывающей на внутреннем рынке острую нехватку этого продукта, еженедельно

уходило 150 тыс. т сахара через погранпост Ньямапанда. А скончавшийся в августе 2009 г. второй вице-президент Джозеф Мсика и член политбюро ЗАНУ-ПФ Виталис Звинаваше долгое время сбывали в Замбию и Ботсвану цемент и молоко, а на вырученные средства покупали дома в лучших пригородах Хараре, а также контролировали большую часть торговли недвижимостью в столице[65]. В этом случае также не приводятся доказательства. Тем не менее публикации в зимбабвийских и южноафриканских СМИ на тему коррупции в Зимбабве компрометируют режим Р. Мугабе.

Примером давней, последовательной и относительно результативной борьбы с коррупцией может послужить Замбия. Бывший президент Замбии Л. Мванаваса сумел создать репутацию политика, нетерпимого к коррупции, чьи обещания подкреплялись конкретными действиями. Еще в 1990 г., будучи вице-президентом правящей партии Движение за многопартийную демократию, а потом на посту вице-президента страны (1991–1994 гг.), он открыто заявлял о своем несогласии с проводимой партией политикой и говорил о засилье коррупции в ее рядах. Как уже отмечалось ранее, придя к власти в 2001 г., Мванаваса объявил «крестовый поход» против коррупции, обвинив бывшего президента Ф. Чилубу и его окружение в коррупции и неправильном использовании государственных средств за период нахождения у власти. В стране была объявлена «кампания нулевой терпимости» против коррупционеров. В 2002 г. началась разработка антикоррупционного кодекса. В июле того же года парламент страны лишил Ф. Чилубу иммунитета, а в феврале следующего года он был арестован и обвинен в более чем 200 эпизодах коррупции и в нецелевом использовании государственных средств за период нахождения на посту президента в 1991–2001 гг.[66] Таким образом, Чилуба оказался в такой же ситуации, в которой в 1993 г. был прежний президент страны К. Каунда (против него Ф. Чилуба, став президентом в 1991 г., выдвинул обвинения в злоупотреблениях и хищении государственных средств). Через месяц Чилубу освободили под залоговое поручительство. Он рассматривал обвинения президента Мванавасы как попытку политической дискредитации. Уйдя с поста президента страны после очередных выборов в 2001 г., но находясь попрежнему во главе правящего ДМД, Ф. Чилуба в феврале 2002 г. в своем выступлении на одном из партийных мероприятий предупредил правительство Л. Мванавасы, что для сохранения стабильности в государстве министры не должны высказываться о коррупции в период его нахождения у власти: «Осуждая ДМД, они осуждают самих себя. Не будет партии – не будет и правительства. Члены правительства должны помнить, что их сделала партия, а то и другое неразделимо»[67]. В сентябре 2004 г. генеральный прокурор К. Сокони сняла с Чилубы многие об-

винения, но уже через несколько часов он был снова взят под стражу по шести новым обвинениям[68].

Судебные разбирательства, длившиеся 6 лет, затянулись из-за болезней Чилубы (серьезные проблемы с сердцем и почками) и проволочек со сбором необходимых доказательств. Экс-президент упорно отрицал свою вину[69]. В 2006 г. обвинения в растрате 120 тыс. долл. США из госбюджета были представлены также новой супруге Чилубы, Регине Чилубе, работавшей в администрации президента в период нахождения его у власти. После долгих и настойчивых требований Чилубы в мае 2006 г. власти разрешили ему выехать для лечения в ЮАР[70]. Отношения Чилубы и Мванавасы значительно ухудшились после того, как Чилуба на президентских выборах 2006 г. поддержал кандидатуру лидера оппозиционной партии Патриотический фронт Майкла Саты[71]. В 2007 г. суд в Лондоне рассмотрел дело экс-президента по гражданскому иску, поданному замбийской группой по борьбе с коррупцией, и признал, что Чилуба «активно участвовал в масштабном отмывании денег, в котором также были замешаны две британские юридические фирмы», и признал его виновным в растрате 46 млн долл. США государственных средств[72]. Однако Ф. Чилуба заявил, что не признает юрисдикцию лондонского суда и не участвовал в его заседаниях[73]. 3 марта 2009 г. Регина Чилуба была признана виновной по четырем пунктам обвинения и приговорена к тюремному заключению на 3,5 года[74], но через три дня, 6 марта, была освобождена из тюрьмы под залог 10 млн квач[75]. А в августе 2009 г. суд Замбии снял с самого Чилубы все обвинения в коррупции, объявив, что на основании «представленных сведений следствие пришло к выводу, что вина экс-президента не может быть доказана»[76]. Лидер оппозиционной партии Патриотический фронт Майкл Сата сразу же назвал это решение Верховного суда неправосудным.

В июне 2005 г. по обвинению в коррупции был арестован высокопоставленный чиновник министерства здравоохранения Кашива Булайя, близкий к президенту Леви Мванавасе. Независимые эксперты из специальной комиссии по расследованию случаев коррупции утверждали, что собрали достаточное количество доказательств виновности Булайи в нецелевом использовании 270 тыс. долл. США, предназначенных на покупку лекарств от СПИДа у болгарской фирмы[77]. Булайя был признан виновным и приговорен к трем годам лишения свободы. В 2009 г. Высокий суд отклонил его апелляцию о замене тюремного наказания освобождением под залог[78]. В августе 2007 г. по обвинению в коррупции был отстранен от исполнения обязанностей глава национального подразделения по борьбе с наркотиками Райан Читоба[79]. Тем не менее оппозиция обвиняла Л. Мванавасу, что он не торопится бороться с коррупцией в собственной администрации.

Несмотря на предпринимаемые правительством Замбии антикоррупционные меры, в 2007 г. страна попала в список 17-ти самых коррумпированных стран мира. В 2008 г. Антикоррупционная комиссия Замбии получила 2 тыс. жалоб на проявления коррупции, причем около 70% касались коррупции правительственных чиновников[80]. Новый президент страны Рупиа Банда, ставший главой государства после кончины Л. Мванавасы летом 2008 г., продолжает проведение антикоррупционной политики, начатой предыдущим президентом. Накануне выборов в октябре 2008 г. в ответ на обвинения политических оппонентов в коррумпированности Р. Банда заявил: «Я не коррумпирован. Я много читаю и видел, как страны идут от бедности к богатству, действуя очень умно»[81]. В январе-феврале 2009 г. по обвинению в коррупции были осуждены бывший командующий ВВС Кристофер Сингого и бывший министр по делам земель Гладис Ньиронго[82]. В июне 2009 г. президент Банда поддержал создание судебной коллегии для расследования обвинений в превышении должностных полномочий и коррупции, выдвинутых против министра коммуникаций и транспорта Д. Силии. Осенью 2009 г. президентом был утвержден документ «Национальная антикоррупционная политика», срок действия которого рассчитан на 5 лет. В нем отражены главные причины коррупции в стране (низкие зарплаты чиновников, непрозрачность политического процесса, отсутствие эффективной системы выявления коррупции, зависимость и неэффективность судебной системы, слабость независимой прессы и пр.), пути и способы предотвращения и борьбы с коррупцией, социальные особенности, препятствующие борьбе с коррупцией. В данном документе коррупция признается «комплексной проблемой, требующей комплексного ответа»[83]. В ее решении предусматривается участие всех отраслей, институтов, всего замбийского народа. В 2010 г. в рейтинге «Трансперенси интернешнл» Замбия находилась на 101-м месте (в списке из 178 стран)[84].

В том, как в последнее время ведут борьбу с коррупцией правящие элиты ЮАР и Малави, прослеживается тенденция использования темы коррупции в качестве одного из способов политической борьбы.

Политический резонанс не только в ЮАР, но и в регионе получили отправка в 2005 г. в отставку и расследование по делу о причастности к коррупции заместителя президента правящей партии АНК и вице-президента страны Джекоба Зумы, которого считали главным кандидатом в преемники президента Т. Мбеки. Оппоненты Т. Мбеки утверждали, что коррупционный скандал, связанный с Зумой, был на самом деле завуалированной борьбой за власть в самом правящем АНК, а политическая карьера обвиненного в коррупции Зумы была предрешена еще до окончания судебного процесса над Ш. Шаиком, о котором речь шла вы-

ше. Дело в том, что Т. Мбеки заявил о нетерпимости к коррупции в среде высших чиновников еще до объявления приговора по этому делу, а АНК в своем заявлении указал, что отправит в отставку любого своего парламентария, уличенного в коррупции[85]. Тем не менее твердая позиция властей, начавших борьбу с коррупцией в стране с «чистки» своих рядов, принесла политические дивиденды: международному сообществу был продемонстрирован курс правительства на гласность и прозрачность в политике, ЮАР укрепила в регионе свои позиции лидера, а оппозиция убедилась в действенности своей критики властей. Лидеры главных сил оппозиции Тони Леон (Демократический альянс), Мангосуту Бутелези (Инката фридом парти) и Банту Холомиса (Объединенное демократическое движение) заявили о проявленном президентом Мбеки мужестве и восстановлении им репутации власти[86].

В 2005 г. оппозиция пыталась обвинить в коррупции Т. Мбеки. Речь идет о скандале с выплатами в 1990-е годы взяток в размере 19 млн долл. США немецким консорциумом для «продвижения» на рынок ЮАР 4-х фрегатов типа MEKO A–200 SAN и 3-х устаревших подводных лодок Type 209-1400, а также взяток в размере 100 млн фунтов, которые выплатили англичане, продавшие устаревшие тренировочные истребители Hawk и англо-шведские истребители Gripen[87]. Противники Мбеки утверждали, что эти деньги «осели» в избирательном фонде АНК. Примечательно то, что после ухода Мбеки с поста президента ему не было предъявлено никаких обвинений. В 2004 г. в парламенте разбиралось дело об использовании АНК для выборной кампании бюджетных средств и посредничестве полугосударственной нефтяной компании «ПетроЭс-Эй», находившейся в ведении Пумзиле Мламбо-Нгкуки, тогдашнего министра минеральных ресурсов и энергетики[88]. В начале февраля 2006 г. начался еще один политический скандал, в центре которого снова оказалась Пумзиле Мламбо-Нгкука, но теперь она (после ухода Дж. Зумы) занимала пост заместителя президента. Против нее были выдвинуты обвинения в растрате 100 тыс. долл. США казенных средств, использованных ею в декабре 2005 г. на поездку с семьей и друзьями в ОАЭ на правительственном самолете. В защиту обвиняемой выступил президент Т. Мбеки.

В середине 2000-х годов в ЮАР было создано специальное подразделение под названием Scorpions («Скорпионы»), задачей которого ставилось выявление фактов коррупции среди крупных чиновников, берущих взятки, и крупных бизнесменов, дающих взятки и уклоняющихся от уплаты налогов. В сентябре 2007 г. в ЮАР был выдан ордер на арест главы полиции страны Джеки Селеби. Но президент страны Т. Мбеки отстранил от должности директора Национального управления государственной прокуратуры (НУГП) Вуси Пиколи, который проводил расследование обвинений, выдвинутых против Селеби. Оппозиция утверждала, что все эти события являются отражением той борьбы, которая происходила в то время в руководстве АНК, а судебное преследование Зумы было начато с целью лишить его возможности баллотироваться на пост президента АНК на съезде в декабре 2007 г. и устранить его – наиболее вероятного кандидата в преемники – от большой политики[89].

Борьба с преступностью и коррупцией – одно из предвыборных обещаний Дж. Зумы. По его распоряжению летом 2009 г. было создано новое специальное подразделение Hawks («Ястребы») для борьбы с организованной преступностью и коррупцией в высших эшелонах власти.

Боязнь быть заподозренным в коррупции заставляет некоторых политиков страны уделять больше внимания своей репутации. Например, министр транспорта в правительстве Дж. Зумы ЮАР Сбусисо Джоэль Ндебеле в мае 2009 г. отказался принять подарки – автомобиль «Мерседес» стоимостью 118 тысяч долл. США и двух коров – от бизнесменов провинции Квазулу-Натал, где он работал последние десять лет. Он сделал это несмотря на то, что президент Зума заявил, что Ндебеле может оставить подарки после их декларирования[90].

Нынешний президент страны Джекоб Зума дважды обвинялся в коррупции. В 2006 г. политик был признан невиновным по всем пунктам обвинения, выдвинутым против него прокуратурой. Судебное разбирательство в августе 2008 г. завершилось его оправданием, что позволило ему участвовать в парламентских выборах весной 2009 г. и победить на них. Политическая карьера Дж. Зумы выходит за рамки привычного, прежде всего потому, что в Африке обычно обвинениям в коррупции подвергаются руководители государств в период нахождения у власти или же после выхода в отставку. В случае Зумы обвинения в причастности к коррупции были ему предъявлены задолго до занятия им высшего государственного поста. Судебные разбирательства на протяжении нескольких лет по поводу получения крупных взяток, наоборот, сделали его – опытного оратора и полемиста – объектом сочувствия, восхищения его стойкостью, что прибавило ему дополнительные голоса на президентских выборах 2009 г. Это один из уникальных случаев подобной политической карьеры не только в Африке, но и в мировой практике. Важно то, насколько эффективно такой глава государства сможет продолжить борьбу с коррупцией в стране.

Проблеме борьбы с коррупцией уделяют много внимания в Малави (в 2010 г. в рейтинге «Трансперенси интернешнл» страна занимала 85-е место[91]). Именно обвинения в коррупции стали причиной того, что в 2000 г. президент Малави Бакили Мулузи отправил в отставку все свое правительство в составе 33 человек. Громкий политический скандал получил международный резонанс, так как кабинет министров обвинили в

нецелевом использовании (на покупку автомобилей марки «Мерседес-Бенц») 250 млн долл. США, предоставленных Великобританией в качестве донорской помощи.

Жесткой антикоррупционной позицией известен и новый президент страны Бингу ва Мутарика, который обвинял в коррупции не только правительство бывшего президента Б. Мулузи, но и его самого. В 2006 г. по обвинениям в коррупции были арестованы несколько министров. Накануне президентских выборов 2009 г. были арестованы также некоторые близкие к Б. Мулузи люди, например Хэмфри Мвула (руководитель государственной автобусной компании, обвиняемый в хищении миллионов долларов в ходе сделок по приобретению запчастей) и бывший министр финансов Фрайди Джамбе, обвиненный в краже более 4 млн долл. США. В мае 2009 г. был арестован и сам Мулузи, правда, сначала официально его обвинили в причастности к антиправительственному заговору. Действия Мутарики по борьбе с коррупцией буквально накануне выборов можно связать с намерением устранить политического соперника, так как Мулузи перед этим открыто заявил о своем желании баллотироваться на президентских выборах в 2009 г.[92] Только время покажет, была ли борьба Мутарики с коррупцией направлена на искоренение этого социального зла или использовалась с целью дискредитации и устранения претендующего на власть Мулузи.

Согласно данным «Трансперенси интернешнл» за 2010 г., в списке из 178 стран по уровню коррупции государства Юга Африки занимали следующие места: Ангола – 168-е, Зимбабве – 134-е, Мозамбик – 116-е, Замбия – 101-е, Свазиленд – 91-е, Лесото – 78-е, Намибия – 56-е, ЮАР – 54-е, Ботсвана – 33-е[93]. По сравнению с предыдущим годом ситуация изменилась мало (как упоминалось выше, в 2009 г. в списке из 180 стран Ангола была на 162-м месте, Зимбабве – 146-м, Мозамбик – 130-м, Замбия – 99-м, Свазиленд – 79-м, Лесото – 89-м, Намибия – 56-м, ЮАР – 55-м, Ботсвана – 37-м[94]).

Специфика и перспективы антикоррупционной борьбы

В государствах региона фигурантами крупных коррупционных процессов, в том числе международного масштаба, все чаще становятся политики высших эшелонов власти – например, Ф. Чилуба в Замбии, Дж. Зума в ЮАР. Широкое распространение коррупции в среде правящих элит в большинстве стран Юга Африки указывает, прежде всего, на слабость и неустойчивость экономических и политических институтов государственной власти. Другими словами, коррупция не только препятствует развитию рыночных отношений, повышая затраты на коммерческую деятельность, не только отпугивает инвесторов, но и подрывает

законность, пагубно влияет на формирование политики и в конечном счете уменьшает доверие населения к демократии.

Коррупция, особенно в высших эшелонах власти, показывает существование в обществе различия между объявленными ценностями и ценностями реальными. Это способствует формированию у граждан двойного сознания, что позволяет коррупции не только существовать, но и расширяться. Для африканских государств коррупция представляет опасность не только сама по себе. Коррумпированность в сочетании с конкуренцией элит внутри государства, а также при отсутствии консенсуса внутри правящей элиты напрямую угрожает стабильности самого государства. Одним из наиболее существенных критериев для определения устойчивости государства является уровень его криминализации и делегитимизации, то есть насколько население страны считает государственный аппарат коррумпированным, незаконным и неэффективным. Согласно данным экспертного рейтинга «недееспособных» (или «несостоявшихся») государств мира, составленного в 2008 г. влиятельным американским журналом Foreign Policy и общественной организацией Американский фонд мира (The Fund for Peace), в списке из 141 страны самыми слабыми в этом отношении на Юге Африки были названы Зимбабве (в рейтинге входит в первую пятерку стран – 8-е место), Ангола (11-е место), Замбия (32-е), Мозамбик (39-е), Свазиленд (41-е) и Лесото (53-е); относительно благополучными оказались Ботсвана (102-е) и ЮАР (110-е)[95]. Место страны в рейтинге определялось так называемым «индексом несостоявшихся государств» (FSI – Failed States Index), разработанным The Fund for Peace и оценивающим ее социально-экономическое развитие[96]. В монографии российских исследователей И.О. Абрамовой, Л.Л. Фитуни и А.Л. Сапунцова «”Возникающие” и “несостоявшиеся” государства в мировой экономике и политике» (М.: Институт Африки РАН, 2007) дан анализ африканских стран, в том числе Юга Африки, по индексу FSI. В числе 12-ти его индикаторов указаны «Расщепление общества с выделением правящей элиты», «Подрыв законности власти и криминализация государства», «Быстрый и/или глубокий экономический спад»[97]. Учитывая возможность угрозы перехода в разряд «несостоявшихся» государств, правящие элиты региона смогут способствовать укреплению государства и в конечном счете препятствовать маргинализации континента в целом.

В реалиях некоторых беднейших африканских стран, где коррупция существует на фоне крайней нищеты, она может стать также причиной гуманитарной катастрофы. Опасность такой ситуации, комментируя Доклад «Трансперенси интернешнл» о коррупции в мире в 2008 г., еще раз подчеркнула председатель правления этой организации Угетт Лабелль (Канада): «Когда речь идет о средствах на финансирование боль-

ниц или поставках чистой воды, в беднейших странах мира уровень коррупции может означать жизнь или смерть»[98]. Эта проблема крайне актуальна для Мозамбика, Анголы и Замбии, в которых при крайне низком уровне доступа населения к питьевой воде (в середине 2000-х годов 45%, 47% и 58% соответственно)[99] стабильно отмечаются высокие показатели коррупции (в 2010 г. ИВК в этих странах составил соответственно 2,7, 1,9, и 3)[100].

Сравнивая уровни коррупции в странах региона в 2000-е годы, необходимо отметить (даже с учетом увеличения числа стран в рейтинге, что несколько сдвигает их позиции) ухудшение ситуации в Анголе (в 2003 г. она занимала 124-е, а в 2010 г. – 168-е место в мире), в ЮАР (соответственно 48-е и 54-е места) и Намибии (41-е и 56-е). И в такой достаточно благополучной в этом отношении стране, как Ботсвана, эта «болезнь общества» также прогрессирует: если в 2001 г. страна в списке «Трансперенси интернешнл» занимала 26-е место, то в 2009 г. – 37-е, а в 2010 г. – 33-е место.

Анализ данных о коррупции многолетних исследований «Трансперенси интернешнл» свидетельствует о тесной функциональной связи низких результатов антикоррупционной деятельности (или невозможности ее ведения вообще) правящих национальных элит с недостаточным уровнем проработки ее юридической базы. Правящим элитам придется осознать, что борьба с коррупцией должна базироваться на реально действующих антикоррупционных законах. Но этот недостаток отмечается не только в африканских государствах, а присущ переходным обществам в целом. По мнению директора российского отделения «Трансперенси интернешнл» Елены Панфиловой, в России также идет саботаж антикоррупционных реформ[101]. В июне 2009 г., обсуждая тему существования в некоторых странах особой коррупционной ментальности, она заявила, что системность и объемность коррупции объясняется не ментальностью, а «тем, что везде (в обществах переходного типа. – *Л.П.*) отсутствуют хоть сколько-нибудь осмысленные действия по обузданию бюрократического беспредела»[102].

По мнению некоторых исследователей, тяга к коррупционности заложена в самой природе африканской бюрократии. Например, американский исследователь Иммануил Валлерстайн подчеркивал стремление африканской бюрократии трансформировать по крайней мере часть контролируемого ею общественного богатства в свою собственность[103]. Данные организации «Трансперенси интернешнл», в которых в списке самых коррумпированных стран мира, помимо африканских, находятся также европейские (в 2010 г. Россия занимала 154-е место, Украина – 134-е, Беларусь – 127-е), латиноамериканские (Венесуэла – 164-е, Парагвай – 146-е) и азиатские (Камбоджа и Лаос – делили 154-е место) госу-

дарства[104], опровергают категоричность утверждений об особой «коррупционной ментальности» африканских элит. Кстати, пагубность такого подхода к проблеме коррупции в 2002 г. отмечали эксперты Африканского союза (АС), указывая, что «коррупция в принципе не должна рассматриваться как часть культуры африканцев»[105]. В новейшей истории Юга Африки есть примеры достойного правления, не запятнанного коррупцией и не отмеченного непотизмом. Так, первый президент демократической ЮАР Нельсон Мандела не использовал свой пост для незаконного личного обогащения, не способствовал приходу к власти представителей своей семьи и не пользовался положением президента для помощи родственникам (например, не стал выгораживать свою бывшую супругу Винни Мадикизела-Манделу, которую обвинили в соучастии в убийстве[106] и в финансовых махинациях).

Правящим политическим элитам придется осознать, что борьба с коррупцией необходима не только для повышения имиджа страны в глазах международной общественности и сокращения маргинальности Африки в целом. Борьба с коррупцией для экономики страны имеет конкретное стоимостное выражение. По утверждению профессора Йохана Ламбсдорфа из Университета г.Пассау (Германия), который проводит расчеты ИВК для «Трансперенси интернешнл», «данные показывают, что улучшение оценки ИВК всего на один пункт приводит к росту притока капитала, равному 0,5% ВВП страны, а также повышению доходов населения в среднем на 4%»[107].

Одним из эффективных средств искоренения коррупции и продвижения демократии в Африке считает свою премию «Лучшему президенту Африки» Мо Ибрагим[*]. В 2007 г. накануне церемонии вручения премии он заявил: «Мы должны избавляться от коррупции и улучшать качество управления. Только так континент сможет обойтись без посторонней помощи»[108].

Роль гражданского общества в борьбе с коррупцией в современном мире широко признана не только его сторонниками, но также его критиками и скептиками. Бороться с этим антиобщественным явлением в одиночку не в состоянии ни правительство (оно воспринимается обществом как часть коррумпированного слоя), ни частный сектор (из-за узкокорпоративных интересов, направленных на получение максимальной прибыли, он часто выступает как инициатор коррупции). Поэтому именно гражданское общество обладает возможностями в борьбе с коррупцией, формируя осознание ее пагубности для развития и потреб-

[*] Суданский миллиардер, основатель Фонда, который носит его имя, учредил в 2007 г. премию «Лучшему президенту Африки» (самая большая в мире индивидуальная премия – 5 млн долл. США).

ность в прозрачности политического процесса. В свою очередь, это требует наличия реальной свободы слова, облегчающей поток информации и просвещение избирателей, а также свободы гражданских организаций (НПО). Некоторые лидеры региона понимают необходимость объединения всех общественных сил страны для искоренения коррупции. Бывший президент Замбии Л. Мванаваса 8 декабря 2007 г., накануне объявленного Организацией Объединенных Наций Дня борьбы с коррупцией (9 декабря), заявил: «Я обещаю, что мое правительство будет неуклонно вести борьбу с коррупцией»[109] и призвал общественность страны к объединению общих усилий в этой борьбе.

Наличие политической коррупции подрывает надежды различных слоев населения на повышение их благосостояния и стабильность в стране. Злоупотребление элит политической властью для личного обогащения лишает первостепенных общественных благ (жилье, медицинское обслуживание, образование) те слои общества, которые наиболее в них нуждаются. Часто это создает тот уровень отчаяния, который приводит к конфликтам и насилию. Как отмечает А.М. Васильев, в африканских странах «коррупция, доведенная до беспредела, подрывает легитимность государства, разрушает ткань общества и подрывает возможность экономического и социального развития»[110].

Таким образом, в современном политическом процессе в государствах Юга Африки прослеживается увеличение роли наиболее опасных форм организации власти – так называемых «луто-» и «клептократии», во многом характеризующих властные отношения на континенте. В 2004 г. заместитель председателя Южноафриканского института международных отношений Моелетси Мбеки в одном из своих выступлений заявил, что теперь средний африканец живет хуже, чем в эпоху колониализма и обвинил африканские элиты в том, что они «воруют деньги и хранят наворованное за рубежом, в то время как колониальные правители засевали поля, строили дороги и города»[111].

Развитие клептократии, незаконно использующей свое служебное положение в целях наживы, приводит, по мнению Л.В. Гевелинга, к тому, что после этапа ее приспособления к существующей политической системе «резко активизируется тенденция к становлению качественно новой системы властных принципов и институтов, едва ли не полностью подчиненных интересам различных фракций клептократии»[112]. В результате феномены лутократии и клептократии способствуют эрозии африканского общества.

Теневая экономика и коррупция фактически переориентируют социальную активность граждан в направлении, противоположном расширению политического участия. По справедливому мнению ряда исследователей, криминализация общества не только приводит к массовым на-

рушениям прав и свобод человека, но и негативно сказывается на восприятии населением демократии как таковой. Поэтому политическим элитам государств Юга Африки, видимо, важно понять и принять тот факт, что обязательными условиями в борьбе с коррупцией являются реальная политическая конкуренция, предотвращающая закрытость коррупционных политических элит, вместе с верховенством закона, рыночной экономикой, реальным гражданским контролем и свободными СМИ.

---

[1] *Гевелинг Л.В.* Клептократия: социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М.: Издательство «Гуманитарий», 2001.

[2] www.transparency.org.ru/CENTER/DOC/CPI/CPI2002PressReleaseRus.doc

[3] http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/africa/article5537251.ece

[4] http://www.newzimbabwe.com/pages/chatunga8.19460.html

[5] http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/africa/article5697712.ece

[6] *Шубин Г.В.* Некоторые аспекты социальной политики ЮАР в 1994–2007 гг. // Проблемы развития ЮАР и Зимбабве. (Сборник статей). М.: Memories, 2007. С. 21.

[7] www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009/cpi_2009_table

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] См.: *Johnston M.* Syndromes of Corruption: Wealth, Power, and Democracy. Cambridge University Press, 2006.

[11] www.transparency.org.ru/CENTER/DOC/CPI/CPI2002PressReleaseRus.doc

[12] Компас. ИТАР-ТАСС. 2005. № 25. С. 79.

[13] Компас. ИТАР-ТАСС. 2008. № 39. С. 54.

[14] www.freedomhouse.org/template.cfm?ccrcountry=168&ccrpage=37&edition=8&page=140&section=84#ref10

[15] http://www.newsfactory.kz/44582.html

[16] Manifesto Eleitoral. RENAMO-União Eleitoral. Por uma Mudança Tranquila, 2004. С. 2.

[17] http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/7912077.stm

[18] Компас. ИТАР-ТАСС. 2008, № 49. С. 70.

[19] Коммерсантъ. М., № 211 (3542). 2006. 13 ноября.

[20] http://angola.polpred.com/?cnt=10&art=246

[21] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 3 марта.

[22] См.: *Прокопенко Л.Я.* Замбия: особенности становления многопартийной системы (90-е годы). Ученые записки. Вып. 17. М.: Институт Африки РАН, 2000. С. 37.

[23] Times of Zambia. Ndola, 1995. July 7.

[24] www.cato.org/pub_display.php?pub_id=3976-23k

[25] www. archive.amnesty.org/report2007/rus/Regions/Africa/Zambia/default.html

[26] Lusaka Times. Lusaka. 2009. March 3.
[27] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 4 марта.
[28] http://www.amnesty.org.ru/report2005/moz-summary-rus
[29] *Гевелинг Л.В.* Указ. соч. С. 498.
[30] См.: Там же. С. 474.
[31] www.eurodad.org/uploadedFiles/Whats_New/News/Eurodad%20Switzerland_Nigeria_stolen_loot.pdf
[32] *Hudleston S.* Face of Courage. A Biography of Morgan Tsvangirai. Cape Town: Double Storey, 2005. P. 43.
[33]http://www.transparency.org/news_room/latest_news/press_releases/2007/2007_02_21_campaigner_angola
[34] См.: Страны Африки 2002. М., 2002. С. 630.
[35] http://www.amnesty.org.ru/report2005/moz-summary-rus
[36] www.stopcorruption.ru/item_350.html
[37] См.: Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука, 2007. С. 544.
[38] www.transparency.org.ru/CENTER/DOC/CPI/CPI2002PressReleaseRus.doc
[39] http://www.mineral.ru/News/22730.html
[40] www.nepad.org/2005/files/aprm.php
[41] http://allafrica.com/stories/200712240271.html (24 декабря 2007 г.)
[42] Наука и жизнь. М., 2006. № 4. С. 19.
[43] www.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTRUSSIANHOME/NEWS-RUSSIAN
[44] http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/44
[45] www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009/cpi_2009_ table
[46] http://www.inopressa.ru/article/22Jul2009/wsj/hu.html
[47] Цит. по: *Гевелинг Л.В.* Указ. соч. С. 495.
[48] Компас. ИТАР-ТАСС. 2007. № 17. С. 80.
[49] http://www.iaas.msu.ru/pub_on/geveling/l-6-7.html
[50] http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/results
[51] http://www.forbes.com/feeds/afx/2009/12/03/afx7179979.html
[52] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 3 марта.
[53] http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/863
[54] *Simons S.* Die geschmierte Republik // Der Spiegel. № 42. 2008. Oktober 13. (http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-61086164.html)
[55] http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20091122092410.shtml
[56] http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/results
[57] Страны Африки 2002. М., 2002. С. 639.
[58] *Hudleston S.* Op. cit. P. 44.
[59] *Демкина Л.А.* Социально-экономические предпосылки политического кризиса конца 90-х годов в Зимбабве // Африканский калейдоскоп. М.: Институт Африки РАН, 2005. С. 46.
[60] www.archive.amnesty.org/air2008/rus/regions/africa/zimbabwe.html
[61] http://www.thereport.amnesty.org/rus/regions/africa/zimbabwe

[62] www.allafrica.com/stories/200712240271.html
[63] www.zimbabwetoday.co.uk/2007/12/special-report.html
[64] Там же.
[65] Там же.
[66] Africa South of the Sahara. 2007. L. and N.-Y., 2006. P. 1275.
[67] Цит. по: Legacies of Power. 2006. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 2006. P. 83.
[68] www.news.bbc.co.uk/2/hi/africa/country
[69] Ibid.
[70] Lusaka Times. Lusaka, 2007. May 24.
[71] http://president.dreab.com/p-Zambian_presidential_election,_2006
[72] Africa South of the Sahara 2009. L.: Routledge, 2008. P. 1260.
[73] Not guilty; Zambia's Corruption Trial. (Frederick Chiluba's Corruption Trial) // The Economist. L., 2009. August 20.
[74] Lusaka Times. Lusaka, 2009. March 3.
[75] Lusaka Times. Lusaka, 2009. March 6.
[76] Guardian. L., 2009. August 17.
[77] http://www.kommentator.ru/policy/2005/p0616-4.html
[78] Lusaka Times. Lusaka, 2009. January 9.
[79] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2007. 9 августа.
[80] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 5 марта.
[81] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2008. 30 октября.
[82] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 4 марта.
[83] http://www.scribd.com/dok/19256532/Zambia-National-Anti-Corruption-Policy
[84] http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/results
[85] Компас. ИТАР-ТАСС. 2005. № 25. С. 78.
[86] См.: *Касимова А.Н.* Политическая власть и оппозиция в современной ЮАР. М.: Институт Африки РАН, 2009. С. 41.
[87] *Шубин Г.В., Майданов И.И.* Вооруженные силы и военная промышленность ЮАР. М.: Институт Африки РАН, 2007. С. 75.
[88] Компас. ИТАР-ТАСС. 2006. № 16. С. 81.
[89] Там же.
[90] www.iol.co.za/news/politics/free-mercedes-benz-vexes-ndebele-1.443731
[91] http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/results
[92] http://www.news.bbc.co/uk/2/hi/africa/7912077.stm
[93] http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/results
[94] http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009/table
[95] http://gtmarket.ru/news/state/2008/07/01/1736
[96] См.: *Абрамова И.О., Фитуни Л.Л., Сапунцов А.Л.* «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике. М.: Институт Африки РАН, 2007. С. 61.
[97] Там же. С.63–65.
[98] http://www.transparency.org/news_room/in_focus/2008/cpi2008/po_russki

[99] http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/EXTWAT/0,,contentMDK:21733296~menuPK:4818343~pagePK:148956~piPK:216618~theSitePK:4602123,00.html

[100] http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/results

[101] http://www.korrup.ru/index.php?s=17&id=15&d=&m=&y=

[102] Там же.

[103] См.: *Гевелинг Л.В.* Указ. соч. С. 280.

[104] http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/results

[105] www.news.bbc.co.uk/hi/world/Africa/2265387.stm2002

[106] См.: *Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999. С. 354.

[107] http://www.transparency.org/news_room/in_focus/2008/cpi2008/po_russki

[108] http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/1091328~pagePK:64257043

[109] http://www.zambian-economist.com/2007/12/corruption-wars-part-2.html

[110] *Васильев А.М.* Африка и вызовы XXI века. Доклад на IX конференции африканистов. (Москва, 21–23 мая 2002 г.). М.: Институт Африки РАН, 2002. С. 18.

[111] http://www. allafrica.com/news/2004/09/040928html

[112] http://www.iaas.msu.ru/pub_on/geveling/l-15-17.html

Глава V

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Этнический фактор в Африке является одной из наиболее сложных социально-политических проблем, интегрирующей в себе комплекс многих противоречий африканского общества. Руководители африканских государств пытаются решать экономические, социальные, политические и культурные проблемы своих стран с учетом этнического фактора и этнической общности. 50-летний опыт независимого развития стран континента показал, что этнический фактор отнюдь не утратил своего значения и продолжает играть заметную роль в современной политической жизни, в том числе и в странах Юга Африки.

Подавляющее большинство населения государств региона составляют африканские народы, при этом практически все эти страны полиэтничны: например, в Анголе живут представители 110-ти этнических групп, в Мозамбике – 50-ти, в Замбии – 73-х. Только в Свазиленде и Лесото подавляющая часть населения принадлежит к одному народу: 97% населения Свазиленда – свази, а 98% населения Лесото составляет народ басуто. А ЮАР, Намибия и частично Зимбабве одновременно являются также многорасовыми государствами.

Многие партии и общественные организации в странах Юга Африки создавались на этнической основе. В ЮАР Инката фридом парти была создана как национальное движение зулусов, а ее президентом стал выходец из рода вождей зулусов Гатша Мангосуту Бутелези. В Анголе выраженную этническую базу имеют и правящая партия МПЛА (иногда ассоциируется с народностью амбунду), и оппозиционные партии Национальный союз за полное освобождение Анголы (УНИТА), и Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА). Опорой УНИТА является народность овимбунду, составляющая 37% населения, а ФНЛА – народность конго /баконго/ (13%). В Анголе также действуют партии, представляющие другие этносы страны: ФЛЕК/«Реновада» (фиоте), ПДП-АНА (Демократическая партия за прогресс – Национальный альянс Анголы – конго (баконго)), ПРС (Партия социального обновления – чокве)[1]. В Замбии в 1990-е годы одной из самых влиятельных оппозиционных партий была партия Повестка дня Замбии (созд. в 1996 г.), представлявшая интересы народа лози. Ее лидером был член королев-

ской семьи народности лози Акашамбатва Мбикусита-Леваника. В Намибии Демократическая организация национального единства (НУДО) является партией народа гереро, а в конце 1990-х годов активно действовало сепаратистское Движение за освобождение Каприви. В Лесото существуют три партии народа басуто – Конвент всех басуто (КВБ), Национальная партия басуто (НПБ) и Партия конгресса басуто (ПКБ). Таким образом, этническая основа партий в Африке отражает «пестроту африканского населения и стремление этнического объединения любого уровня иметь своего представителя во властных структурах»[2]. В том числе и по этой причине этнический фактор играл и продолжает играть существенную роль не только в деятельности ряда политических организаций, но и в политическом процессе в целом.

Многие политические лидеры сохраняют верность традициям народа, к которому они принадлежат. Президента ЮАР зулуса Джекоба Зуму считают в стране «100-процентным зулусом». Об этом свидетельствует, прежде всего, его полигамность. Зума придерживается также других зулусских традиций. Например, на своей последней свадьбе (в 2008 г.) он с новой женой Номпумелело Нтули исполнял традиционные танцы своего народа, накрывшись шкурами леопарда. Чтут традиции и в семье выходца из рода вождя этнической группы мвезо, входящей в состав народности коса, Нельсона Манделы. В 2007 г. трон вождя этого народа занял его внук и начинающий политик, 32-летний Мандла Мандела. В том же году он женился, и его свадьба состояла из двух церемоний: венчание в церкви в европейских костюмах и традиционная африканская свадьба, на которой жених и невеста, облаченные в экзотические наряды из шкур, украшенных бусами, перьями и пр., вместе с гостями танцевали и отгоняли злых духов[3].

Политики часто для укрепления своих позиций прибегают к использованию элементов традиционной культуры. Например, в Замбии, где на протяжении последнего десятилетия в политической жизни сохранялось главенство народа бемба, накануне первых многопартийных выборов в 1991 г. объектом политического противостояния оказался факт обладания одним из символов традиционной власти. На похоронах бывшего вице-президента страны и вождя бемба Симона Мванса Капвепве его церемониальный жезл был вручен профсоюзному лидеру Ф. Чилубе, что символизировало переход к нему лидерства этой народности. Это в немалой степени способствовало укреплению авторитета Ф. Чилубы, хотя дочь С. Капвепве Чилуфья во время предвыборной кампании 1991 г. пыталась доказать, что жезл должен быть унаследован ее братом. Попытка политической дискредитации Ф. Чилубы не удалась, так как Чилуфью, потерпевшую поражение на дополнительных парламентских выборах в Чинсали, обвинили в нападках из мести за собст-

венную неудачу. Сторонники Чилубы утверждали, что по традиции бемба символы политической власти С. Капвепве могли перейти только к сыновьям одной из его дочерей.

Умение достигать политического компромисса – обязательный элемент деятельности главы любого государства. В условиях партийного плюрализма в полиэтнической стране лидер должен считаться не только с проявлением разных политических взглядов, но и учитывать потребности всех народов, ее населяющих. Именно так поступил Н. Мандела, пытаясь объединить все народы ЮАР накануне первых демократических выборов в 1994 г. Принадлежащий к коса, он, обращаясь к радикальной партии зулусов Инката фридом парти, которая отказывалась участвовать в выборах, сказал: «Я к вам приеду, встану перед вами на колени, только бы вы пришли голосовать»[4].

Как показывает анализ внутренней политики глав государств региона в 1990–2000-е годы, некоторые из них (например, Ф. Чилуба в Замбии, Р. Мугабе в Зимбабве, Т. Мбеки в ЮАР) совершили немало промахов и ошибок в области общественно-политических отношений. Ряд таких ошибок был вызван объективными причинами, связанными с трудностями переходного периода, причины же других заключаются в личных качествах и методах управления самих президентов.

Наиболее стабильной в регионе в этнополитическом отношении является Ботсвана, также принадлежащая к полиэтническим государствам. (Более 94% населения составляют бантуязычные народы. Самый многочисленный их них, тсвана, подразделяется на 8 этнических групп – квена, кгатла, малета, нгвакетсе, нгвато, ролонг, тавана и тлоква). Главной причиной этого стала взвешенная и эффективная социально-экономическая политика правящей элиты страны. Преимущество в ней принадлежит народу тсвана. Нынешний президент Ботсваны Серетсе Кхама Ян Кхама (приведен к присяге 1 апреля 2008 г.), так же как и его отец – президент страны в 1966–1980 годы С. Кхама, – является вождем народа нгвато, принадлежащего к тсвана.

Становление в начале 1990-х годов на континенте т. н. «многопартийной квазидемократии», представляющей собой одну из разновидностей африканской автократии, придало чрезмерную политическую значимость этническому фактору. Не избежали этого и государства Юга Африки. Наиболее ярким примером стало вооруженное противостояние в Анголе вооруженной группировки УНИТА во главе с Ж. Савимби и правительства МПЛА, возглавляемого Ж.-Э. душ Сантушем в 1990-е годы. Страна из-за гражданской войны, длившейся на протяжении 25-ти лет, оказалась на грани гуманитарной катастрофы. Борьба политических элит за власть в стране, прежде всего представлявших УНИТА и МПЛА, не прекратилась и после многопартийных выборов, которые со-

стоялись в 1992 г. Политические амбиции рвущегося к власти Савимби не позволили ему смириться с волей народа, проголосовавшего за МПЛА и душ Сантуша, который получил 49,6% голосов избирателей[5]. Оппозиционер Савимби, получивший на выборах 40% голосов, вновь начал военные действия, которые длились до 2002 г. и, как отмечает ангольский исследователь Л.П. Милагре да Консейсау, «…были намного страшнее и разрушительнее, так как они велись в каждом городе, в каждой деревне»[6]. Этнополитический конфликт в Анголе был окончательно разрешен только после физического устранения Ж. Савимби, который был убит 22 февраля 2002 г. в ходе операции правительственных войск в провинции Мошику.

На события в Анголе в тот период в значительной мере повлияло вмешательство Запада, отстаивавшего экономические интересы ряда ТНК. По мнению российского исследователя А.В. Притворова, в Анголе «сам по себе этнический фактор, несмотря на всю свою глубокую значимость, оставался бы пассивным без серьезного внешнего воздействия … и вряд ли привел бы к столь трагическим последствиям…»[7]. Главную причину «живучести» межэтнических противоречий он справедливо усматривает в «нерешенности социальных и экономических проблем, на фоне которых происходит разжигание межэтнических противоречий усилиями некоторых политических сил, имеющих внешние экономические интересы внутри страны и в пределах региона»[8].

В современной истории Замбии не было серьезных столкновений на этнической почве. Иногда ее называют удачным примером достижения этнополитической консолидации в условиях полиэтнического государства. Тем не менее в процессе политической либерализации в этой стране отчетливо проявились негативные аспекты политических реформ 1990-х годов в африканских странах. Политические спекуляции правящей элиты на этнической принадлежности оппозиционных политиков привели к обострению межэтнических отношений в стране.

Межэтнические противоречия обостряли внутриполитическую обстановку в Замбии еще в период однопартийности. Многие этнические группы страны, в первую очередь лози, были недовольны тем, что бемба преобладают в органах управления. С особой остротой этнический фактор вновь заявил о себе в период возврата Замбии к многопартийной системе. Многие из образовавшихся политических партий создавались по этническому принципу: Христианский альянс за королевство Африки (ЧАКА) и Фракция за национальное единство (ФНЕ) объединяли в основном лози, а Национальная партия опиралась на союз народностей лози и тонга. Признаки межнациональной и межэтнической напряженности возникли сразу же после прихода к власти в 1991 г. лидера созданной в 1990 г. Партии за многопартийную демократию Ф. Чилубы и

формирования им нового кабинета министров. Ключевые посты в правительстве заняли представители народности бемба[9]. Засилье бемба в руководстве отчасти стало причиной добровольного выхода из кабинета министров двух молодых честолюбивых политиков – представителя народности лози Акашамбатвы Мбикусита-Леваники и его коллеги из народности тонга Болдуина Нкумбулы.

Для определения места этнического фактора в общественно-политических отношениях важное значение имеет вопрос об этническом представительстве, так называемом «региональном и этническом балансировании»[*]. При однопартийном режиме во время нахождения у власти предыдущего президента К. Каунды этот принцип был важным критерием распределения высших постов в партии и правительстве. Каунда стремился, чтобы высшие посты были поровну распределены между представителями провинций. В интересах стабильности, национального единства и интеграции все этнические группы были представлены в самых высших эшелонах власти. А правительство ДМД официально заявило, что не поддерживает принцип этнического балансирования по причине его недемократичности, и назвало этот принцип средством для проведения политики «разделяй и властвуй». В предвыборном (1991 г.) манифесте ДМД отмечалось: «Высшие правительственные посты должны быть распределены с учетом достижения баланса между опытом и политической поддержкой, но при этом нет необходимости обеспечивать равный баланс между главными этническими группами»[10].

При этом Ф. Чилуба – выходец из народности бемба – и в период второго срока на посту президента всячески поощрял представительство своих соплеменников на разных уровнях власти. Как и парламент, сформированное им правительство состояло из членов правящей ДМД и в большинстве своем из представителей народности бемба. Из 150 членов парламента, избранного в 1996 г., 80 были выходцами из бемба. В то же время такие народности, как тонга, лози, нгони, были представлены в парламенте не более 7 членами каждая. Подобная ситуация наблюдалась и в правительстве – более половины министров принадлежали к бемба[11]. Оппозиция выступила против официальной политики в области этнического представительства и распределения политических постов. Ф.Чилубу обвиняли в том, что он просто не понимает значения этнического балансирования в замбийской политике[12].

Этнический вопрос оказался в центре внимания также в ходе предвыборной кампании в 1996 г. К этому времени в стране значительно ухудшилась экономическая ситуация. Заметно активизировала свою

[*] Принятый в Замбии термин, обозначающий региональное и этническое представительство в общественно-политических отношениях.

деятельность оппозиция, в которой главенствующее положение после дискредитировавшей себя на дополнительных выборах 1994 г. Национальной партии (НП) вновь заняла бывшая правящая партия ЮНИП во главе с вернувшимся в большую политику К. Каундой[*]. Как уже упоминалось ранее, для устранения сильного противника на выборах был найден весьма эффективный способ. В мае 1996 г. была принята новая конституция Замбии. Она была одобрена только парламентом, а не национальным референдумом, как того требовали оппозиция и неправительственные организации. Принятие новой конституции правительство Ф.Чилубы оправдывало тем, что предыдущая конституция 1991 г. представляла собой наскоро составленный документ, главной целью которого было ускорить проведение многопартийных выборов, и уже не отвечала требованиям текущего момента. Одна из статей новой конституции запрещала баллотироваться на пост президента страны замбийцам менее чем в третьем поколении[13].

Именно эта статья отстранила от участия в выборах осенью 1996 г. К. Каунду, отец которого был выходцем из соседнего Малави. Основные силы оппозиции, в том числе ЮНИП, по этой причине бойкотировали выборы. Таким образом, этническая карта была «разыграна» Ф. Чилубой и принесла ему на определенном этапе существенные политические дивиденды – он вновь был избран президентом. Необходимо отметить, что спекуляции на этнической принадлежности с целью устранения политических конкурентов – отнюдь не замбийское изобретение. В середине 1990-х годов этнонациональный фактор подобным образом был использован в преддверии президентских и парламентских выборов в Кот-д'Ивуаре[14]. Но на тот момент в Замбии подобная тактика борьбы с политическими конкурентами имела гораздо более серьезные последствия, а именно – обострение межэтнических противоречий, политическая изоляция в регионе, приостановка донорской помощи западных стран.

Оппозиция предупреждала о возможных последствиях дискриминации по этническому признаку. Лидер оппозиционного движения Либеральный прогрессивный фронт (ЛПФ) Роджер Чонгве заявил, что ситуация, при которой «... граждане Замбии ... разделены на два класса: те, кто может править, и те, кто имеет несчастье не быть замбийцем в третьем поколении, грозит пожаром межэтнической розни, потушить который будет чрезвычайно сложно»[15]. Деление замбийцев на «истинных» и «неистинных» согласно конституции 1996 г. спровоцировало шовинистические настроения определенных элементов, вылившиеся в проявления ксенофобии по отношению к представителям индийской общины: в марте 1995 г. в городах Мазабука и Ливингстон африканские жители громили магазины, принадлежавшие индийским торговцам, был разрушен и осквернен индуистский храм. Индийцев без конкретных доказательств обвиняли в причастности к похищениям и ритуальным убийствам африканских детей. Отсутствие официальной реакции властей на эти события не только делало возможным их повторение в будущем, но и доказывало, что налицо старый испытанный метод, к которому правящая элита часто прибегает в сложившемся тяжелом экономическом положении страны – направить недовольство в привычное русло, то есть обвинить во всех бедах «чужих».

[*] В 1993 г. после обвинений Ф. Чилубы в злоупотреблении властью во время пребывания на посту главы государства К. Каунда заявил о прекращении всякого рода политической деятельности. В июле 1995 г. он был снова избран лидером ЮНИП.

В условиях политического плюрализма и «выпячивания» этнического фактора с новой силой обострилась давняя проблема Баротселенда (ныне Западная провинция). ДМД, придя к власти, обещала урегулировать вопрос об автономии лози (народности, населяющей данную провинцию). Важно отметить, что многие видные функционеры и рядовые члены ДМД принадлежат к лози (например, член королевской семьи лози Акашамбатва Мбикусита-Леваника, традиционные правители А. Вина, Инонге), и именно их активная деятельность по пропаганде идей многопартийности обеспечила партии победу на выборах в 1991 г. В 1990-е годы А. Мбикусита-Леваника возглавлял одну из самых влиятельных оппозиционных партий под названием «Повестка дня Замбии». В 1998 г. он объявил о начале «крестового похода за независимость Баротселенда», поскольку правительство систематически нарушало условия договора 1964 г. об его особом статусе[16]. Мбикусита-Леваника также направил письма главам государств Сообщества развития Юга Африки (САДК) и в секретариат этой организации с разъяснением своей позиции. Вряд ли такой опытный политик, каким был А. Мбикусита-Леваника, всерьез рассчитывал на отделение Баротселенда от Замбии и создание там независимого государства. Скорее всего, это был очередной политический ход в борьбе за голоса избирателей накануне предстоявших выборов в местные органы власти. Требования Баротселенда о региональной автономии расходились с официальной политикой существования унитарного государства и были довольно опасными в сложившейся на тот момент политической ситуации в стране. Правительству Ф. Чилубы потребовалось немало усилий для урегулирования конфликта с традиционной элитой этого района страны.

Избранный в 2001 г. следующий президент Замбии Леви Мванаваса принадлежал к этнической общности ленджe[17]. Находясь на посту главы государства, до самой своей кончины летом 2008 г. он пытался при-

держиваться политики этнического балансирования. Поддерживалась также практика участия в традиционных церемониях местных народов лидеров соседних государств, в которых живут их соплеменники. Например, в 2007 г. по приглашению Мванавасы президент Мозамбика А. Гебуза и президент Малави Б. Мутарика приняли участие в традиционной церемонии народа чева под названием «куламба», проходившей в местности Катете (восток Замбии)[18].

Нынешний президент Рупиа Банда принадлежит по отцу к этнической общности чева и к нгони по матери. Его деятельность на посту президента дает основания говорить о том, что он понимает важность этнического согласия в стране и поддержания дружественных отношений с соседними странами, где живут представители тех же народов. В феврале 2009 г. по его приглашению новый президент ЮАР Дж. Зума участвовал вместе с ним в традиционной церемонии под названием «нквала» народа нгони, проходившей в Восточной провинции[19]. Кстати, нгони являются выходцами из Квазулу-Натала – родных мест Зумы. В июне 2009 г. Банда вместе с президентами Р. Мугабе (Зимбабве) и Дж. Кабилой (ДРК) участвовал в традиционной церемонии, посвященной Дню единения. А в сентябре того же года он снова пригласил президентов А. Гебузу и Б. Мутарику на очередную традиционную церемонию «куламба»[20].

Однако оппозиция часто обвиняет Р. Банду в отходе от принципа этнического балансирования. В ноябре 2009 г. депутаты парламента от партий Патриотический фронт (ПФ) и Объединенная партия за национальное развитие (ОПНР) выступили против назначения в центральную избирательную комиссию судьи Е. Чулы, который является родственником президента Р. Банды. Депутат парламента от ПФ Й. Муканга заявил, что четверо из пяти членов этой комиссии, так же как и президент и верховный судья страны, – выходцы из Восточной провинции[21]. В январе 2010 г. президент произвел в правительстве некоторые перестановки, в результате которых в нем установился относительный региональный баланс: были представлены все 9 провинций, но перевес по-прежнему остался на стороне представителей Восточной провинции. Один из вождей нгони Мпезени критиковал Банду за то, что выходцы из этого народа не были включены в правительство, ни сформированное в ноябре 2008 г., ни после изменений, произведенных в январе 2010 г.[22]

В то же время сами оппозиционные партии часто состоят из представителей одних и тех же этнических групп. Например, в руководстве партии ПФ много выходцев из Северной провинции, а в руководстве партии ОПНР – представителей тонга. Некоторые политики именно по этой причине подвергают сомнению эффективность Объединенного демократического альянса (ОДА), в который входят партии ЮНИП,

ОПНР и ФДР (Форум за демократию и развитие). Так, член парламента Робби Чизука осенью 2009 г. высказал удивление союзом между М. Сатой (лидер ПФ) и Х. Хичилемой (лидер ОПНР), так как первый никогда не скрывал своих убеждений ярого трайбалиста[23].

Рассматривая пример Замбии, необходимо отметить, что в ее современной истории не было острых межэтнических конфликтов, перераставших в открытые вооруженные столкновения. Здесь межэтнические конфликты – явление достаточно редкое. Отдельные вспышки напряженности в межэтнических отношениях носят спонтанный характер и основываются на неприязни к представителям чужой народности. Примером тому могут служить отношения народностей лунда и лувале. Лунда мигрировали в район Замбези – территорию коренного расселения лувале – с севера Замбии еще в конце XIX в. и прочно осели там, занимаясь в основном сельским хозяйством. Отношения между ними носят достаточно натянутый характер и периодически обостряются. Так, в декабре 1998 г. традиционный вождь народности лувале Ндунгу потребовал от властей немедленного выдворения с «его территории в районе Замбези и отправки лунда на их историческую родину – в район Мвинилунга»[24]. Причиной конфликта послужило недовольство лунда массовыми шествиями по их территории лувале во время традиционного праздника этого народа. Однако пресса попеременно уличала обе стороны в умышленном разжигании межэтнической неприязни.

В январе 2011 г. вновь активизировали свои действия сторонники отделения Баротселенда. В Монгу (административный центр Западной провинции) имели место столкновения между сепаратистами из движения «Черный бык» и полицией, в ходе которых погибли 2 человека и 125 были ранены[25]. Члены королевской семьи народности лози официально дистанцировались от произошедших беспорядков. 10 февраля 2011 г. литунга (традиционный вождь) лози во время встречи с президентом Р. Бандой в его резиденции осудил действия сепаратистов и заявил, что Баротселенд является частью Замбии[26].

В Намибии, во многом благодаря сохранению этнического баланса в правящей элите, удалось избежать межэтнических столкновений в течение нескольких десятков лет. Основу политической элиты Намибии составляют овамбо, которые делятся на 8 групп. Наиболее многочисленные из них – куаньяма и ндонга. Первый президент независимой Намибии Сэм Нуйома принадлежит к народности нганджера, которая также входит в овамбо. «Найденный» таким образом этнический баланс (по формуле «лидер из меньшинства, принадлежащего к большинству») оказался очень удачной формой обеспечения стабильности и социального согласия в стране на протяжении всего срока нахождения Нуйомы на посту президента (1990–2005 гг.). До 2005 г. этнический баланс в

правительстве, где многие принадлежали к овамбо, поддерживался нахождением на посту премьер-министра Тео-Бен Гурираба, выходца из народности гереро. В 2005 г. он был избран спикером Национальной ассамблеи. После избрания в 2004 г. президентом страны Х. Похамбы, принадлежащего к куаньяма, сохранить относительный этнический баланс в высшем эшелоне власти удалось за счет назначения на пост премьер-министра Нахаса Ангулы – ндонга. Его назначение было результатом этнического и политического компромисса, на который пошел президент Похамба. Дело в том, что Ангула составил ему сильную конкуренцию на внутрипартийных выборах в правящей партии СВАПО в 2005 г.

Тем не менее в стране также проявлялись сепаратистские настроения, угрожавшие ее политической стабильности и целостности. Усиление сепаратистских настроений в условиях политического плюрализма является одной из общих тенденций развития переходных обществ. Почвой для сепаратизма является, в том числе, этнонационализм, идеи и программы которого, как отмечает Н.И. Высоцкая, формулируют и формируют элиты и мобилизуют вокруг них широкие народные массы[27]. Своеобразие африканских стран состоит в том, что сепаратизм, возникая в одной стране, получает поддержку своих соплеменников в соседних странах. Это происходит потому, что в результате создания в Африке искусственных границ одни и те же народности проживают в разных странах, поддерживая тесные этноклановые связи. Например, народности лунда и чокве живут в Анголе и Замбии, а овамбо и гереро – в Анголе и Намибии[28].

События в Намибии в конце 1990-х годов могут служить примером влияния сепаратистских настроений на соседние страны, а также взаимной поддержки среди оппозиционных политиков-соплеменников. Конфликт в замбийском Баротселенде способствовал возобновлению сепаратистских настроений и в соседней Намибии. В 1998 г. Движение за освобождение Каприви во главе с М. Муйонго пыталось вооруженным путем добиться отделения от Намибии района Каприви – узкой полосы намибийской территории, протянувшейся к реке Замбези между границами Анголы и Ботсваны. Каприви населен в основном представителями этнических групп мафве и масубиа, которые, как и замбийские баротсе, входят в народность лози, населяющих Баротселенд.

По мнению некоторых аналитиков, замбийские сепаратисты Баротселенда поддерживали план отделения Каприви[29]. Представитель Патриотического фронта Баротселенда (ПФБ), выступающего за создание отдельного государства баротсе, подтверждал тесные контакты с намибийскими единомышленниками. Кроме того, намибийские сепаратисты проводили переговоры с Консервативной партией Лисели и партией

Повестка дня Замбии. А. Мбикусита-Леваника заявлял, что лози, проживающие в полосе Каприви, имеют полное право выйти из состава Намибии и присоединиться к независимому Баротселенду. Он даже совершил ряд поездок в Каприви, где встречался с традиционными вождями намибийских лози. По его словам, все они высказались за создание независимого королевства Баротселенд.

Кроме замбийских сепаратистов восстание М. Муйонго поддержало ангольское антиправительственное движение УНИТА[30], что затруднило властям Нимибии урегулировать конфликт. В 2004–2007 гг. в Намибии длился процесс по делу о государственной измене в Каприви над 117 обвиняемыми.

В Зимбабве после преследований в 1983–1988 гг. выходцев из народа ндебеле (так называемая операция под названием «Гукурахунди»), традиционно поддерживавших партию ЗАПУ, не было столкновений на этнической почве. Политические противники последнего десятилетия – Р. Мугабе и лидер оппозиционного Движения за демократические перемены М. Тсвангираи – принадлежат к одному народу шона. Но этнический фактор был предусмотрительно учтен М. Тсвангираи при создании его партии в 2000 г.: своим заместителем он назначил Сибанду, который принадлежит к ндебеле. Это расширило ряды его сторонников среди ндебеле и принесло ему и ДДП дополнительные голоса на выборах в 2002 и в 2008 гг. В этом Тсвангираи проявил себя как дальновидный политик, сделавший выводы из политических ошибок соперника Р. Мугабе. Кстати, оба представители шона, они по разному отнеслись к разводу родителей, несвойственному традициям этого народа. М. Тсвангираи, когда его отец ушел из семьи к молодой жене, один из всех детей сохранил с ним самые тесные отношения, хотя и говорил, что не понимает, как отец мог так поступить[31]. А Р. Мугабе в схожей ситуации в знак протеста изменил фамилию отца – Матибили – на фамилию одного из членов общины в родном городе Кутаме[32].

Южно-Африканская Республика, ставшая на рубеже столетий инициатором возрождения африканской самобытности, дает примеры как положительных, так и негативных тенденций в сфере межэтнических отношений. ЮАР – многорасовое и полиэтническое государство. В середине 2000-х годов среди африканского населения наиболее многочисленными этническими группами были зулу (23,8%), коса (17,6), педи (9,4%), тсвана (8,2%), сото (7,9%), тсонга (4,4%), ндебеле (ок. 2%), венда (1,3%) и свази (ок. 1%)[33]. Парламентские выборы в ЮАР в 1999 г. выявили интересный момент, свидетельствующий о превалировании в сознании избирателей расового и этнического подхода в выборе кандидата: большинство белых голосовало за традиционно «белые» партии, а большинство африканцев отдали свои голоса традиционно африкан-

ским партиям. Президент Т. Мбеки тогда констатировал: «Раса – по прежнему определяющий фактор в южноафриканской политике»[34].

В начале 2000 г. была объявлена национальная кампания против расизма[35]. В апреле того же года АНК представил документ о расизме в южноафриканскую Комиссию по правам человека, положения которого позже были оглашены на Всемирной конференции Форума неправительственных организаций против расизма, проходившей с 31 августа по 7 сентября 2001 г. в Дурбане[36].

Развитие политического процесса в ЮАР в 2000-е годы свидетельствует, что в стране окончательно ушли в прошлое времена, когда партии четко делились по расовому признаку. Сначала в декабре 1998 г. развалилась «исключительно белая» Национальная партия (НП), а ровно через десять лет, в декабре 2008 г., была создана новая оппозиционная партия Конгресс народа (КН), в ряды которой влились не только бывшие высокопоставленные члены АНК, но также белые и цветные южноафриканцы.

Как отмечают А.Б. Давидсон и И.И. Филатова, всплеск так называемой «африканскости» (не только возрождение африканских традиций, в том числе в сфере политики, но и роспуск «слишком европоцентричных» симфонических оркестров и балетных трупп) в результате реализации концепции «африканского ренессанса» вызвал недовольство у белых и цветных граждан ЮАР[37]. Таким образом, политика правящей элиты, направленная на сохранение и закрепление национальных ценностей, привела к определенному размежеванию в стране между «африканцами» и «неафриканцами». В результате в среде индийцев, недовольных политикой АНК, росла поддержка оппозиционных партий, прежде всего ДА и Новой национальной партии[38].

В ЮАР влияние этнического фактора на политическую жизнь длительное время в основном выражалось в противоречиях между зулусами (преимущественно зулусской партии Инката фридом парти) и руководством АНК, принадлежащим к народу коса (Н. Мандела и Т. Мбеки).

Одним из самых очевидных проявлений этничности является учет этнического фактора при назначении на правительственные посты. Последние 15 лет во главе АНК преобладали представители народа коса. После выборов 2004 г. преобладание в правительстве Т. Мбеки его соплеменников было очевидным: 13 коса, 6 зулусов, двое тсвана, двое венда и один сото[39]. Если же учесть, что некоторые женщины-зулуски, получившие посты в правительстве Мбеки (вице-президент Пумзиле Мламбо-Нгкука, министр земельных дел Токо Дидиза), замужем за коса, то это дополнительно увеличивало удельный вес коса в кабинете министров. В СМИ создавшуюся ситуацию даже называли «коса ностра»[40].

Этническую окраску имело в какой-то степени и политическое противостояние между Т. Мбеки и Дж. Зумой, по крайней мере в самом его начале. Т. Мбеки был активным пользователем сети Интернет, пропагандирующим в правительстве преимущества переписки по электронной почте. В 2005 г. именно в ходе такой переписки между руководителями АНК, членами правительства и парламента, кем-то обнародованной в СМИ, Дж. Зуму якобы называли «зулусским боем»[41]. Подлинность этой переписки расследовалась, и она была признана фальшивой. Однако эти некорректные выпады против зулусов не оставили их равнодушными и очень быстро помогли Зуме значительно расширить круг своих сторонников. Преобладание коса на правительственных постах в течение последних 15 лет не вызывали особого недовольства среди зулусского населения. Американский исследователь Кортни Джанг в начале 2000-х годов писала, что в стране возникла ситуация, когда «можно быть зулусом, но не иметь заданной ориентации или самосознания»[42]. В процессе длительного конфликта между Мбеки и Зумой самосознание зулусов значительно повысилось, а также укрепилось их желание увидеть на высшем государственном посту своего соплеменника. Из-за противостояния Мбеки–Зума осложнились отношения между АНК, профсоюзами (включая КОСАТУ) и компартией страны, а также возникли проблемы между полицией и спецслужбами. Возникшие проблемы в их взаимодействии были связаны в том числе и с тем фактом, что в этих институтах работали представители различных этнических групп. Представители сото и тсвана в большинстве своем не поддерживали Зуму, а зулусы – напротив, оказали ему поддержку.

Выравнивание политического баланса коса–зулу началось на съезде АНК, состоявшемся в декабре 2007 г. в Полокване. Накануне съезда вопреки прямым призывам Национального исполнительного комитета АНК воздержаться от явной поддержки кого-либо из двух кандидатов, некоторые сторонники Зумы на выборы пришли в майках с надписями «Я – на 200 процентов зулус!»[43]. Такой лозунг был выбран потому, что самого Дж. Зуму называют «100-процентным зулусом», так как он поддерживает традиции своего народа, непосредственен в общении, без комплексов в поведении и любит проводить свободное время в родных местах. А единомышленники действующего президента Мбеки подчеркнуто старались говорить только на своем родном языке – исикоса. Результаты съезда партии свидетельствовали в пользу поддержания этнического баланса в руководстве правящего АНК. Состав Национального исполнительного комитета и Национального рабочего комитета по этническому составу оказались очень разнообразными. Процесс выравнивания в правящей политической элите этнического баланса продол-

жился на парламентских выборах в апреле 2009 г., победу на них одержал Дж. Зума.

Было бы ошибкой рассматривать победу Зумы на съезде АНК в Полокване и на президентских выборах в 2009 г. как смещение политической значимости этнических групп в пользу зулусов или как победу зулусов над коса. Ведь представитель коса Винни Мадикизела-Мандела набрала наибольшее количество голосов при избрании Исполкома АНК на съезде партии, а многие вновь избранные ее руководители принадлежат к другим небольшим народностям страны. Необходимо также добавить, что, в отличие от ситуации на выборах в 1999 г., на парламентских выборах 2009 г. многие южноафриканцы отдали свои голоса зулусу Зуме независимо от своей этнической принадлежности. Самого президента Т. Мбеки также сложно упрекнуть в серьезных этнических предпочтениях хотя бы потому, что накануне выборов в АНК на съезде в Полокване была выдвинута кандидатура министра иностранных дел, бывшей жены Дж. Зумы зулуски Нкосазаны Дламини-Зумы. Говорили, что после увольнения Зумы в 2005 г. Мбеки даже предлагал этот пост ей, но она отказалась.

Многие видные политики ЮАР, например Мосима Сехвале (кстати, также претендовавший в 2007 г. на пост президента АНК), смогли сплотить вокруг себя многочисленных сторонников благодаря отсутствию в своей деятельности расовых и этнических предпочтений. Поэтому говорить о значительном влиянии этнического фактора на политическую сферу в ЮАР, о противостоянии правящих и оппозиционных элит на почве этнической принадлежности было бы серьезным преувеличением.

Связанными с межэтническими противоречиями в определенной степени оказались проявления ксенофобии в ЮАР весной 2008 г. В ряде африканских стран социально-политическую обстановку значительно осложняет нахождение на их территории большого количества иммигрантов и беженцев. Серьезную напряженность иммиграция создает и в ЮАР. В мае 2008 г. в окрестностях Йоханнесбурга начались погромы жилищ иммигрантов из Зимбабве, Мозамбика и Сомали. Местные жители обвиняли иммигрантов из Зимбабве (на тот момент их насчитывалось ок. 3 млн чел.) в том, что они лишают их работы и дают взятки чиновникам, чтобы получить социальное жилье[44]. В списке жертв нападений были также мозамбикцы. Правительство Мозамбика даже предприняло некоторые меры, чтобы срочно принять назад из ЮАР своих граждан.

Для нормализации обстановки южноафриканская полиция была вынуждена применить резиновые пули и слезоточивый газ, которые по уставу полиции считаются крайними мерами при урегулировании кризис-

ных ситуаций. Тем не менее погромы распространились на территорию почти всей страны. Только за две первые недели беспорядков было убито более сорока человек, сотни получили ранения. Общественные организации выступили с протестами против неэффективности мер правительства в борьбе с преступностью. 24 мая в Йоханнесбурге прошла организованная церковью и профсоюзами демонстрация против насилия. 21 мая президент Т. Мбеки призвал армию оказать помощь полиции. Его заявление по поводу происходящих в стране событий было жестким: «То, что сегодня происходит, постыдно и унизительно для страны. Недопустимо, чтобы кучка людей совершала преступления против других африканцев, живущих среди нас. И этому надо положить конец»[45]. В ходе этих событий более 60 человек было убито и 600 с лишним ранено[46]. Власти при поддержке местных общественных организаций создали для вынужденных переселенцев так называемые «безопасные зоны». Эти события были вызваны не этнической нетерпимостью южноафриканского населения к «чужим», а стали следствием нерешенности многих социально-экономических проблем в стране. Для правящих элит других стран Юга Африки, в которых также существуют проблемы беженства и трудовой миграции, это может послужить серьезным предупреждением и уроком.

Правящей элите ЮАР за довольно короткий исторический период удалось многое сделать в преодолении расовых и этнических предрассудков[47]. Но в сфере этнических отношений допускаются некоторые ошибки, которые в будущем могут угрожать политической стабильности. А.Б. Давидсон и И.И. Филатова отмечают, что «южноафриканская демократия – это демократия особого рода …лимитирующая права меньшинств»[48]. Согласно нормам международного права, такая политика допустима только на определенный, строго ограниченный срок. Однако «срока этого ни правительство, ни правящая партия пока не установили»[49].

В декабре 2010 г. компартия ЮАР выступила с критикой некоторых оппозиционных партий, обвиняя их в служении расовым элитам и племенным интересам. Прежде всего критиковался ДА, который, по мнению ЮАКП, защищает интересы исключительно белого меньшинства[50].

Необходимо отметить еще один момент, ярко характеризующий межэтнические отношения в политических элитах региона. В Замбии и, особенно, в ЮАР этнические трения часто связаны с обвинениями политических противников в коррупции и протекционизме. Пример тому – «этнический» раскол в руководстве АНК в провинции Западный Кейп[51]. Сторонами возникшего после выборов в 1999 г. конфликта в связи с распределением мест в руководстве провинций оказались пре-

мьер провинции И. Расул (цветной) и генеральный секретарь отделения АНК М. Скватша (коса), попеременно обвинявшие друг друга в коррупции.

Наряду с примерами усугубления межэтнических противоречий в среде политических элит отмечаются также некоторые позитивные моменты. Представители молодого поколения политических лидеров в странах региона начинают понимать пагубность чрезмерной роли этнического фактора в полиэтнических африканских странах. Показателен пример Мозамбика. Давиш Симангу, получивший на президентских выборах в октябре 2009 г. 9% голосов избирателей, пытается представить себя прогрессивным либеральным политиком, перешагнувшим через этнические барьеры. На фоне политики двух соперничающих долгие десятилетия партий ФРЕЛИМО и МНС этот подход кажется новым и справедливым. Возможно, такой подход молодого политика определяется как навыками политической борьбы, так и полученным им специальным образованием (он изучал политологию в одном из университетов Португалии).

Таким образом, события 1990–2000-х годов в некоторых странах Юга Африки продемонстрировали существующую опасность абсолютизации этничности в Африке, что, как отмечает российский исследователь Э.Е. Лебедева, «…идет в разрез с нарастающими тенденциями деэтнизации городской среды, формирования там зачатков национального самосознания»[52]. Говоря о манипулировании этническим фактором, следует отметить, что это явление присуще и культуре политического властвования, и культуре политической оппозиции. Тем не менее в основе возникавших за последние 15 лет в регионе этнических конфликтов в большинстве случаев лежат нерешенные социально-экономические проблемы. Разыгрывание правящими и оппозиционными элитами «этнической карты» в условиях сохранения традиционного общества представляет собой весьма доступную и легко воспринимаемую форму действий. Но в условиях бедности подавляющего большинства населения региона она одновременно способна вызвать ксенофобные (ЮАР) и сепаратистские (Замбия и Намибия) настроения и может стать угрозой развитию.

Этнический фактор в Африке – фактор долговременный. Как отмечает российский исследователь Р.Н. Исмагилова, «решение этнических проблем во многом зависит от официальной концепции государственной национальной политики»[53], а значит, от воли правящей политической элиты. События последнего десятилетия в ЮАР, Зимбабве, Замбии, Намибии и Мозамбике наглядно показали, что последовательное и конструктивное сотрудничество оппозиционной элиты с законно избранными властями позволяет нормализовать социально-политическую

обстановку в стране и не допускать возникновения конфликтов на этнической почве. Только политика правящих элит региона, направленная на демократизацию политической жизни, включение в органы управления представителей разных народностей, активные меры по развитию национальной и культурной самобытности народов, решение языковой проблемы будут способствовать уменьшению роли этнического фактора и создадут благоприятные условия для улучшения межэтнических отношений, внутриполитической стабильности и активизации интеграционных процессов. В этой сфере цели политических элит государств Юга Африки целиком и полностью совпадают с целями политических элит всех стран континента, и им необходимо искать пути и возможности для эффективного взаимодействия.

---

[1] См.: *Даш Дореш Себаштьян Б.Л.* Современное состояние и перспективы развития Анголы и ее отношений с Россией. М.: Институт Африки РАН, 1998. С. 34.

[2] Цит. по: Политические партии современной Африки. Справочник. М., 1998. С. 17.

[3] http://*allafrica.com/stories/200807250785.html*

[4] http://articles.sun-sentinel.com/nelson-mandela

[5] Страны Африки 2002. М., 2002. С. 620.

[6] Ангола. Этносы и нация. М., 2003. С. 80.

[7] Там же. С. 71.

[8] Цит. по: Эволюция традиционных институтов в колониальной и постколониальной Африке. М.: Институт Африки РАН, 2001. С. 103.

[9] *Чуваева М.А., Ксенофонтова Н.А.* Республика Замбия. Справочник. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 102.

[10] Цит. по: Democracy in Zambia: Challenges for the Third Republic. Harare, 1996. P. 33.

[11] Компас. ИТАР-ТАСС. 1997. № 35. С. 59.

[12] *Chanda A.* Zambia's Fledgling Democracy: Prospects for the Future. Lusaka, 1994. P. 9.

[13] The Constitution of Zambia (Amendment) Act, 1996. Lusaka: Government Printer, 1996. Part IV. Article 34.3 (b).

[14] См.: Тропическая Африка: от авторитаризма к политическому плюрализму? М., 1996. С. 82.

[15] Цит. по: *Поляков А.* Борьба за власть обостряется //Азия и Африка сегодня. 1996. № 12. С. 17.

[16] Africa Confidential. L., 1999, Vol. 40, № 17, P. 7.

[17] https://www.africa.confidential.com/article/id/329/Levy-limps-in

[18] Daily Nation. Nairobi. 2009. September 3.

[19] Ibid.

[20] Ibid.

[21] The Post. Lusaka. 2009. November 27.
[22] www.zambianwatchdog.com/2010/05/18/rb-govt-okay-%E2%80%93-chifumu
[23] The Times of Zambia. Ndola, 2009. October 14.
[24] www.times.co.zm/news/viewnews.cgi?categori=108
[25] http://www.zambia.co.zm/article12207
[26] http://www.statehouse.gov.zm/index.php/component/content/article/48-featured-items/2636-bre-hands-over-barotse-report-to-president-banda
[27] См.: *Высоцкая Н.И.* Эволюция национализма в Тропической Африке. XX век. М., 2003. С. 161.
[28] См.: Этнический фактор в политической жизни африканских государств. М.: Институт Африки АН СССР, 1990. С. 33–34.
[29] The Economist. L., 1999, Vol. 352, № 8135, P. 43.
[30] Страны Африки 2002. М., 2002. С. 667.
[31] *Hudleston S.* Face of Courage. A Biography of Morgan Tsvangirai. Cape Town: Double Storey, 2005. P. 29.
[32] www.zimdaily.com, 07.06.2007
[33] https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sf.html
[34] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 1999. 13 июля.
[35] *Mbeki T.* Statement of the National Executive Committee of the Occasion of the 88th Anniversary of the ANC. 2000. January 8.
[36] The National Conference on Racism: Concept Paper: Human Rights Commission. 2000. 19 June – http://www.sahrc.org.za/home/21/files/Reports/national_conference_on%20racism%20report%202001.pdf
[37] См.: *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Южная Африка: власть, демонтаж апартхейда, новые политические ориентиры // Современная Африка: метаморфозы политической власти. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 434–435.
[38] Там же. С. 436.
[39] Там же. С. 431.
[40] Там же.
[41] Там же. С. 442.
[42] Цит. по: *Jung C.* Then I Was Black. South African Political Identities in Transition. Yale University Press. New Haven and London, 2000. P. 262.
[43] http://www.friendsofjz.co.za/viewmessage.asp
[44] http://www.euronews.net/index.php?page=info&article (22 мая 2008)
[45] Там же.
[46] http://thereport.amnesty.org/ru/regions/africa/south-africa
[47] См.: *Шубин В.Г.* ЮАР после апартеида: достижения и проблемы // Год планеты: экономика, политика, безопасность. Выпуск 2007 г. М.: Наука, 2007. С. 292.
[48] См.: Современная Африка: метаморфозы политической власти. С. 444.
[49] См.: там же.
[50] Ежемесячный бюллетень Посольства ЮАР в Москве. 2011. № 15. С. 10.
[51] См.: Современная Африка: метаморфозы политической власти. С. 437.

[52] Цит. по: *Лебедева Э.Е.* Проблемы социальной идентичности в условиях глобализации // Границы. Рубежи. Переход. Социокультурное пограничье в глобальном и региональном аспектах. М.: Институт Африки РАН, 2005. С. 48.
[53] *Исмагилова Р.Н.* Этничность и политика // Азия и Африка сегодня. 1997. № 6. С. 30.

Глава VI

ГЕНДЕРНАЯ СИТУАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ГОСУДАРСТВАХ ЮГА АФРИКИ

Политическая элита, как и каждая из общественных групп, в конечном счете состоит из мужчин и женщин. В сфере политики только их партнерство позволяет учитывать весь спектр интересов в обществе. Как отмечает российский политолог Н.А. Шведова, «партнерство мужчин и женщин в политике является источником более полной и представительной демократии»[1]. Таким образом, любое государство с системой политического управления, основанной на партнерстве мужчин и женщин в политике, может рассчитывать на более высокую степень стабильности и развития[*].

В политических элитах государств Юга Африки немало женщин, играющих важную роль в политическом процессе этих стран. Участие женщин в принятии важных государственных решений, разработка мер по недопущению изоляции женщин от политической жизни являются важным фактором демократического развития. Могут ли объективно принять эффективные законы для решения этих проблем парламенты, состоящие практически из одних мужчин? Статистические данные заставляют серьезно задуматься над этим: мировой опыт парламентаризма показал, например, что если в законодательном органе женщинам принадлежит меньше 10% мест, то это затрудняет принятие законов в защиту детей[2]. Специалисты ООН также считают, что в странах, в которых женщины занимают менее 30% мест в парламенте, тормозится развитие социальной политики[3]. В странах Юга Африки насчитывается много проблем, решение которых требует участия женщин, в частности проблемы насилия над женщинами и детьми (связанные в свою очередь с проблемой СПИДа), адаптации детей-участников бывших военных конфликтов (Ангола, Мозамбик), а также проблемы образования.

[*] Проблемы женского участия во властных структурах в странах Африки рассмотрены в коллективной работе «Гендер и власть: семья, общество, государство» (М.: Институт Африки РАН, 2008). Важность гендерного подхода как фактора политической культуры в условиях глобализации отмечает также российский исследователь Н.А. Ксенофонтова («Безопасность Африки: внутренние и внешние аспекты». М.: Институт Африки РАН, 2005. С. 44).

Во многих странах региона равенство полов закреплено в конституции. В Намибии, например, ему посвящены Статьи 10 (Равенство и свобода от дискриминации, п. 2)[4] и 17 (Политическая деятельность, п. 1)[5]. В ЮАР функции Национальной комиссии по гендерному равенству закреплены в Статье 187 конституции[6]. Проявлением политической воли в улучшении положения женщин является создание министерств по вопросам равноправия полов или по делам женщин в ЮАР, Намибии, Замбии, Анголе.

Современная концепция равенства женщин и мужчин в политике в некоторых государствах южноафриканского региона, например в ЮАР, Лесото, Анголе и Намибии, реализуется на практике через использование системы квот женского представительства на выборных должностях. В странах с пропорциональной избирательной системой (например, в Намибии) приняты законы, согласно которым политические партии должны выдвинуть определенное число кандидатов-женщин. А в ЮАР правящая партия АНК отдает женщинам почти 50% мест. Таким образом, закрепленное законодательством квотирование создает условия для продвижения женщин в политику, позволяет им активнее участвовать в политической жизни и на сегодняшнем этапе развития африканских стран является одним их элементов государственного регламентирования процесса подбора политических кадров. Закреплено оно и на региональном уровне: САДК в 1997 г. приняло специальную декларацию, поставившую цель до 2005 г. установить в странах-членах этой организации представительство женщин на руководящих должностях на уровне 30%[7]. В середине 2000-х годов, кроме ЮАР, высокий уровень представительства женщин в парламенте (около 30%) отмечался также в Мозамбике. Однако требования указанного документа САДК не выполнялись всеми правительствами стран региона в полном объеме, например, если в 2008 г. в правительстве Лесото женщины занимали 40% министерских постов (9 из 23), то в Ботсване – всего 12% (2 из 16).

Сложившаяся ситуация объясняется, прежде всего, особенностями политической культуры, существующей в той или иной стране региона. Поэтому систему квот женского представительства в обозримом будущем вряд ли можно рассматривать как временную. При отсутствии реально действующих законов о продвижении женщин во властные структуры хорошее образование, владение искусством риторики и полемики, коммуникативными навыками (столь необходимыми для успешного политика), харизматичность, а также готовность действовать в интересах общества на практике могут стать помехой для профессиональной карьеры африканки.

В странах Юга Африки женщинами накоплен немалый опыт политической борьбы, в том числе и за свои права. Во многих странах,

прежде всего в ЮАР, Анголе, Мозамбике и Зимбабве, женщины были активными борцами за независимость и часто сражались с оружием в руках. В Южно-Африканской Республике женщины принимали активное участие в борьбе против апартеида. Их решимость подчеркивали и лозунги, которые часто звучали во время демонстраций протеста: «Дотронувшись до женщины, дотрагиваешься до скалы!»[8]. В начале 1990-х годов активные выступления женщин Ботсваны под руководством Ассоциации «Эманг Басади» привели к отмене дискриминационного Закона о гражданстве, который лишал женщин права передавать свое ботсванское гражданство детям и мужьям-иностранцам[9]. Это стало возможным благодаря помощи адвоката Юнити Доу, сумевшей убедить некоторых членов парламента в том, что данный закон нарушает конституцию Ботсваны. Борьба вышеназванной женской ассоциации повлияла на результаты национального референдума, проведенного в 1997 г., после которого в конституцию была внесена поправка, предоставившая право голоса гражданам, проживающим за пределами страны.

Отдельные страны региона достигли в решении гендерных проблем значительных результатов. Согласно данным Всемирного экономического форума (ВЭФ), публикующего с 2005 г. ежегодный рейтинг стран по равенству мужчин и женщин (в сфере политики, трудоустройства и продвижения по службе, образования и здравоохранения), в 2009 г. две страны южноафриканского региона – ЮАР и Лесото – вошли в первую десятку государств, успешно решающих эту проблему[10]. В этом списке ЮАР занимала 2-е место по количеству женщин-депутатов парламента и 5-е место по количеству женщин-министров. (Для сравнения: США в этом списке занимали 31-е место.)

Достижения ЮАР в области равноправия полов стали результатом 15 с лишним лет усилий правительства АНК, парламента и общественных организаций страны. На рубеже веков по многим направлениям этой деятельности правительство ЮАР стало пионером среди стран региона. Политическую волю южноафриканского правительства красноречиво демонстрирует, например, тот факт, что за годы становления демократии принято более 30-ти законодательных актов, касающихся женского равноправия. Особо успешно проблема женской эмансипации решается в сфере законодательной власти. В 1997 г. в ЮАР начала работать созданная по решению парламента Национальная комиссия по гендерному равенству. В нее вошли избранные парламентом представители обоих полов, а состав комиссии был одобрен президентом. С 1999 г. действует положение, согласно которому в составе парламента и кабинета министров должно быть не менее 30% женщин. Комментируя это решение, председатель комиссии по гендерному равенству Джойс

Пилисо Сероке подчеркивала, что такая пропорция является «всесторонне важной с психологической точки зрения»[11].

Женщины-политики в правительстве. Женщины-министры появились уже в первом правительстве национального единства во главе с Н. Манделой, например, видный борец с апартеидом 46-летняя Нкосазана Дламини-Зума[12] была назначена министром здравоохранения. Позже пост в правительстве получила также 37-летняя Мария Рамос. В 1995 г. министром жилищного строительства стала 43-летняя Санки Мтемби-Нкондо. Учительница по образованию, активистка АНК, до 1994 г. она была вынуждена жить в эмиграции в Замбии, Нигерии, Швеции и Германии. С. Мтемби-Нкондо возглавляла кампанию борьбы с неграмотностью в лагерях политических беженцев, а после крушения режима апартеида руководила правительственной кампанией «масакхане» («давайте строить вместе»). Кампания была направлена на активизацию деятельности мелких и средних строительных фирм, привлекавшихся к сооружению жилья. В результате ее проведения за 1994–1997 гг. было построено 385 тыс. домов для бедных[13].

Показательна карьера еще одной (ныне покойной) женщины – бывшего видного политического деятеля ЮАР, министра здравоохранения в правительстве Т. Мбеки Манто Тшабалала-Мсиманг. Мать двух дочерей, она в 54 года стала членом парламента. Начинала она, как и многие ее сверстники, активисткой Молодежной лиги АНК. Образование получила в 1-м Ленинградском медицинском институте (1962–1969 гг.), обучалась также в высших учебных заведениях Бельгии и Великобритании. В годы эмиграции в Ботсване, Замбии и Танзании занималась врачебной практикой. Вернувшись в 1990 г. на родину, работала в Женской лиге АНК, а с 1994 г. – в парламентском комитете по здравоохранению[14].

Всего в правительстве Н. Манделы работали 12 женщин – 4 министра и 8 заместителей министров.

После выборов 1999 г. назначение на посты министров получили 9 женщин, парламентским советником нового президента Т. Мбеки стала также женщина – африканерка Сьюзен ван дер Мерве. Министром разведслужб была назначена Линдиве Сисулу, которая в свое время прошла спецподготовку в СССР. (Она – дочь выдающегося лидера АНК Уолтера Сисулу, который является почетным доктором Института Африки РАН.) Другая его дочь – Шейла – в 1999 г. была назначена послом ЮАР в США[15]. Позже женщины были назначены послами ЮАР в Великобритании, Ирландии, Нидерландах, Швейцарии и во многих других государствах мира. Еще один яркий пример политической карьеры – Изабелла Винки Дирекo, которая на выборах 1999 г. была избрана премьером одной из девяти провинций ЮАР (Свободное государство).

Успешная работа в правительстве, сформированном в 1999 г., позволила большинству министров-женщин сохранить свои посты и после выборов 2004 г.: из 9 министров в новом кабинете министров остались 8. При этом произошли незначительные рокировки, например, ушла с поста министр жилищного строительства Санки Мтемби-Маханьеле (в правительстве 2004 г. ее заменила бывший министр по делам разведки Линдиве Сисулу). Всего в правительстве 2004 г. портфели министров получили 11 женщин, к тому же пост министра юстиции и конституционного развития был доверен также женщине – Бригитт Мабандле. Президент Т. Мбеки продолжил начатую Н. Манделой политику, и в 2006 г. в кабинете министров женщины занимали 35% постов министров и заместителей министров[16]. В правительстве Н. Манделы и в обоих правительствах Т. Мбеки работала Стелла Сигкаву. После ее кончины в 2006 г. Мбеки подтвердил приверженность своей позиции относительно усиления роли женщин в правительстве страны, назначив новым министром общественных работ снова женщину – Токо Дидизу[17]. Заместитель министра здравоохранения Носизве Мадлала-Рутледж активно участвовала в разработке новой Национальной программы борьбы с ВИЧ/СПИДом, расчитанную на 2007–2011 гг. (НПБ)[18]. В правительстве нового президента Дж. Зумы, сформированном в мае 2009 г., портфели министров получили 12 женщин. После произведенных им изменений в правительстве в ноябре 2010 г. их число увеличилось до 14, составив 40% (14 из 34 министров)[19]. В правительстве ЮАР уже есть своеобразные «долгожительницы», прежде всего это Н. Дламини-Зума и Линдиве Сисулу, которые в 2009 г. были назначены в правительство президента Дж. Зумы, заняв посты министра внутренних дел и министра обороны и по делам ветеранов соответственно.

В Малави в правительстве Б. Мулузи Джойс Банда была министром по делам женщин, социальной защиты детей и местного устройства, в правительстве Бинги Мутарики в 2006 г. стала министром иностранных дел, а после выборов 2009 г. назначена вице-президентом страны.

Во многих странах региона женщины входят в высший эшелон власти, став вторыми лицами в государстве. В ЮАР пост заместителя президента дважды подряд занимали черные женщины: в 2005 г. Т. Мбеки назначил своим заместителем Пумзиле Мламбо-Нгкуку, а в правительстве Кгалемы Мотланте в сентябре 2008 г. на пост его заместителя была назначена Балека Мбете-Кгоситсиле. В Мозамбике премьер-министром является Луиза Диаш Дьогу, вице-президент Малави Джойс Банда, назначенная в 2004 г., сохранила свой пост и после очередных выборов, состоявшихся в мае 2009 г., а в Намибии с 2005 г. заместителем премьер-министра работает Либертин Аматила.

Примером харизматичности политических лидеров-женщин и их удачной политической карьеры может послужить фигура вице-президента Зимбабве Джойс Муджуру, занявшей этот пост в 2004 г. в 49-летнем возрасте. Кстати, для этого Р. Мугабе пришлось уволить из своего ближайшего окружения семь человек (в том числе 6 из 10 представителей правящей партии ЗАНУ-ПФ в провинциях), выступавших против этого назначения. С начала 1990-х годов политическая карьера Дж. Муджуру отличалась стабильным продвижением в высшие эшелоны власти: в 1992 г. она была избрана губернатором провинции Машоналенд, в 1996 г. возглавила министерство информации, почты и телекоммуникаций, а потом была назначена министром по развитию сельских регионов и водоснабжения. Муджуру стала правой рукой Мугабе в деле реализации так называемой «земельной реформы», начатой в 2000 г. и сводившейся в основном к вытеснению белых фермеров. Именно она, ярая сторонница политики вытеснения белого населения из страны, продумала и разработала идеологическую подоплеку реформы. Став вице-президентом страны, Муджуру в своей первой официальной речи заявила, что «станет гарантом мира и поборником национального единения»[20]. В устах человека, бывшего одним из идеологов земельной реформы, сопровождавшейся физическими расправами над белыми землевладельцами, это звучит по крайней мере неубедительно. Кстати, именно Джойс Муджуру считали наиболее вероятным кандидатом на пост президента Зимбабве после окончания президентского срока Р. Мугабе в 2008 г.

Укрепились позиции женщин и в новом коалиционном правительстве Зимбабве, созданном в феврале 2009 г. Одним из двух заместителей премьер-министра Зимбабве М. Тсвангираи была назначена Токозани Купе (с 2005 г. она также является его заместителем в партии Движение за демократические перемены. Причем возраст женщин-политиков во власти в Зимбабве «молодеет»: если Джойс Муджуру 56 лет (род. в 1955 г.), то Токозани Купе – 48 лет (род. в 1963 г.). В новом коалиционном правительстве из 34-х министерских постов женщины занимают 3 поста (как и в прежнем правительстве). Но из женщин-членов правительства осталась только Оливия Мучена, сменив теперь сферу деятельности (ранее она отвечала за вопросы развития науки и технологий, теперь стала министром по делам женщин). Некоторые женщины ушли из правительства из-за отмены министерского поста: например, был упразднен пост министра по специальным вопросам, ответственного за земельную реформу и расселение, который занимала Флора Бука.

В странах региона женщинам все чаще доверяют важные направления государственной деятельности, связанные с внешней политикой и безопасностью. Например, в ЮАР в 2004 г. министром иностранных

дел в правительстве Т. Мбеки была назначена Нкосазана Дламини-Зума (первая женщина на этом посту в истории страны). Ее заместителем была назначена также женщина – Сьюзен ван дер Мерве, оставшаяся на этом посту и в правительстве Дж. Зумы[21]. В 2008 г. в кабинете министров президента К. Мотланте пост министра внутренних дел занимала Носививе Маписа-Нкакула. В новом правительстве Джекоба Зумы в 2009 г. Н. Дламини-Зуму на посту министра иностранных дел сменила также женщина – Маите Нкоана-Машабане, – а сама она стала министром внутренних дел. Портфель министра обороны и по делам ветеранов Зума отдал тоже женщине – Линдиве Сисулу. А в Мозамбике министром юстиции в 2009 г. была Бенвинда Леви.

Значительно увеличилось влияние женщин также в правительстве Анголы. Если в 2002 г. в правительстве было 3 женщины – министр экономического планирования (Анна Афонсу Диаш Лоуренсу), министр рыболовства и охраны природы (Мария ди Фатима Монтейру Жардим) и министр по делам семьи и женщин (Кандида Селеште да Силва), то в правительстве 2008 г. их число увеличилось в два раза и составило 6. Примечательно, что в новом правительстве, сформированном в 2008 г., женщинам доверили посты министров науки и технологий (Мария Кандида Тейшейра) и торговли (Мария Идалина ди Оливьера Валенте), при этом некоторые женщины сохранили свои посты и в новом правительстве (например, министр охраны окружающей среды Мария ди Фатима Монтейру Жардим).

В Замбии влияние женщин в общественно-политической жизни имеет традиционную основу (за исключением нескольких этнических групп Восточной провинции, сохраняющих патрилинейную или смешанную систему родства, в большинстве замбийских семей происхождение и наследование устанавливаются по женской линии)[22]. Тем не менее в правительстве Ф. Чилубы, сформированном после первых многопартийных выборов в 1991 г., это не нашло отражения. Один из постов заместителя министра получила видная деятельница правящей партии Движение за многопартийную демократию Сильвия Масебо. В 2006 г. в правительстве следующего президента Л. Мванавасы было только 4 женщины-министра. А в парламент были избраны 23 женщины, что составило только 14,6% от общего числа депутатов[23].

Сам президент Мванаваса поддерживал идею расширения политического участия женщин. В мае 2003 г. в официальном обращении к согражданам, посвященном очередной годовщине независимости, он заявил, что следующим президентом страны должна стать женщина[24]. Позже это высказывание стало одной из причин конфликта между его вдовой, Морин Мванавасой, и лидером оппозиционной партии Патриотический фронт Майклом Сатой. Активная деятельность вдовы президента по подготовке церемонии торжественного провоза его тела по главным городам всех девяти провинций Замбии до захоронения в Лусаке была подвергнута острой критике со стороны этого лидера оппозиции. Он заявил, что М. Мванаваса, являясь одним из видных членов правящей ДМД, использует похороны мужа в подготовке своей будущей предвыборной кампании. (О возможности ее баллотирования на пост президента высказывались некоторые члены ДМД.) Возмущенная критикой Саты в свой адрес, М. Мванаваса приказала охранникам не пропускать его на церемонию похорон президента[25]. Позже вдова замбийского президента все же заявила о желании баллотироваться на президентских выборах в 2016 г.[26]

Морин Мванаваса далеко не единственная женщина-политик в странах Юга Африки, смело высказывающая желание занять место в высших эшелонах власти, в том числе стать лидером правящей партии и даже президентом страны. Бывшая супруга президента ЮАР Дж. Зумы Нкосазана Дламини-Зума накануне выборов президента АНК в 2007 г. официально заявила о своей готовности стать руководителем партии, «если бы та обратилась к ней с таким предложением»[27]. А в Малави о своем намерении баллотироваться на пост президента на выборах в 2004 г. заявляла известная правозащитница Вера Чирва.

Возвращаясь к Замбии, необходимо отметить, что с приходом к власти осенью 2008 г. нового президента Рупиа Банды представительство женщин в кабинете министров изменилось мало. Из 22 министерских постов женщины занимали только 3 (министр туризма, охраны окружающей среды и природных ресурсов Катрин Намугала, министр транспорта и коммуникаций Дора Силия и министр развития Сара Сейфванда). После назначения в феврале 2010 г. Глэдис Лунве на пост министра по делам земель их число увеличилось до четырех[28]. Проблема низкого уровня представительства женщин во властных структурах страны обсуждалась на заседании парламента в мае 2009 г.[29]

Женщины в парламенте. Гендерная политика государств южноафриканского региона, в том числе благодаря упомянутой Декларации САДК от 1997 г., привела не только к увеличению участия женщин в органах управления, но и к возрастанию роли женщин-парламентариев в принятии решений на государственном уровне[30]. Согласно данным ООН, в 2008 г. в Мозамбике женщины составляли 34% депутатов парламента[31]. Это был один из самых высоких показателей не только в странах Юга Африки, но и в мире: Мозамбик занял 12-е место в списке из 135 мест (некоторые места разделили несколько стран). В ЮАР этот показатель составил 33% (15-е место), Намибии – 26,9% (28), Лесото – 23,5% (38), Зимбабве – 16% (74), Замбии – 15,2% (78), Анголе – 15% (79), Ботсване – 11,1% (99) и в Свазиленде – 10,8% (101)[32].

Как видно из приведенных данных, увеличилось число женщин-парламентариев в Намибии, где они в 2006 г. составляли 22,1%[33]. После выборов, состоявшихся в ноябре 2009 г., доля женщин в парламенте возросла до 32% (23 из 72 депутатских мест)[34]. В Анголе политическую активность женщин ярко продемонстрировали парламентские выборы, состоявшиеся осенью 2008 г. В результате введения правительством 30-процентной квоты для женщин они составили 35% от всех выдвинутых кандидатов в депутаты[35]. В то же время значительные успехи демократии в Ботсване пока не стали гарантом гендерной симметрии (равных и равновеликих прав мужчин и женщин в органах законодательной и исполнительной власти и управления) в политике.

Поступательный рост женского представительства в законодательной власти наглядно демонстрируют данные по составу парламента ЮАР. В 1999 г. женщины (в основном чернокожие южноафриканки) занимали 30% депутатских мест. Как отмечает американский исследователь Ханна Эвелин Бриттон, «депутаты-женщины с самого начала своего избрания стали “перестраивать” парламент, создавая возможность для реализации прав женщин»[36]. В середине 2000-х годов по уровню представительства женщин в парламенте ЮАР стояла в одном ряду с развитыми европейскими государствами, например со Швецией (42,7%), Данией (37,4%), Норвегией и Голландией (по 36%)[37]. В 2006 г. в парламенте было уже 32,8% женщин. А в 2008 г. этот показатель составил 33%.

В некоторых странах региона женщины являются спикерами парламентов. В ЮАР на протяжении десяти лет (1994–2004 гг.) спикером Национальной ассамблеи (парламента) была член АНК Френе Джинвала. Благодаря ее энергичной работе в парламенте было принято около 500 новых законов, заложивших основу демократической ЮАР[38]. Она также возглавляла комиссию по вопросам эмансипации женщин и участвовала в формировании Женской лиги АНК. Позже пост спикера Национальной ассамблеи ЮАР снова заняла женщина – Балека Мбете-Кгоситсиле. После досрочного ухода Т. Мбеки с поста президента (сентябрь 2008 г.) ее, как одного из лидеров правящей партии АНК, считали наиболее возможным кандидатом на пост временного президента до следующих выборов. В 2009 г. в Зимбабве председателем Сената парламента стала Эдна Мадзонгве.

Женщины занимают также посты заместителей председателей парламента. В Свазиленде в 2006–2008 гг. заместителем председателя парламента была Констанс Симелане, являвшаяся в 2003–2006 гг. министром образования[39]. В начале 2000-х годов заместителем спикера Национальной ассамблеи ЮАР Балеки Мбете-Кгоситсиле была также женщина.

Многие женщины-парламентарии понимают, что речь идет не просто о присутствии женщин в органах законодательной и исполнительной власти, а об эффективности их деятельности в этих органах. В ЮАР в рамках реализации государственной программы гендерного равенства создаются различные центры и школы подготовки для женщин с целью усиления их гражданской ответственности. Опыту их 10-летней работы в стране был посвящен доклад директора школы лидерства и управления провинции Хаутенг Анушы Наиду, с которым она выступила на международной конференции «Женщина третьего тысячелетия: гражданская и политическая ответственность», проходившей 30–31 марта 2004 г. в Москве[40]. Не только представительность, но и активность женщин в парламенте ЮАР во многом способствовали принятию в мае 2007 г. после 10-летних проволочек нового закона о сексуальных преступлениях[41]. Определенные успехи есть также на счету у женщин-парламентариев Намибии, Замбии, Ботсваны и Анголы. В Намибии закон «О борьбе с сексуальным насилием» был принят в 2000 г.[42] В Замбии, где отмечается высокий уровень преступлений на сексуальной почве, женщины-депутаты также настаивают на принятии подобного закона, и в 2007 г. по их инициативе парламент провел неделю специальных мероприятий по привлечению внимания к данной проблеме[43].

Эффективность работы женщин-депутатов парламента по отстаиванию интересов женщин возрастает при условии их активного взаимодействия с женскими организациями. Например, в 2000 г. в Ботсване парламентарии-женщины снова поддержали активную деятельность Ассоциации «Эманг Басади», вызванную на этот раз высоким уровнем сексуального насилия в стране[44]. Это во многом способствовало разработке национальной программы борьбы со СПИДом. Некоторые члены парламента сами обладают опытом работы в женских организациях. Так, бессменный на протяжении 10-ти лет (1994–2004 гг.) спикер парламента ЮАР Френе Джинвала с 1992 г. параллельно возглавляла Женскую национальную коалицию, главным направлением деятельности которой было создание Хартии, позже использованной для выработки новой конституции страны.

Женщины-парламентарии принимают участие в международной деятельности: представительницы ЮАР (Ж. Малангу) и Намибии (М.Н. Менсах) были членами исполкома Межпарламентского союза, причем последняя стала его вице-президентом.

Необходимо отметить, что Сообщество развития Юга Африки поставило целью достигнуть в странах-членах этой организации до 2015 г. 50-процентного уровня представительства женщин в парламенте[45].

Женщины в партийном строительстве. Значительны численность женщин и их влияние в партиях ЮАР. Комиссия по гендерному

равенству в АНК была создана еще в 1968 г. В современной Южной Африке женщины являются не только видными лидерами партий, но и сами становятся их основателями. «Женское лицо» у руководства оппозиционной партии Демократический альянс: лидером партии является Хелен Зилле, а парламентскую фракцию возглавляет Сандра Бота. До нее фракцию возглавляла также женщина. Член парламента Патриция де Лилль в марте 2003 г. создала и возглавила партию Независимые демократы (НД), которая успешно участвовала в выборах 2004 и 2009 гг. Под ее руководством партия добилась на последних выборах четырех мест в Национальной ассамблее.

В ЮАР в самом АНК установлена 50-процентная квота для женщин[46]. В период второго срока пребывания на посту президента Т. Мбеки (с 2004 г. до сентября 2008 г.) в состав Исполкома АНК вошла Винни Мадикизела-Мандела, национальным председателем партии стала спикер Национальной ассамблеи Балека Мбете, а заместителем генерального секретаря – Танди Модисе. Кстати, Балека Мбете осталась на этом посту и после прихода к власти Дж. Зумы в 2009 г.

Накануне выборов в АНК на съезде в Полокване в декабре 2007 г. одной из кандидатур на пост заместителя президента партии была выдвинута 58-летняя министр иностранных дел, бывшая жена Дж. Зумы Нкосазана Дламини-Зума. Необходимо отметить, что, по некоторым утверждениям, Т. Мбеки в случае своей победы на съезде именно ее кандидатуру планировал выдвинуть на пост нового президента страны (он и раньше заявлял о необходимости предоставить, наконец, высший государственный пост страны женщине). Но избрали тогдашнего генерального секретаря партии Кхалему Мотланте. Дламини-Зуму считают человеком очень близким в идейном отношении к Мбеки.

В других странах региона среди лидеров и видных деятелей политических партий женщин не так много. В Анголе женщина занимает пост заместителя генерального секретаря правящей партии МПЛА, а Либеральную демократическую партию возглавляет Аналия де Виктория Перейра. В Замбии деятельница правящей партии Движение за многопартийную демократию Сильвия Масебо в 1999 г. возглавила группу недовольных политикой президента Ф. Чилубы членов этой партии и создала так называемую «Группу давления», которая в числе других оппозиционных партий вошла в Замбийский альянс за прогресс (ЗАП).

Некоторые особенности ситуации в ЮАР. В ЮАР за годы реализации гендерной программы представительство женщин в парламенте страны возросло с 3% до более 30%, а в правительстве – более 35%. В 2005 г. правительство Т. Мбеки даже заявило о намерении достичь к 2010 г. полного равенства представительства полов[47]. Социологи утверждают, что успехи в области гендерного равенства в ЮАР достигнуты

благодаря проведению правительством так называемой «эгалитарной политики», в основе которой заложен принцип создания равных условий для самореализации личности во всех социальных сферах независимо от пола[48]. Английский исследователь Анна-Мари Гётц также подчеркивает роль проводимой гендерной политики в ЮАР в процессе демократизации в стране[49].

В ЮАР, как и в любом другом африканском обществе, по-прежнему сильны родственные и клановые связи. Благодаря им некоторые женщины-политики сумели занять значительные позиции в государственной иерархии. Возглавить этот список может заместитель бывшего президента Т. Мбеки Пумзиле Мламбо-Нгкука. Она заняла этот пост после того, как в результате расследования ее мужа – бывшего государственного прокурора Булелани Нгкуки – был отправлен в отставку после обвинения в коррупции прежний заместитель Мбеки, Джекоб Зума. Сторонники Зумы утверждали, что этот пост она получила благодаря заслугам мужа[50]. К числу подобных политиков-женщин можно также отнести нынешнего министра внутренних дел Нкосазану Дламини-Зуму, бывшую супругу президента Дж. Зумы, а также министра обороны и по делам ветеранов Линдиве Сисулу. Трудно отрицать очевидный факт, что родственные связи во многом облегчили этим обладающим деловыми и организаторскими качествами политикам путь к вершинам государственной власти.

Отмечая существенные успехи ЮАР в установлении гендерного равенства в политической сфере за последние 10 лет, необходимо признать, что в стране отсутствует значительное улучшение социально-экономического положения женщин, что отражается на развитии общества в целом. В конце 1990-х годов И.Г. Рыбалкина отмечала, что «…обеспечение подлинного равенства мужчин и женщин в ЮАР – все еще сложнейшая проблема, решению которой…препятствуют патриархальность, шовинизм (мужской. – *Л.П.*), трибализм и многие другие традиционалистские стереотипы массового сознания»[51]. Те же препятствия сохранялись и в конце 2000-х годов. Поэтому женщины, входящие в 10% самых бедных жителей ЮАР (по данным МОТ), в Национальный женский день 9 августа особенно остро ощущают, что их социально-экономическое положение пока изменилось мало.

Следует также заметить, что при всех успехах официальной гендерной политики в ЮАР некоторый мужской шовинизм здесь все же присутствует. Российские исследователи А.Б. Давидсон и И.И. Филатова отмечают: «Любой зулус объяснит вам, почему многие из его соотечественников считают едва ли не оскорблением тот факт, что заместителем президента страны после снятия с этого поста Джекоба Зумы была назначена зулуска Пумзиле Мламбо-Нгкука. Дело не только в том, что

она женщина, хотя и этот фактор неблагоприятный: негоже женщине представлять в правительстве нацию великих воинов»[52]. О подобных фактах мужского шовинизма в политике в других странах южноафриканского региона пишут также Анна-Мари Гётц (Великобритания) и Ширин Хассим (ЮАР)[53].

Первые леди. В качестве отдельной группы женщин, имеющих влияние на политическую жизнь в странах региона, можно рассматривать теперешних и прежних первых леди. Необходимо отметить, что речь идет не только о влиянии их поведения на политический имидж супругов, но и об их попытках более активного участия в политике.

Если о первых леди большинства государств Африки широкая общественность знает мало (а многих не знает вообще), то первые леди государств Юга Африки не раз оказывались в центре внимания зарубежных СМИ. Мировое сообщество, с одной стороны, знает об активной общественной и гуманитарной деятельности Грасы Машел (третья супруга президента ЮАР Н. Манделы) и Морин Мванавасы (вдова бывшего президента Замбии Л. Мванавасы), а с другой стороны – о тюремном заключении жены другого бывшего президента Замбии Ф. Чилубы Регины, обвиненной в коррупции, или о неуемном расточительстве Грейс Мугабе (супруга президента Зимбабве Р. Мугабе) и об избиении ею западного журналиста, который пытался сфотографировать ее во время очередного шопинга за рубежом.

Особенно часто попадали в поле зрения СМИ супруги президентов ЮАР. Жена президента Фредерика де Клерка Марике привлекла их внимание не только своей поддержкой мужа, но и фактом насильственной смерти в 2001 г., уже после развода с ним. Бывшая супруга Н. Манделы Винни, видный деятель АНК, в конце 1990-х годов предстала в неприглядном образе коррупционера и человека, замешанного в убийстве[54]. А его нынешняя супруга Граса Машел (вдова бывшего президента Мозамбика С. Машела) в 1995 г. в знак признания ее многолетней гуманитарной деятельности, в том числе по спасению детей-беженцев, была награждена медалью им. Ф. Нансена. После ухода Манделы с поста президента она продолжает вести активную международную деятельность в качестве председателя Национальной комиссии Мозамбика по делам ЮНЕСКО. В апреле 2008 г. она выступала на церемонии вручения Всемирной премии ЮНЕСКО за свободу печати им. Гильермо Кано. Жена президента Т. Мбеки Занеле Мбеки занималась благотворительностью, была рядом с мужем и в сложный для него момент, когда он после своей досрочной отставки (по требованию сторонников Зумы) присутствовал на его инаугурации 9 мая 2009 г. А жены теперешнего президента ЮАР 69-летнего Дж. Зумы привлекли внимание к себе уже только тем, что их три: Номпумелело Нтули, Сизакеле Хумало и Тобеки Мадиба. (Законы ЮАР разрешают традиционные полигамные браки.)

До избрания Зумы президентом страны его жены практически не участвовали в политической жизни. В отличие от старшей жены Зумы Хумало, которая является его ровесницей, 36-летняя младшая жена Нтули, вышедшая за него замуж в 2008 г., довольно коммуникабельна и активно участвует в общественной жизни страны. Именно она сопровождала Зуму во время голосования на избирательном участке на выборах в апреле 2009 г. и на форуме «большой двадцатки» в Питтсбурге (США) в сентябре 2010 г. На инаугурации Дж. Зумы в качестве первых леди присутствовали все три жены.

Жены глав государств Юга Африки все активнее участвуют в международных форумах, а также специальных встречах первых леди. Первая леди Анголы Анна Паула душ Сантуш стала одной из 15-ти (и одной из 3-х от Африки) первых леди, избранных в международный руководящий комитет на такой встрече, состоявшейся в Женеве в 1992 г. Вместе с первой леди ЮАР Занеле Мбеки она также принимала участие в работе Международного форума «Роль женщин в межкультурном диалоге», который проходил в июне 2008 г. в Баку[55]. В апреле 2009 г. первая леди Анголы и королева Свазиленда Инхосикати Ламбикиза участвовали в саммите первых леди Африки, проходившем в Лос-Анджелесе[56]. На нем обсуждались вопросы образования, здравоохранения и благотворительности, а также проблема СПИДа в африканских государствах.

Некоторые бывшие первые леди после ухода их мужей в отставку продолжили свою политическую карьеру. Например, Вера Тембо – бывшая жена экс-президента Замбии Ф. Чилубы – в правительстве Р. Банды, сформированном в ноябре 2008 г., заняла пост заместителя министра туризма, охраны окружающей среды и природных ресурсов. Имя супруги покойного президента Замбии Л. Мванавасы Морин известно благодаря ее активной деятельности по борьбе со СПИДом не только в стране, но и во всей Африке. Являясь президентом Организации первых леди Африки против ВИЧ/СПИДа (OAFLA) (до февраля 2009 г.) и основательницей национальной «Общинной инициативы», названной ее именем, М. Мванаваса активно работала над повышением информированности и инициирования программ по противодействию СПИДу на континенте[57]. В том же году в США за активную деятельность в деле борьбы со СПИДом и бедностью, защиты прав женщин и детей М. Мванавасе была вручена награда им. Мартина Лютера Кинга. Она продолжила свою общественную деятельность и после кончины супруга в 2008 г.

Иной имидж сложился у первой леди Зимбабве 44-летней Грейс Маруфу (в прошлом секретаря Р. Мугабе). Из-за ее страсти к расточитель-

ству и роскоши (с начала 2000-х годов, несмотря на царящие в стране нищету и голод, она остается постоянной клиенткой дорогих бутиков) английские журналисты дали ей прозвище «Гуччи Грейс»[58]. В декабре 2010 г., пытаясь защитить свою репутацию и репутацию мужа, Г. Мугабе подала иск на местную газету The Standard, опубликовавшую материал под названием «Первая леди замешана в бриллиантовом скандале», который был написан на основе информации, выложенной на сайте WikiLeaks. В статье утверждалось, что Г. Мугабе получает огромную прибыль от незаконной торговли алмазами с рудников Чиадзвы[59]. Первая леди Зимбабве резко контрастирует со своей предшественницей. Первая жена Р. Мугабе, уроженка Ганы, преподаватель по профессии Салли Хайфрон (скончалась в 1992 г.), активно помогала мужу в политической борьбе, проводя пропагандистскую работу среди женщин, а после его прихода к власти участвовала в работе различных женских политических объединений.

* * *

В политических элитах государств Юга Африки женщины занимают все более заметное место. Определенные успехи некоторых стран региона, прежде всего ЮАР, Мозамбика и Лесото, в установлении «гендерной симметрии» в политике свидетельствуют о возрастании роли женщин в политическом процессе, но это пока мало влияет на улучшение социально-экономического положения женщин в указанных странах. Так проявляется расхождение между политико-правовыми установками, декларациями и реальной жизнью, характерное не только для стран Африканского континента, но и переходных обществ в целом.

[1] http://www.femin.ru/ig/ig006.php

[2] http://book.femin.ru/ig/ig006.php

[3] http://www.un.org/womenwatch/daw/public/womeninpolitics2008/wmnmap08_ru.pdf

[4] Constitution of the Republic of Namibia, 1990. Chapter 3, Article 10 (2) Equality and Freedom from Discrimination. P. 11 – http://www.lac.org.na/laws/pdf/ namcon.pdf

[5] Constitution of the Republic of Namibia, 1990. Chapter 3, Article 17 (1) Political Activity. P. 13 – http://www.lac.org.na/laws/pdf/namcon.pdf

[6] Constitution of the Republic of South Africa, 1996 – http://www.info.gov.za/documents/constitution/1996/96cons9.htm

[7] Gender and Development – A Declaration by Heads of State or Government of the Southern Development Community (SADC), 1997 – http://www.commit

4africa.org/declarations/785/SADC%20(Southern%20African%20Development%20Community)/0

[8] http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=494&art_id=24421

[9] http://book.femin.ru/ms/wr014.htm

[10] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2009. 2 ноября.

[11] The Citizen. 14 June, 1999.

[12] См. подробнее: *В.Г. Шубин.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999. С. 197.

[13] Южная Африка. Очерки социально-экономического и политического развития. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 70–71.

[14] См.: *Susser I.* AIDS, Sex and Culture: Global Politics and Survival in Southern Africa. Wiley-Blackwell, 2009. P. 46.

[15] Ежемесячный бюллетень Посольства ЮАР в Москве. 1999. № 1. С. 1.

[16] www.southafrica.info//ess_info/sa_glance/government/mbeki-cabinet.htm

[17] Ibid.

[18] *Susser I.* Op. cit. P. 200.

[19] http://www.info.gov.za/leaders/ministers/index.html

[20] www.izvestia.ru/world/article3098855

[21] http://www.whoswhosa.co.za/user/4751

[22] См.: *Чуваева М.А., Ксенофонтова Н.А.* Республика Замбия. Справочник. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 47.

[23] ipu.org/parline/reports/2359_Ehtml

[24] http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/2991931.stm

[25] Lusaka Times. Lusaka, 2008. August 25.

[26] www.allafrica.com/stories/200909100687html

[27] Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. 2007. 23 ноября.

[28] www.statehouse.gov.zm/index.php/the-government/cabinet-and-executive

[29] http://www.cardozo.yu.edu/content.aspx?id=11236

[30] См.: *Садовская Л.М.* Проблемы продвижения африканских женщин в политику. Тенденции последних десятилетий // Гендер и власть: семья, общество, государство. М.: Институт Африки РАН, 2008. С. 278.

[31] http://www.un.org/womenwatch/daw/public/womeninpolitics2008/wmnmap08_ru.pdf

[32] Там же.

[33] http://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/cedaw37/cedaw37_IandQ/Namibia/0646753R.pdf

[34] http://www.electionwatch.org.na/node/131

[35] http://ipsnews.net/news.asp?idnews=43549

[36] *Britton H. E.* Women in the South African Parliament: From Resistance to Governance. University of Illinois Press, 2005. P. 7.

[37] См.: *Гришина Н.В.* Гендер и власть в контексте внутриполитической борьбы в ЮАР // Гендер и власть: семья, общество, государство. С. 367.

[38] http://www.guide2womenleaders.com/Parliaments1990.htm

[39] http:www.guide2womenleaders.com/Vice_Premiers2000.htm

[40] http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=494&art_id=24421

[41] http://www.aids.ru/news/2007/05/29-6745.htm
[42] The Combating of Rape Act, Windhoek, 2000.
[43] http://www.parliament.gov.zm/index.php%3Foption%3Dcom_content
[44] http://unclef.com/russian/documen/gadocs/26spec/rep.pdf
[45] http://www.electionwatch.org.na/node/131
[46] http://www.anc.org.za/show.php?doc=ancdocs/pubs/umrabulo/umrabulo28/art7.html
[47] Интервью с Послом ЮАР в РФ Беки Ланга. // Новые Известия. 2005. 26 декабря.
[48] Гендер и власть: семья, общество, государство. С. 367.
[49] *Goetz A.-M.* Governing Women: Women's Political Effectiveness in Contexts of Democratization and Governance Reform. Routledge, 1st edition, 2008.
[50] См.: *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Южная Африка: власть, демонтаж апартхейда, новые политические ориентиры // Современная Африка: метаморфозы политической власти. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 430.
[51] *Рыбалкина И.Г.* Женщины современной Африки. Ученые записки Института Африки РАН. Вып. 11. М., 1999. С. 20.
[52] *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Указ. соч. С. 430.
[53] *Goetz A.-M. and Hassim Sh.* No Shortcuts to Power: African Women in Politics and Policy Making. L., 2003.
[54] См.: *Шубин В.Г.* Указ. соч. С. 354.
[55] http://www.islamnews.ru/news-12466.html
[56] http://www.epochtimes.com.ua/ru/articles/view/12/12149.html
[57] http://www.poz.ru/news/index.php?id=2796&print
[58] Daily Mirror. L., 2003. 20 June.
[59] http://www.newsday.co.zw/article/2010-12-15-wikileaks-draws-first-blood

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История новых политических элит государств Юга Африки пока не исчисляется многими десятилетиями, что не дает оснований для всесторонних выводов и обобщений. Тем не менее ими накоплен немалый опыт, в частности в области построения нерасового демократического государства (ЮАР), достижения национального примирения (Ангола и Мозамбик), борьбы с авторитарным режимом (Зимбабве) и коррупцией (Замбия), а также в ходе относительно стабильного демократического развития (Ботсвана, ЮАР).

Динамика политического развития стран южноафриканского региона с начала 1990-х годов демонстрирует как положительные, так и деструктивные тенденции трансформации переходного общества в зависимости от уровня компетентности или коррумпированности правящих элит, а также наличия у политических лидеров харизмы.

По-видимому, каждому из этапов развития демократического процесса и становления гражданского общества соответствует определенное состояние политической элиты. Сейчас уже можно вполне определенно говорить об особенностях ее происхождения и структуры, механизмах ее функционирования и мобильности, а также ее связей с бизнес- и прочими элитами.

Политический плюрализм в большинстве стран Юга Африки пока носит декоративный характер, так как становление системы многопартийности – это лишь начало пути к демократии. Только в Ботсване, ЮАР и Намибии реально прослеживается трансформация многопартийности в демократию. В остальных странах региона доминирование в политике одной главной партии позволяет правящим элитам использовать политический плюрализм в качестве своеобразной ширмы, скрывающей сущность правления, близкого к авторитарному.

На примере Зимбабве и Анголы отчетливо видны попытки элит удерживать власть, используя некоторые приемы, присущие авторитаризму (изменение конституции, перенос выборов и пр.). Во многом это стало возможным в силу стиля руководства лидеров этих стран, их харизматичности, а также неспособности оппозиционных элит противостоять властям. (Как замечает Л.В. Гевелинг, в Африке возможно

чередование то «жестких», то «мягких» форм авторитарного правления»[1].)

Политическим элитам Юга Африки присущи многие черты политических элит континента, выделенные американским политологом Л. Паем в его работе «Незападный политический процесс»: сфера политики не отделена резко от областей общественных и личных отношений; интенсивность и широта политической дискуссии в малой степени влияют на принятие политических решений; политический процесс отличается высокой степенью совмещения и взаимозаменяемости ролей; велика роль харизматических лидеров. Однако элитам свойственны и некоторые отличительные черты. В странах южноафриканского региона отчетливо прослеживается сочетание демократических принципов и практик с национальными особенностями, прежде всего, с неоднозначной трактовкой таких категорий демократии, как «свобода», «правящие элиты», «оппозиция», «ценность личности», «ценность общности» и пр. Одним из главных явлений в политической жизни стран южноафриканского региона стал феномен преемника: Ф.Чилуба – Л. Мванаваса – Р. Банда (Замбия), Н. Мандела – Т. Мбеки (ЮАР), С. Нуйома – Х. Похамба (Намибия), Ж. Чиссано – А. Гебуза (Мозамбик), Ф. Могае – Я. Кхама (Ботсвана), Б. Мулузи – Бингу ва Мутарика (Малави). Тем не менее политическая преемственность иногда сопровождается возникновением конфронтации между действующим и предыдущим президентами (например, в Замбии).

Спецификой политических элит ЮАР, Зимбабве и Намибии является их деятельность в условиях существования многорасового общества. В процессе смены поколений политических элит в ЮАР, Зимбабве, Замбии и Мозамбике появились молодые оппозиционеры, например, Давиш Симангу (Мозамбик), Хакаинде Хичилема (Замбия), которые пытаются предстать прогрессивными либеральными политиками, перешагнувшими через этнические барьеры.

Некоторые лидеры региона стремятся повысить имидж страны (Т. Мбеки в ЮАР, Ж. Чиссано в Мозамбике), выдвигают идею общеафриканского развития (Т. Мбеки), становятся посредниками при урегулировании региональных конфликтов (Н. Мандела, Ж.Чиссано, Т. Мбеки, Ф. Чилуба). Политические элиты способны выступать единым блоком в решении важных вопросов развития региона и континента в целом – разрешение политического кризиса в Зимбабве, создание Африканского союза как формы африканской интеграции, борьба за предоставление Африке постоянных мест в Совете Безопасности ООН, а также отстаивание экономических интересов Африки (например, на саммите ЕС–Африка в Лиссабоне /декабрь 2007 г./ и экологическом саммите в Копенгагене /декабрь 2009 г./).

Стратегия и тактика лидеров стран Юга Африки в области внутренней политики дают широкое поле для изучения характера властных элит в странах континента, ставших на путь демократического развития. В большинстве стран региона социально-экономическая политика правящих элит направлена на либерализацию экономики и развитие. Диапазон экономических показателей стран региона довольно широк: если ЮАР стала одним их экономических гигантов, Ангола превращается в крупного африканского экспортера нефти (85% от ВВП), а Ботсвана – алмазов, то Зимбабве во второй половине 2000-х годов оказалась на грани гуманитарной катастрофы.

Властные элиты региона столкнулись с необходимостью использования потенциала оппозиции. На сегодняшний день реальную политическую силу представляет собой оппозиция в Ботсване, Зимбабве и ЮАР. По отношению к другим странам правомернее говорить о борьбе разных фракций политической элиты за власть. Взаимоотношения правящих и оппозиционных элит на протяжении последних двух десятилетий осуществлялись в различных формах – от диалога и относительного прагматического сотрудничества до жесткой критики оппонента, вытеснения его из политики при помощи дискредитации в СМИ. Имели место случаи и физического насилия. Однако во взаимоотношениях политических элит пока превалирует состояние напряженности, переходящее часто в открытые конфликты разной степени. Поэтому политическая стабильность государств региона зависит в том числе и от того, готова ли правящая элита применять насилие к политическим оппонентам.

Одной из важных проблем в регионе является борьба с преступностью и коррупцией. В большинстве стран это становится не только одним из главных предвыборных обещаний политиков, но и направлением национальной политики. Определенных успехов в этой сфере достигли правящие элиты Замбии, Малави, Намибии, Ботсваны и Мозамбика. Элиты Анголы, ЮАР, Замбии и других стран южноафриканского региона сталкиваются с необходимостью не только разработки, но и эффективного контроля над принятыми антикоррупционными законами.

В 1990-е годы на континенте возникла т. н. «многопартийная квазидемократия», представляющая собой одну из разновидностей африканской автократии. В ходе политической либерализации в странах региона (прежде всего в Анголе и Замбии) чрезмерно возросло значение этнического фактора. За исключением Анголы и Мозамбика, где вооруженное противостояние политических элит, по мнению некоторых аналитиков, носило в том числе этническую окраску и привело к массовой гибели населения, имеет место этническая неприязнь и ксенофобия. Поскольку в большинстве стран Юга Африки, за исключением Анголы, с

начала 2000-х годов не было явных проявлений этнической розни, которыми богата постколониальная история других государств континента, в известной степени можно говорить об этнополитической консолидации в регионе. Хотя существует определенная непоследовательность в проведении внутренней национальной политики, здесь достигнуто главное, в чем нуждается сейчас почти каждое африканское государство, – отсутствие острых межэтнических конфликтов. В то же время, как показывает опыт других стран континента, состояние относительного баланса может нарушиться при смене главы государства.

В политических элитах государств Юга Африки женщины занимают все более заметное место. Успехи ЮАР, Мозамбика и Лесото в установлении в политике «гендерной симметрии» свидетельствуют о возрастании роли женщин в политическом процессе.

Международные интересы политических элит России и государств Юга Африки совпадают по многим направлениям, прежде всего в борьбе за предупреждение и разрешение межгосударственных, региональных и локальных конфликтов, в противодействии международному терроризму, трансграничной преступности и коррупции, а также в деятельности по формированию нового миропорядка, основанного на принципах равноправия и учета взаимных интересов всех государств при центральной роли ООН.

В монографии сделана попытка сформулировать некоторые проблемы, которые требуют дальнейшего исследования. Прежде всего, это касается изучения присущего африканским государствам взаимодействия форм демократии и автократии. Анализ деятельности правящих и оппозиционных политических элит государств Юга Африки в 1900–2000-е годы показал возрастание роли СМИ и ИКТ как в формировании имиджа отдельных политиков и партий, так и имиджа власти в целом. Эта тема представляется актуальной и важной не только в региональном, но и во всеафриканском масштабе.

Конечно, процесс демократических преобразований в странах Юга Африки полон серьезных изъянов, а уровень реализации правящими и оппозиционными элитами своих функций – стратегической, организаторской, интегрирующей и коммуникативной – довольно низок. Тем не менее явный разрыв между идеалами демократии и политической практикой имеет место не только в африканских странах, он присущ и развитым политическим системам некоторых западных держав. Процесс политических и социальных изменений, направленных на установление и укрепление демократического строя, за исключением Ботсваны, ЮАР и Намибии, в большинстве стран региона только делает, по выражению замбийского исследователя Альфреда Чанды, «неуклюжие первые шаги»[2].

Успех длительного пути демократизации в государствах Юга Африки во многом зависит от желания, решимости и умения правящих политических элит преодолевать сопряженные с ним трудности в условиях неразвитых социально-экономических и политических структур африканского общества, отсутствия прочных демократических традиций и специфики местной политической культуры. Как отмечает А.М. Васильев, «жизнеспособными окажутся те демократии, которые смогут соединить универсальные демократические ценности с историческими, культурными и социально-политическими традициями конкретной страны»[3].

Появится ли еще в регионе политический лидер такого масштаба и пользующийся таким международным авторитетом, даже после ухода в отставку, как Н. Мандела? В 2007 г. в Лондоне на площади перед зданием парламента установили его бюст, фигура Н. Манделы выставлена в музеях мадам Тюссо в столицах мира рядом с признанными мировыми политиками, а по случаю его юбилея в Нью-Йорке в 2009 г. состоялся концерт, в котором приняли участие мировые звезды. Время покажет, деятельность и имидж кого из новых лидеров государств Юга Африки смогут соответствовать этим высоким параметрам.

---

[1] Тропическая Африка: от авторитаризма к политическому плюрализму? М., 1996. С. 169.

[2] *Chanda A.* Zambia's Fledgling Democracy: Prospects for Future. Lusaka, 1994. P. 24.

[3] *Васильев А.М.* Африка – падчерица глобализации. М., 2003. С. 13–14.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Broad-Based Black Economic Empowerment Act, 2003. South Africa. – Government Gazette. Cape Town, 2004. January 9 (№ 25899) // http://www.info.gov.za/view/DownloadFileAction?id=68031

2. The Combating of Rape Act, Windhoek, 2000.

3. Constitution of the Republic of Namibia, 1990 – http://www.lac.org.na/laws/pdf/namcon.pdf

4. Constitution of the Republic of South Africa, 1996 // http://www.info.gov.za/documents/constitution/1996

5. The Constitution of Zambia (Amendment) Act, 1996. Lusaka: Government Printer, 1996.

6. Gender and Development – A Declaration by Heads of State or Government of the Southern Development Community (SADC), 1997 // http://www.commit4africa.org/declarations/785/SADC%20(Southern%20African%20Development%20Community

7. Manifesto Eleitoral. RENAMO-União Eleitoral. Por uma Mudança Tranquila, 2004.

8. *Mbeki T.* Statement of the National Executive Committee of the Occasion of the 88th Anniversary of the ANC. 2000. January 8.

9. The National Conference on Racism: Concept Paper: Human Rights Commission. 2000. 19 June.

10. State of the Nation Address by His Excellency JG Zuma, President of the Republic of South Africa, Joint Sitting of Parliament, Cape Town. June 2009.

11.Vision 2030 Document, Windhoek, 2004 // http://www.npc.gov.na/ vision/vision_2030bgd.htm

12.Zambia National Anti Corruption Policy. Lusaka. 2009 // http://www.scribd.com/dok/19256532/Zambia-National-Anti-Corruption-Policy

Справочная литература

13. *Позднякова А.П.* Малави. Справочник. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2004.

14. Политические партии современной Африки. Справочник. М., 1998.

15. Страны Африки. М., 2002.

16. *Чуваева М.А., Ксенофонтова Н.А.* Республика Замбия. Справочник. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996.

17. Africa South of the Sahara. 2007. L. and N.-Y., 2006.

18. Africa South of the Sahara 2009. L.: Routledge, 2008.

19. The International Who's Who 2003. L.-N.Y.: Europa Publications, 2002.

Монографии отечественных и зарубежных авторов

20. *Абрамова И.О., Поликанов Д.В.* Интернет и Африка: параллельные реальности. М.: Институт Африки РАН, 2001.

21. *Абрамова И.О., Фитуни Л.Л., Сапунцов А.Л.* «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике. М.: Институт Африки РАН, 2007.

22. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М.: Наука, 1996.

23. Актуальные проблемы политологии. М.: МАКС Пресс, 2001.

24. Ангола. Этносы и нация. М., 2003.

25. Африка: власть и политика. М.: Институт Африки РАН, 2004.

26. Африка: многовариантность развития. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН. 1997.

27. Африка: Особенности политической культуры. М.: Институт Африки РАН, 1999.

28. Африка: поиск идентичности. М.: Институт Африки РАН, 2001.

29. Африка: проблемы становления гражданского общества. М.: Институт Африки РАН, 2009.

30. Африканская интеграция: социально-политическое измерение. М., 2003.

31. *Ашин Г.К.* Современные теории элиты: критический очерк. М.: Международные отношения, 1985.

32. *Буренина В.Б.* Политические элиты Кении и Танзании: структура и механизмы власти. М.: Институт Африки РАН, 1993.

33. *Васильев А.М.* Гражданское общество в Африке: реалии и мифы. Доклад на VI конференции африканистов. (Москва, 16–18 ноября 1994 г.). М.: Институт Африки РАН, 1995.

34. *Васильев А.М.* Африка и вызовы XXI века. Доклад на IX конференции африканистов. (Москва, 21–23 мая 2002 г.). М.: Институт Африки РАН, 2002.

35. *Винокуров Ю.Н.* Демократическая Республика Конго: власть и оппозиция. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2003.

36. *Вишневский М.Л.* Африканская «империя» в Африке: миф или реальность? М.: Институт Африки РАН, 2007.

37. *Высоцкая Н.И.* Эволюция национализма в Тропической Африке. XX век. М., 2003.

38. *Гевелинг Л.В.* Клептократия: социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М.: Издательство «Гуманитарий», 2001.

39. Гендер и власть: семья, общество, государство. М.: Институт Африки РАН, 2008.

40. *Герасимчук И.В.* Международное экологическое сотрудничество на Юге Африки. М.: Институт Африки РАН, 2003.

41. *Глухова А.В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М.: Эдиториал УРСС, 2000.

42. Границы. Рубежи. Переход. Социокультурное пограничье в глобальном и региональном аспектах. М.: Институт Африки РАН, 2005.

43. *Грибанова В.В.* Образование в Южной Африке. М.: Институт Африки РАН, 2003.

44. *Даш Дореш Себаштьян Б.Л.* Современное состояние и перспективы развития Анголы и ее отношений с Россией. М.: Институт Африки РАН, 1998.

45. *Дейч Т.Л.* Африка в стратегии Китая. М.: Институт Африки РАН, 2008.

46. *Дейч Т.Л., Шубин В.Г.* Китай и Южная Африка: эволюция взаимоотношений. М.: Институт Африки РАН, 1999.

47. *Ирхин Ю.В.* Социология культуры. М.: АСТ, 2006.
48. *Зайцев А.К.* Социальный конфликт. М.: Academia, 2000.
49. *Катагощина И.Т.* Интеллектуальная элита в странах Тропической Африки: университеты, власть, общество. М.: Наука, 1991.
50. *Касимова А.Н.* Политическая власть и оппозиция в современной ЮАР. М.: Институт Африки РАН, 2009.
51. *Косухин Н.Д.* Африка: поиски обновления. Динамика политических изменений в конце XX – начале XXI в. М.: Институт Африки РАН, 2007.
52. *Косухин Н.Д.* Политология развития африканских стран. М.: РУДН, 2009.
53. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
54. *Мирзеханов В.С.* Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке. М.: ИВИ РАН, 2001.
55. Нестабильность в Африке: уроки прошлого и современные процессы. М.: Институт Африки РАН, 2006.
56. Общественная мысль в независимой Африке. М.: Институт Африки РАН, 2000.
57. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2003.
58. *Панасюк А.Ю.* Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. М.: Издательство «Омега-Л», 2007.
59. *Притворов А.В.* Южная Африка и другие страны южноафриканского региона в эпоху перемен. М.: Институт Африки РАН, 2002.
60. *Притворов А.В.* Опыт осуществления проектов развития на Юге Африки (технико-экономические аспекты, 1970–2006 гг.). М.: Институт Африки РАН, 2007.
61. Проблемы развития ЮАР и Зимбабве (Сборник статей). М.: Memories, 2007.
62. *Прокопенко Л.Я.* Замбия: особенности становления многопартийной системы (90-е годы). Ученые записки. Вып. 17. М.: Институт Африки РАН, 2000.
63. Российско-африканские отношения и образ России в Африке. М.: Институт Африки РАН, 2007.
64. *Рыбалкина И.Г.* Женщины современной Африки. Ученые записки Института Африки РАН. Вып. 11. М., 1999.
65. Современная Африка: метаморфозы политической власти. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2009.
66. Современные африканские лидеры. Политические портреты. М.: Издательский дом «XXI век-Согласие». 2001.
67. *Токарев А.А.* ФНЛА в антиколониальной борьбе и гражданской войне в Анголе. М.: Институт Африки РАН, 2006.
68. Тропическая Африка: от авторитаризма к политическому плюрализму? М., 1996.
69. *Хазанов А.М.* История Мозамбика в Новое и Новейшее время. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006.
70. *Чешков М.А.* Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М., 1979.
71. *Шубин В.Г.* Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999.

72. *Шубин Г.В.* Проблемы развития демократической Южной Африки. М.: Институт Африки РАН, 2006.
73. *Шубин Г.В., Майданов И.И.* Вооруженные силы и военная промышленность ЮАР. М.: Институт Африки РАН, 2007.
74. Эволюция традиционных институтов в колониальной и постколониальной Африке. М.: Институт Африки РАН, 2001.
75. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. Пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 1999.
76. Этнический фактор в политической жизни африканских государств. М.: Институт Африки АН СССР, 1990.
77. Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука, 2007.
78. Юг Африки. Наследие прошлого и настоящее. М.: Институт Африки РАН, 2006.
79. Южная Африка. Очерки социально-экономического и политического развития. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
80. Aparteid Past, Renaissanse Future. Ed. by Elizabeth Sidiropoulos. Johannesburg, 2004.
81. *Bachrach P.* The Theory of Democratic Elitism; A Critique. Boston: Little, Brown and Company, 1967.
82. *Bond P.* Elite Transition: From Apartheid to Neoliberalism in South Africa. L.: Pluto Press, 2000.
83. *Britton H. E.* Women in the South African Parliament: From Resistance to Governance. University of Illinois Press, 2005.
84. *Calland R.* Anatomy of South Africa. Who Holds the Power? South Africa: Zebra Press, 2006.
85. *Carthright J.* Political Leadership in Africa. L.-N.Y., 1983.
86. *Chanda A.* Zambia's Fledgling Democracy: Prospects for Future. Lusaka, 1994.
87. Democracy in Zambia: Challenges for the Third Republic. Harare, 1996.
88. *Goetz A.-M.* Governing Women: Women's Political Effectiveness in Contexts of Democratization and Governance Reform. Routledge, 1st edition, 2008.
89. *Goetz A.-M. and Hassim Sh.* No Shortcuts to Power: African Women in Politics and Policy Making. L., 2003.
90. *Good K.*. Realizing Democracy in Botswana, Namibia and South Africa. Africa Institute of South Africa, 1997.
91. *Gumede W.M.* Thabo Mbeki and the Battle for the Soul of the ANC. London: Zed Books, 2007.
92. *Hudleston S.* Face of Courage. A Biography of Morgan Tsvangirai. Cape Town: Double Storey, 2005.
93. *Johnston M.* Syndromes of Corruption: Wealth, Power, and Democracy. Cambridge University Press, 2006.
94. *Jung C.* Then I Was Black. South African Political Identities in Transition. Yale University Press. New Haven and London, 2000.
95. Legacies of Power. Edited by Roger Southall and Henning Melber. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 2006.
96. *Neocosmos M., Suttner R., Taylor I.* Political Cultures in Democratic South Africa. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 2002.

97. *Rakner L. and Skalnes T.* Political Institutions and Economic Reform: Zambia and South Africa in Comparative Context. Bergen, 1996.
98. *Scott C.* Nelson Mandela. A Force for Freedom. Carlton Books Limited, 2005.
99. *Seekings J. and Nattrass N.* Class, Race, and Inequality in South Africa. Yale University Press, 2005.
100. *Susser I.* AIDS, Sex and Culture: Global Politics and Survival in Southern Africa. Wiley-Blackwell, 2009.
101. *Von Doepp P.* The Survival of Malawi's Enfeebled Democracy, Current History, Blantyre: CLAIM, 2001.
102. *Willerton J.P.* Patronage and Politics in the USSR. Cambridge, New York, Sydney: Cambridge University Press, 1992.
103. Women and Custom in Namibia: Cultural Practice Versus Gender Eguality? Ed. by Oliver C. Ruppel. Windhoek, 2008.

Периодические издания

Азия и Африка сегодня. М.
Восток. М.
Время новостей. М.
Коммерсантъ. М.
Компас. ИТАР-ТАСС. М.
Новая газета. М.
Новая и новейшая история. М.
Новые Известия. М.
Политические исследования. М.
Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. М.
Российская газета. М.
Свободная мысль. М.
Советская Россия. М.
Africa Confidential. L.
African Affairs. L.
Bua Komanisi. Johannesburg.
Cape Times. Cape Town.
Daily Mirror. L.
Daily Nation. Nairobi.
The Economist. L.
Guardian. L.
The Guardian Weekly. L.
Lusaka Times. Lusaka.
Mail & Guardian. Johannesburg.
New African. L.
The Post. Lusaka.
Pro et Contra. M.
Sunday Independent. Pretoria.
Times of Zambia. Ndola.
Zambia Daily Mail. Lusaka.
Washington Post. Washington.

www.capetimes.co.za
www.newsday.co.zw
www.newzimbabwe.com
www.spiegel.de
www.timesonline.co.uk
www.zimdaily.com
www.zambianchronicle.com

Вэб-сайты международных и национальных организаций

www.amnesty.org.ru
www.cato.org
www.data.worldbank.org/country
www.eurodad.org
www.freedomhouse.org
www.nepad.org
www.sadc.int
www.stopcorruption.ru
www.theelders.org
www.transparency.org
www.un.org
www.unaids.org

Вэб-сайты государственных органов, политических партий, общественных организаций

www.aids.ru
www.anc.org.za
www.angola.polpred.com
www.banda4zambia.com
www.femin.ru
www.frelimo.org.mz
www.fwdeklerk.com
www.gov.bw
www.gov.sz
www.grnnet.gov.na
www.guide2womenleaders.com
www.ln.mid.ru
www.mmcizambia.org
www.npc.gov.na
www.parliament.gov.za
www.parliament.gov.zm
www.presidentbanda.com
www.sahistory.org.za
www.statehouse.gov.zm
www.swapoparty.org
www.unaids.org
www.whoswhosa.co.za

Новостные Интернет-ресурсы

www.prime-tass.ru
www.euronews.net
www.interfax.ru
www.iol.co.za
www.rbc.ru
www.rian.ru
www.news.bbc.co.uk
www.newsfactory.kz
www.reuters.com
www.telegraph.co.uk

SUMMARY

The monograph analyzes the problems of formation of new political elites in the states of South Africa, as well as the extent to which the ruling and opposition elites implement their functions in society. Elites are shown as complex social organisms which involve representatives of various social sectors and groups in society driven by their specific ethnic, regional, corporate and other interests.

The work shows the destructive impact of corruption on the elites and on the political process, it also identifies the specificity and the results of the fight against corruption. The author considers the issue of the growing role of mass-media and ICT (information and computer technologies) in shaping the image of individual politicians, political parties and state authorities.

The success of the long-term democratization in the states of South Africa depends largely on the desire, determination and skill of their ruling political elites to overcome major difficulties under conditions of underdeveloped socio-economic and political structures of African society, with its lack of strong democratic traditions and specifics of local political culture. Analyzing strategy and tactics of political elites is a matter of critical issue since it is the quality of the ruling elite which determines substantially the historic future of the states.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Л.Я. Прокопенко

НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ
В ГОСУДАРСТВАХ ЮГА АФРИКИ

Утверждено к печати
Институтом Африки РАН

Зав. РИО *Н.А. Ксенофонтова*

Редактор *Н.В. Мыларщикова*

Компьютерная верстка и дизайн *Г.М. Абишевой*

Подписано к печати 27.07.11 Объем 16 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 57

Отпечатано в ПМЛ Института Африки РАН
123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1